

Н. Мишеевъ.

РУССКІЙ ФАУСТЪ.

Опытъ
сравнительнаго выясненія основнаго художе-
ственнаго типа въ произведеніяхъ
ДОСТОЕВСКАГО.

Цѣна 1 р. 25 коп.

ВАРШАВА.
ТЯПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
1906.

Отд. оттискъ изъ журп. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“.

ПАМЯТИ МОЕЙ ДОРОГОЙ МАТЕРИ

ВВЕДЕНИЕ.

Самосознаніе извѣстнаго народа, какъ *одного* громаднаго цѣлаго, начинается со времени появленія въ этомъ народѣ памятниковъ литературы устной и письменной. Эти памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что данный народъ вышелъ уже изъ періода, когда весь смыслъ жизни сосредоточивался у него на ѣдѣ и питьѣ, и когда потребность къ духовной жизни была совсѣмъ заглушена, правильнѣе сказать, когда ея совсѣмъ почти не существовало. Появленіе же перваго литературнаго памятника, наоборотъ, говоритъ намъ о пробужденіи духовной жизни народа, объ его стремленіи реализовать эту жизнь и, такъ сказать, осязать тѣ, пока смутные еще идеалы, которыми онъ въ сущности вещей „живетъ и движется“.

Изъ сказаннаго уже можно заключить, что литература во всемъ ея объемѣ есть не что иное, какъ своеобразный показатель степени духовнаго состоянія того или другаго народа въ опредѣленное время его общественной жизни. Отсюда литература, какъ таковая, имѣетъ громадное значеніе, ибо, въ сущности говоря, только она и заявляетъ намъ о правоспособности из-

вѣстнаго народа на занятіе имъ почетнаго мѣста въ средѣ другихъ народовъ и только она опредѣляетъ собою духовную личность народа, тѣмъ самымъ не позволяя ему затеряться среди прочихъ національностей. Безъ литературы нѣтъ потому и народности, т.-е. нѣтъ сознанія своихъ рѣзко выдающихся характерныхъ чертъ, говоримъ *сознанія*, ибо тотъ народъ, который, хотя и имѣетъ нѣкоторыя свои особыя отличительныя свойства, но не сознаетъ ихъ, въ сущности и не причастенъ къ какой-либо народности.

Съ постепеннымъ развитіемъ литературы развивается и углубляется въ народѣ сознаніе самого себя, своего я. Это углубленіе народнаго самознанія, концентрируясь въ наиболѣе выдающихся и одаренныхъ личностяхъ, ведетъ къ тому, что послѣднія стремятся, по возможности полнѣе и всестороннѣе, охватить и уяснить душу народа, къ которому принадлежитъ, реализовавъ ее или въ самихъ себѣ, или же въ своихъ разнородныхъ художественныхъ созданіяхъ. Въ подобныхъ стремленіяхъ, о которыхъ намъ говорить не одна страница исторіи, должно видѣть непобѣдимое желаніе каждаго высоко-развитаго народа имѣть такого представителя изъ своей среды, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, собрались бы всѣ характерныя черты этого народа, и въ которомъ каждый членъ данной народности узналъ бы самого себя.

Ни одна изъ *отраслей* духовной жизни человѣчества не удовлетворяетъ этому его желанію въ такой степени, какъ именно литература и, по преимуществу — поэтическая. Поэтъ, какъ лицо наиболѣе одаренное, особенно глубоко причастенъ къ тайникамъ жизни своего народа, особенно постигаетъ скрытый для другихъ смыслъ его существованія и выражаетъ этотъ сокровенный смыслъ въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ обликовъ, представляющихъ изъ себя не что иное, какъ синтетическую личность всего народа.

Послѣднему необходима такая личность. Кажется, что все лучшее своей души отдаетъ онъ этой личности, надѣляя впрочемъ ее чрезъ поэта, не только всѣмъ лучшимъ, но и всѣмъ дурнымъ, однимъ словомъ, всѣмъ, что самъ имѣетъ, что даетъ ему опредѣленную фizioномію. Возлѣ такой личности весь народъ,

какъ бы группируется, ею всегда повѣряетъ самого себя, ее выдвигаетъ впередъ въ международныхъ спорахъ, ею наконецъ гордится, какъ залогомъ своей способности къ бытію, передаваемымъ всему міру на вѣчныя времена.

Литература различныхъ странъ и народовъ дала намъ многіе образы подобныхъ „синтетическихъ личностей“, однако надъ всѣми ими возвышается, точно гигантъ среди карликовъ, образъ Фауста Гёте. Нѣмецкій гений, надѣливъ своего героя многими чисто народно-германскими чертами, сдѣлалъ его въ то же время своеобразнымъ синтезомъ и всего человѣчества, а потому съ полнымъ правомъ передалъ имя его всѣмъ народамъ, какъ имя нарицательное.

Такимъ образомъ, подъ „Фаустомъ“ мы будемъ всегда разумѣть синтетическую личность того или другого народа, которая, правда, въ извѣстной странѣ среди своего народа носить и опредѣленное имя. Сохраняя эти имена, мы однако усваиваемъ всѣмъ носителямъ ихъ одно имя „Фаустъ“, какъ, повторяемъ, нарицательное, и, по полнотѣ своихъ общечеловѣческихъ и народныхъ чертъ, подходящее ко всѣмъ народностямъ. Это опять-таки не означаетъ, что въ нѣмецкомъ „Фаустѣ“ заключены характерныя черты всѣхъ народностей, но только то, что въ этомъ „Фаустѣ“ съ особеннымъ талантомъ предложень путь къ воссозданію синтетической личности всякаго народа съ непремѣннымъ однако соблюденіемъ и всѣхъ ея общечеловѣческихъ чертъ.

Если мы обратимся теперь къ литературѣ наиболѣе культурныхъ народовъ, то среди типовъ, созданныхъ ею, легко замѣтимъ нѣсколько такихъ, которые стоятъ во главѣ—прочихъ, и въ лицѣ которыхъ съ наибольшею яркостью отразилась духовная физиономія народа, породившаго ихъ. Эти типы и есть „Фаусты“.

Донъ-Кихоть Ламанскій, вѣчный испанскій гидальго, не переведшійся и до сихъ поръ, но принявшій лишь другой внѣшній видъ; Данте и Петрарка, личности которыхъ неотдѣлимы отъ ихъ произведеній; герой трилогіи Золя Пьеръ Фроманъ; Пееръ Гюнтъ и Брандтъ, созданные Ибсеномъ,—все это „Фаусты“, т.-е. синтетическія личности своихъ народовъ, выразив-

шя въ ббльшей или меньшей степени „смысль“ и отношеніе послбднихъ къ окружающему ихъ бытію.

Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ всѣхъ указанныхъ типовъ,—это не входитъ въ нашу задачу, хотя, безъ сомнбнія, было бы чрезвычайно интересно рассмотреть нѣкоторыхъ изъ европейскихъ „фаустовъ“ и уяснить себѣ тѣ причины и условія, которыми было вызвано ихъ появленіе въ данной литературѣ въ *извѣстный* историческій моментъ.

Обращаясь къ русскому народу и къ его великой литературѣ, мы, къ сожалбнію, не находимъ въ ней такого синтетическаго *единого* лица, въ которомъ со всею полностью отразилась бы личность этого народа. Не потому-ли, что эта личность необъятна или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще недостаточно выяснила самоѣ себя?.. Присматриваясь, на примѣръ, къ духовной фizioноміи русскаго народа, какъ она обрисовывается намъ на протяженіи цблага ряда вѣковъ въ самыхъ разнообразныхъ ея положеніяхъ, мы безъ труда улавливаемъ ея характернѣйшую черту, раскрытіе которой представляетъ однако само по себѣ почти непреодолимая трудность, мѣшающія, слбдовательно, и уясненію самой личности. Мы разумѣемъ стремленіе и склонность русскаго народа всѣ возникающіе въ жизни вопросы отъ самыхъ великихъ и до самыхъ незначительныхъ рѣшать, такъ сказать, не съ умственной, а съ нравственной точки зрбнія. Ни одинъ народъ такъ не нравственъ, какъ нашъ; ни одинъ такъ не „сердеченъ“, какъ опять таки народъ русскій.

Эта характернѣйшая черта русской народной личности удивительнымъ образомъ сказалась и во всей нашей литературѣ, что и дало поводъ одному изъ лучшихъ, если не самому лучшему, современныхъ русскихъ критиковъ, замѣтить, что „прекрасная и уже обширная въ поэтическомъ и художественномъ отношеніяхъ, наша литература не даетъ еще достаточной пищи для ума собственно, для размышленія. Любя своихъ великихъ писателей и постоянно перечитывая ихъ, мы можемъ воспитываться нравственно: научиться съ достоинствомъ проходить свою жизнь, быть внимательными ко всякому страданію и воздерживаться отъ всякаго зла. Кругъ отношеній къ ближнему, къ своему народу, разныя житейскія отношенія—все это истолковано

въ образахъ нашей литературы съ удивительнымъ разнообразіемъ, съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца“¹⁾).

Весьма понятно, что народная личность съ такимъ углубленнымъ нравственнымъ сознаніемъ очень трудно поддается окончательному опредѣленію, будетъ-ли послѣднее дано въ извѣстномъ живомъ образѣ, или же въ абстрактной мысли. Это опредѣленіе можетъ притти только чрезъ разсмотрѣніе цѣлаго ряда однородныхъ типовъ, созданныхъ *однимъ* писателемъ, задавшимся великою цѣлью выяснитъ „нравственность“ даннаго народа въ непрерывной цѣпи живыхъ образовъ, тѣсно связанныхъ между собою тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ нравственной проблемѣ человѣческаго бытія. Такимъ писателемъ мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать *Достоевскаго*.

Достоевскій занимаетъ совершенно обособленное мѣсто во всей міровой литературѣ. Можно назвать нѣсколько писателей, приближающихся къ нему и даже, повидимому, занимающихся тѣмъ же предметомъ, который и онъ избралъ себѣ, но это только—повидимому,—на самомъ же дѣлѣ разстояніе между этими писателями и Достоевскимъ—громадное, не связанное никакимъ мостомъ.

Что же это за предметъ, опредѣляющій сущность, характеръ и направленіе всего творчества Достоевскаго?

„Три момента мы можемъ различить въ душевномъ развитіи каждаго человѣка, пожалуй, всякаго народа и цѣлаго человѣчества. Не всѣ они переживаются каждымъ, развитіе можетъ бытъ не окончено у индивидуума-ли, у народа, или даже у обширной ихъ группы, совокупною жизнью слагающей извѣстный циклъ исторіи. Но всегда, когда это развитіе полно, оно протекаетъ три фазиса: непосредственной первоначальной ясности, паденія, возрожденія... Все, что рождаясь достигаетъ естественнаго конца и вмѣстѣ одарено высшимъ сознаніемъ, не можетъ избѣгнуть ни одного изъ этихъ моментовъ.

Если, однако, мы всмотримся въ ихъ соотношеніе, то увидимъ, что въ наблюдаемой дѣйствительности средній моментъ чрезмѣрно преобладаетъ надъ остальными двумя. Въ исторіи

¹⁾ В. В. Розановъ, „Литерат. Очерки“. Изд. II-е. Спб. 1902 г. стр. 89—90.

паденіе, преступленіе, грѣхъ—это центральное явленіе (по тѣмъ условіямъ, по той степени внимательности къ себѣ, какой требуетъ грѣхъ, преступленіе, вызывая на борьбу съ собою религію, законодательство, поэзію); въ немъ бьются безсильно индивидуумы, народы; о немъ учитъ и съ нимъ борется религія; тѣнью своею оно задѣваетъ, наконецъ, и высокое художество. И, между тѣмъ, смыслъ этого момента только относительный: преступное, грѣховное—это преступное противъ чего-то, что ранѣе ему предшествовало и было лучше его;—это паденіе, отъ котораго нужно подняться къ чему-то, вновь возродиться... Сущность грѣха такова, что она предполагаетъ возрожденіе.

Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче.

Чѣмъ глубже скорбь—тѣмъ ближе Богъ.

Въ этихъ двухъ стихахъ—смыслъ всей исторіи, и исторія развитія тысячъ душъ.

Проникновеніе въ законъ этотъ, и не только умомъ своимъ, но сердцемъ, совѣстью—составляетъ особую, ни съ кѣмъ не раздѣленную сферу духовнаго опыта Достоевскаго¹⁾.

Нельзя не согласиться съ только что приведенными словами нашего критика, на самомъ дѣлѣ открывающими существенный характеръ творчества Достоевскаго. Всѣ произведенія великаго русскаго писателя въ болѣе или меньшей степени дѣйствительно запечатлѣны стремленіемъ проникнуть въ разнородные тайники грѣха, изслѣдовать ихъ по возможности полнѣе и, на основаніи серьезности этого изслѣдованія, указать выходъ изъ области грѣха въ область свѣта и небесной радости.

Зная теперь характернѣйшую черту русской народной личности, имѣя представленіе о направленіи и цѣляхъ творчества Достоевскаго, мы утверждаемъ, что ни одинъ изъ нашихъ писателей не могъ такъ близко подойти къ душѣ своего народа, такъ понять ее, какъ могъ это сдѣлать Достоевскій. Душа его была вполнѣ родственна съ душой русскаго народа, талантъ его былъ, какъ бы своеобразный синтезъ тѣхъ безчисленныхъ нравственныхъ и безнравственныхъ вожделѣній, кото-

¹⁾ Розановъ, „Лит. Очерки“, 146—7 стр.

рыми пропитана отъ корней до верхушекъ вся русская жизнь.

Въ прозорливо-пророческомъ проникновеніи Достоевскаго сокровенной сущности русскаго человѣка, въ кровномъ родствѣ нашего писателя съ русской народной душой и заключается его преимущество предъ прочими великими писателями земли русской—Гончаровымъ, Тургеневымъ, Островскимъ, гр. Л. Н. Толстымъ, „которые не столько проникали въ глубь нравственной личности своего народа, сколько были заняты художественной обрисовкой этого народа въ его исторически сложившемся бытѣ“ (Розановъ).

— „Достоевскій, — прекрасно говоритъ Д. С. Мережковский ¹⁾, — роднѣе, ближе намъ. Онъ жилъ среди насъ, въ нашемъ печальномъ, холодномъ городѣ; онъ не испугался сложности современной жизни и ея неразрѣшимыхъ задачъ, не бѣжалъ отъ нашихъ мученій, отъ заразы вѣка. Онъ любитъ насъ просто, какъ другъ, какъ равный, — не въ поэтической дали, какъ Тургеневъ, и не съ высокоуміемъ проповѣдника, какъ Левъ Толстой. Онъ — нашъ всѣми своими думами, всѣми страданіями. „Онъ съ нами пилъ изъ общей чаши, какъ мы отравленъ и великъ“. — Толстой слишкомъ презираетъ „гнилое“ интеллигентное общество, чувствуетъ слишкомъ глубокое отвращеніе къ сладостямъ грѣшныхъ людей. Онъ отталкиваетъ, пугаетъ своимъ презрѣніемъ, своею грубостью въ сужденіи о томъ, что все-таки останется людямъ дорого и свято, несмотря ни на какія нападки. Достоевскій въ нѣкоторыя минуты ближе намъ, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ мы живемъ и кого любимъ, — ближе, чѣмъ родные и друзья. Онъ — товарищъ въ болѣзни, сообщникъ не только въ добрѣ, но и во злѣ, а ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общіе недостатки. Онъ знаетъ самыя сокровенныя наши мысли, самыя преступныя желанія нашего сердца. У него встрѣчаешь тайныя мысли, которыхъ не рѣшился бы высказать не только другу, но и самому себѣ. И когда такой человѣкъ, исповѣдавшій наше сердце, все-таки прощаетъ насъ, когда онъ говоритъ: „вѣрьте въ добро, въ Бога, въ себя“, — это больше,

¹⁾ „Вѣчные Спутники“. Изд. II-е. Спб. 1899 г, стр. 342.

чѣмъ эстетическій восторгъ передъ красотой; больше, чѣмъ высокоумѣнная проповѣдь чуждаго пророка...

Достоевскій — это человекъ, только что вышедшій изъ жизни, только что страдавшій и плакавшій. Слезы еще не высохли у него на глазахъ, онѣ чувствуются въ голосѣ; рука еще дрожитъ отъ волненія. Книгъ Достоевскаго нельзя читать: ихъ надо пережить, выстрадать, чтобы понять. И потомъ онѣ уже не забываются“.

Такое „оригинальное“ положеніе, какое занимаетъ Достоевскій въ отечественной литературѣ, даетъ намъ возможность сдѣлать вполне правдивое заключеніе, что, если кто-либо и могъ изъ нашихъ писателей создать типъ „русскаго Фауста“, то только одинъ Достоевскій.

„Русскій Фаустъ“, какъ синтетическая личность народа, изъ среды котораго онѣ вышелъ, долженъ въ полной степени отражать въ себѣ всѣ существенныя черты послѣдняго, другими словами, — онѣ долженъ воплотить въ себѣ всѣ виды, ступени „русской нравственности“, какъ она сказала въ самомъ народѣ. Глубины крайняго нравственнаго паденія и возстанія чуть-ли не къ самымъ небесамъ съ *непрерывнымъ* сохраненіемъ чисто-русскихъ чертъ такихъ полюсовъ нравственной жизни — вотъ что долженъ реализовать въ себѣ „русскій Фаустъ“.

Вслѣдствіе-ли необъятности подобныхъ полюсовъ и невозможности увидѣть ихъ *сразу*; вслѣдствіе-ли недостаточнаго уясненія самимъ народомъ (какъ мы уже замѣчали), собственныхъ нравственныхъ идеаловъ; можетъ быть и по отсутствію нужнаго времени у Достоевскаго, — нашему писателю не удалось воплотить въ одномъ лицѣ типъ русскаго Фауста ¹⁾, хотя изъ этого вовсе и не слѣдуетъ, что и вообще Достоевскій не далъ синтетической личности русскаго народа; нѣтъ, эта личность безусловно находится въ его произведеніяхъ, она составляетъ центральное лицо каждаго изъ нихъ и, нося вездѣ различныя имена, въ сущности вещей представляетъ одно лицо,

¹⁾ Пр. Булгаковъ въ своей извѣстной лекціи, читанной имъ въ г. Киевѣ, „русскаго Фауста“ видѣлъ въ одномъ *Иванѣ Карамзовѣ*, съ чѣмъ мы рѣшительно не согласны.

но лишь въ разные возрасты и степени своего духовнаго развитія.

Такимъ образомъ, задача изслѣдователя центральнаго художественнаго типа произведеній Достоевскаго, типа, которому мы усвоимъ имя „русскаго Фауста“, будетъ состоять въ томъ, чтобы изъ многочисленныхъ „ликовъ“ этого „Фауста“ возсоздать одно лицо, съ полнымъ сохраненіемъ его индивидуальныхъ, общечеловѣческихъ чертъ. Такая задача опредѣляетъ собою и самый методъ настоящаго изслѣдованія. Этотъ методъ долженъ носить характеръ — *сравнительно-выяснительнаго*, ибо цѣль его заключается въ томъ, чтобы посредствомъ выясненія и сравненія каждаго отдѣльнаго „лика“ „русскаго Фауста“ съ — другимъ, восходить къ цѣльному и полному его образу.

Сознаемся, что приступаемъ къ настоящей работѣ съ нѣкоторою робостью. Робость эта имѣетъ своимъ основаніемъ не недостаточное знакомство съ источниками и пособиями изслѣдуемаго предмета, наоборотъ, — надѣемся, что съ этой стороны мы сдѣлали все зависящее отъ насъ, а то подавляющее количество и качество идейнаго матеріала, разрастающагося по мѣрѣ его разработки, которымъ преисполнены произведенія нашего великаго писателя, и который, къ сожалѣнію, лишь въ послѣднее время привлекъ къ себѣ взоры русской и иностранной критики. Къ этому нужно прибавить еще и новый, по своей своеобразности, методъ настоящаго изслѣдованія, — мы хотимъ сказать, что въ критической, какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ *намъ лично* не извѣстенъ трудъ, вполне подходящій по задачамъ и методу къ нашему.

Принимая во вниманіе все сказанное, а также и то, что вопросъ, разбираемый въ настоящемъ изслѣдованіи, наиболѣе располагаетъ къ чисто-субъективнымъ выводамъ, мы заранее уже не отказываемся отъ упрека въ излишней субъективности высказываемыхъ здѣсь мыслей, приобщающейся къ нимъ, можетъ быть, при всемъ желаніи остаться на объективной почвѣ.

Нѣсколько словъ о литературѣ нашего предмета.

Источникомъ служили намъ — „Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго“. Изд. IV. Спб. 1899.

Что касается пособій, то укажемъ только главнѣйшія изъ нихъ,

такъ какъ перечислять все прочитанное нами по настоящему вопросу нѣтъ никакой нужды. Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставимъ въ высшей степени оригинальный трудъ

Д. С. Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій“. Т. I. Изд. II-е. Спб. 1901 г. Т. II. Спб. 1902 г.

Критикъ останавливается по преимуществу на религіозныхъ воззрѣніяхъ названныхъ писателей. По его мнѣнію, какъ гр. Толстой, такъ и Достоевскій, раскрыли всѣ возможные глубины человѣческой плоти и духа, показавъ въ концѣ концовъ грандіозный синтезъ этихъ двухъ половинъ человѣческаго существа во взаимномъ проникновеніи одного начала другимъ, но никакъ не въ возвышеніи одного—на счетъ другого. „Святость и освященіе человѣка не въ одномъ духѣ, какъ учить извращенное людьми Евангеліе, а въ духовной плоти“. Такова главная мысль труда Мережковскаго, подтверждаемая, по его мнѣнію, и произведеніями величайшихъ русскихъ писателей.

Его же: „Вѣчные спутники“. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. II-ое. Спб. 1899 г.

Это рядъ превосходныхъ характеристикъ всемірныхъ писателей, между прочимъ, и Достоевскаго. Съ особеннымъ талантомъ и умѣніемъ останавливается здѣсь Мережковскій на разборѣ романа „Преступленіе и наказаніе“.

В. В. Розановъ: „Литературные очерки“. Изд. II-е. Спб. 1902.

Его же: „Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго“. Опытъ критическаго комментарія. Изд. II-е. Спб. 1902 г.

Повторяемъ, что, по нашему мнѣнію, г. Розанова нужно считать лучшимъ изъ современныхъ критиковъ. Глубокое философское образованіе помогаетъ ему разбираться въ такихъ вопросахъ отечественной литературы, открывать такія „тайны“ ея, которыя другимъ почти недоступны. Иногда на немногихъ страницахъ этотъ писатель говорить, напримѣръ, о Достоевскомъ то, чего другіе не сумѣли сказать, исписывая цѣлые листы.

Л. Шестовъ: „Добро въ ученіи гр. Л. Толстого и Нитцше“. Спб. 1900 г.

Его же: „Достоевскій и Нитцше“ (Философія трагедіи). Спб. 1903 г.

Л. Шестовъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые, не будучи сами въ состояніи доказать „странную“ мысль, пришедшую имъ въ голову, пытаются сдѣлать это съ помощью другихъ, — у которыхъ они якобы находятъ „удивительное“ подтвержденіе своей собственной мысли. Не останавливаясь на первомъ изъ указанныхъ трудовъ критика, имѣющимъ лишь косвенное отношеніе къ нашей работѣ, обратимъ вниманіе на—второй. Самымъ невыносимымъ врагомъ человѣчества,—завлечаетъ Л. Шестовъ, былъ и есть идеализмъ, съ числомъ жертвъ

котораго не могутъ сравниться жертвы нашествій Атилъ, Тамерлановъ, Наполеоновъ. Идеализмъ поэтому есть настоящій и дѣйствительный палачъ всего человѣчества. Творчество Достоевскаго служитъ яркимъ тому подтвержденіемъ. Всѣ герои его погибаютъ именно потому, что живутъ вопреки дѣйствительнымъ стремленіямъ своей природы, желая направить ее на служеніе идеализму, къ которому на самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакого отношенія. Вотъ вкратцѣ сводъ „мыслей“ Шестова, якобы находимыхъ имъ у Достоевскаго. Дѣйствительно, нѣчто подобное мы замѣчаемъ у послѣдняго, но въ то время, какъ Шестовъ, на основаніи этого „нѣчто“, дѣлаетъ уже окончательную характеристику *всего* творческаго мышленія Достоевскаго, мы лично видимъ въ немъ („нѣчто“) если не начало, то, въ крайнемъ случаѣ, лишь средану этого мышленія, разрѣшившагося въ окончаніи своемъ въ чудный гармоническій аккордъ, что ниже мы и постараемся доказать.

Л. Л. Во л ы н с к і й: „Царство Карамазовыхъ“. Спб. 1901 г.

Его - же: „Книга великаго гнѣва“. Спб. 1904 г.

Весь трагизмъ г. Волинскаго заключается въ томъ, что его претензіи далеко ниже его дарованій... Читаешь его нѣсколько истеричныя книги, удивляешься иногда двумъ-тремъ вѣрнымъ замѣчаніямъ, а въ заключеніе чуть-ли не спишь надъ тѣми разсужденіями, которыми онъ, сладко журча, наполняетъ безчисленныя страницы своихъ трудовъ. Его характеристики романовъ Достоевскаго „Братья Карамазовы“ и „Бѣсы“ въ общемъ вѣрны, хотя чрезвычайно блѣдны. Къ довершенію всего этого нашъ критикъ еще очень часто и противорѣчить самому себѣ (см. ниже).

В. З е л и н с к і й: „Критическій комментарий къ сочиненіямъ Достоевскаго“. 3 ч. Изд. III-е 1901 г.

Сборникъ „русскихъ критическихъ разсужденій“ на тему: почему данный писатель не работаетъ въ томъ направленіи, какое *лжт*, критику, кажется самымъ достойнымъ человѣческаго званія. „Разсужденія“, по большей части, очень и очень „сердитаго характера“...

Его - же: „Критическіе разборы романа Достоевскаго *Братья Карамазовы*“. Дополненіе ко II-му изданію „Критическихъ комментариевъ къ сочиненіямъ Достоевскаго“. Москва. 1894 г.

Предыдущій отзывъ полностью можетъ быть приложимъ и къ этимъ „критическимъ разборамъ“.

Ө. Д. Б а т ю ш к о в ъ: „Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ“. Ч. II. Спб. 1902 г.

Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, очень дѣльные замѣчанія и о Достоевскомъ.

ЧАСТЬ I-я.

„ПОДПОЛЬЕ“.

„Каменная стѣна не-успокоеніе“.

„Записки изъ Подполья“.

Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Забитый человекъ.

Когда отлагаешь въ сторону прочитанныя нѣсколько разъ сочиненія Достоевскаго, когда умственно просматриваешь безконечную вереницу созданныхъ имъ лицъ, тогда окончательно увѣряешься въ своей мысли, которая не разъ приходила тебѣ въ голову и при самомъ чтеніи произведеній этого писателя, а именно: Достоевскій цѣль своей поэтической дѣятельности видѣлъ въ томъ, чтобы показать всему міру „человѣка“, начиная съ тѣхъ ступеней его духовнаго состоянія, когда послѣдній находитъ единственное утѣшеніе въ томъ, что „онъ маленькій человекъ, ничтожный человекъ“ (ром. „Бѣдные люди“ — Макаръ Дѣвушкинъ), „робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой“ (*ibid.*—Горшковъ), и кончая—тѣмъ, когда этотъ человекъ заявляетъ, что ему „все позволено“ („Бр. Кар.“—Иванъ Карамазовъ), что „его воля выше всего“ (Бѣсы—Кирилловъ).

Однако и Макаръ Дѣвушкинъ, и Карамазовъ Иванъ еще не выражаютъ совершеннаго человекъ... Совершенный человекъ — это гармонія, это чудный аккордъ... И вотъ создается образъ Зосимы („Братья Карамазовы“) съ его „все хорошо“, а, слѣдовательно, и „все любите“, „всему радуйтесь!...“.

Настоящую главу мы посвятимъ „Макарамъ Дѣвушкинымъ“, т. е. тому типу людей, который удачно названъ Добролюбовымъ „забитымъ“¹⁾.

Что такое забитый человекъ?

Жизнь — это бесконечный калейдоскопъ самихъ разнообразныхъ впечатлѣній, внутреннюю связь которыхъ необходимо понимать, разгадывать, если хочешь мало-мальски „устроиться“ на этомъ свѣтѣ и съ приблизительнымъ хотя бы смысломъ пройти свой жизненный путь.

Не всякому дана способность этого пониманія. Не каждый способенъ разобраться въ смыслѣ того жизненнаго калейдоскопа, который постоянно проходитъ предъ его глазами. Большинство теряетъ, пугается и, закрывъ глаза, устраивается въ какомъ-либо „уголкѣ“, признавая этимъ свое полнѣйшее безсиліе стоять у жизни, показывать ее другимъ и со смѣлостью самому смотрѣть послѣдней въ лицо.

Много есть разновидностей этого большинства. Нѣкоторые даже и не подозреваютъ, что къ нему принадлежатъ. Поговоримъ теперь о самой низшей и наиболѣе заслуживающей состраданія разновидности.

Иногда присматриваясь къ человекѣ, къ его разнообразному по своей индивидуальности душевному складу, поневолѣ вдругъ начинаешь прямо-таки *вирить*, что природа, создавая себя „царя своего“, надѣляя его всеми данными для должнаго прохожденія этого высокаго сана, иногда, въ веселія минуты, позволяла себя шутить при созданіи человекѣ, выпуская его на свѣтъ Божій „недодѣланнымъ“. И никоимъ образомъ не скрыть такому человекѣ своей „недодѣланности“! Она всегда выдастъ себя, заставитъ посмотрѣть себя прямо въ лицо, принудитъ, наконецъ, со скрежетомъ зубнымъ сознаться, что отъ нея нельзя отвязаться, что она для извѣстнаго человекѣ душа его души... И вотъ, когда это сознаніе окончательно овладѣетъ бѣднымъ человекѣ, тогда послѣдній вдругъ „съезживается“, начинаетъ „стороночкой ходить“, „часто безъ причины уничтожать самого себя“ (Дѣвушкинъ). И будь этотъ человекъ даже уменъ,

¹⁾ В. Зеліпскій, „Крит. комментарий“. Часть 1-я, 150, 8, 178 стр.

талантливъ — все равно! Ничто не избавить его отъ того, чтобы „часто безъ причины унижать самого себя“, сознавая въ то же время всю невыносимую боль этого униженія. И счастье, если сознание „недодѣланнаго“ человѣка очень мало! Тогда ему все-таки легче прожить на свѣтѣ, — меньше мукъ...

Макаръ Дѣвушкинъ, Горшковъ, старикъ Покровскій („Бѣдные люди“), г. Голядкинъ („Двойникъ“), г. Прохарчинъ (разсказъ того же имени), Шумковъ („слабое сердце“), Росталевъ („Село Степанчиково“), Иванъ Петровичъ („Униженные и оскорбленные“) и мн. др. — все это „люди недодѣланные“, а потому и *забитые*. Всѣ они живутъ какъ-то „ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку, втихомолочку“ (*Дѣвушкинъ*), „въ уголку“; всѣ они пришли къ тому, что „всякое состояніе определено Всевышнимъ... способности устроены самимъ Богомъ“ (*Дѣвушкинъ*).

Отличительной чертой всѣхъ этихъ людей, связывающей ихъ воедино, нужно назвать отсутствіе въ нихъ *настоящаго* сознанія своего положенія. Говоримъ: *настоящаго*, т.-е. сознанія, не боящагося самого себя, ибо „трусливую мысль“ о своей „недодѣланности“ они имѣютъ.

„Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ заустѣннѣи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?... Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, — зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ?... Грѣшно такъ думать, да тутъ по неволѣ грѣхъ въ душу лѣзетъ“ (*Дѣвушкинъ*).

Эти замѣчательныя стороны глубоко вскрываютъ предъ нами душу *забитаго* человѣка. Въ нихъ слышится голосъ своеобразной революціи духа, голосъ Раскольниковъ, Ивана Карамазова, „міра не принимающаго“, Ипполита („Идіотъ“), возмущавшагося нелѣпыми законами природы. Но у этихъ людей сознаніе не боялось самого себя. Эти люди не говорили, что „грѣшно такъ думать“... Нѣтъ, — эти люди были Прометеи, бросившіе вызовъ міру съ его Творцомъ.

„Дѣвушкины“ не доходили до „бунта“. Они примирились

со своимъ положеніемъ, всяческимъ образомъ отгоняя отъ себя всѣ „либеральныя мысли“. Ихъ счастье, что они водились еще съ людьми, что дѣло, при которомъ они состояли, не позволяло имъ „самоуглубляться“, т.-е. побольше раздумывать надъ своею „неододѣланностью“, побольше проникаться страшнымъ революціоннымъ вопросомъ: „да почему же именно я такой“?...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Герой повѣсти „Записки изъ подполья“.

— „Я уже давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Теперь доживаю въ своемъ углу...

... О чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну, такъ я буду говорить о себѣ“... — („Записки изъ подполья“).

Изъ „разговора“ „подпольнаго человѣка“ о самомъ себѣ мы узнаемъ, что онъ — знакомый уже намъ „забитый человѣкъ“, боящійся людей, спрятавшійся отъ нихъ въ свой „уголокъ“, и въ этомъ углу перебирающій самого себя, имѣющій, такъ сказать, дѣло только съ собственнымъ сознаниемъ.

Макаръ Дѣвушкинъ — это нарицательное имя человѣческой „неододѣланности“, былъ по своему счастливъ, потому что боялся признанія своего да и не имѣлъ досужнаго времени пользоваться имъ.

„Подпольный человѣкъ“ ушелъ отъ людей и пришелъ... къ своему сознанию. Помѣстившись съ этимъ послѣднимъ „въ грязномъ, скверно-пахнувшемъ углу“, онъ началъ съ нимъ разговоръ, безъ сомнѣнія, состоявшій лишь въ требованіяхъ, предъявляемыхъ сознанию со стороны „подпольнаго жителя“, дать отвѣтъ на вопросъ: „почему я такой“?

Этотъ странный, но истинно-человѣческій разговоръ продолжался двадцать лѣтъ, и вотъ, лишь только „подпольный человѣкъ“ заявилъ, что онъ будетъ теперь говорить о самомъ се-

бѣ, какъ вдругъ сейчасъ же, съ первой строки, раздается его отчаянный вопль:

— „Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь!... Больше скажу: *всякое* сознание — болѣзнь!“..

Таковъ былъ результатъ двадцати-лѣтней бесѣды съ своимъ сознаниемъ. Такъ можетъ говорить только тотъ человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы получить отъ сознания своего отвѣтъ, увидѣлъ предъ собой лишь рядъ новыхъ вопросовъ, поставленныхъ этимъ сознаниемъ, вопросовъ, отвѣта на которые, повидимому, уже никто дать не могъ.

Мы можемъ себѣ хорошо представить, что это за вопросы сознания, обращенные къ человѣку. Собственно говоря, это даже и не вопросы, а миллионъ „вопросиковъ“, касающихся самыхъ разнообразныхъ, часто скрывааемыхъ самимъ человекомъ, потайныхъ уголковъ его собственной души.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы получить отъ сознания излѣчение „болѣзни“, „неодѣланный“ человѣкъ только увеличиваетъ свою болѣзнь, открывая въ ней тѣ раны, о которыхъ прежде ничего не зналъ. Сознание, такимъ образомъ, терпитъ своеобразное банкротство. Оно обрисовывается, какъ „нѣчто“, лишенное чего-либо положительнаго и оказывается способнымъ только къ отрицанію, правильнѣе сказать, къ удивительному равнодушному ковырянію въ чувствахъ, мысляхъ и поступкахъ того, кто вздумалъ обратиться къ нему за помощью. Оно парализуетъ волю этого человѣка, заставляя его сказать, что — „умный человѣкъ и не можетъ быть дѣятелемъ, не можетъ чѣмъ-нибудь серьезно сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ“ („Зап. изъ подп.“).

Пришедши къ такому заключенію, человѣкъ, конечно, порываетъ всѣ связи съ какою-либо дѣятельностью. Онъ и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ вѣрить, что она ограничиваетъ развитіе его собственной личности, а потому все вниманіе обращаетъ исключительно на свою внутреннюю жизнь, скорѣе на всѣ ея „нестроенія“, которыя теперь, освѣщенные сознаниемъ, особенно бросаются ему въ глаза. Тогда начинается жизнь въ „подпольѣ“. Тогда забитый человѣкъ превращается въ *под-*

полюбно, который занять только одною ирраціональною человѣческой природою и, забывая, что ирраціональность эта всегда переплетается съ высочайшею рациональною, изслѣдуетъ съ „злѣбнымъ сознаніемъ“ только первую и въ ней вдругъ открываетъ коренную сущность человѣческаго существа ¹⁾).

„Развѣ сознающій человекъ можетъ себя уважать хоть сколько нибудь“? — спрашиваетъ „подпольный человекъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же здѣсь толковать о самоуваженіи, когда, спустившись въ „подполье“, вдругъ видишь всѣ свои неприкрытыя ничѣмъ „прелести“? — „Ну, развѣ можно, развѣ можно хоть сколько нибудь уважать себя человекъ, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія посягнуть отыскать наслажденіе“? („Зап. изъ подп.“).

Очень характерный „вопросикъ“! Съ одной стороны, онъ говоритъ намъ, что сознаніе и въ самомъ дѣлѣ доставило „подпольному человекъ“ только рядъ униженій въ томъ, въ чемъ онъ, какъ „забитый“ человекъ, раньше ничего унижительнаго и не видѣлъ, а съ другой — предъ нами открывается здѣсь та странная черточка человѣческой души, которая всегда заставляетъ человекъ искать прежде всего *самоудовлетворенія*, и если такового нельзя вывести изъ чего-либо положительнаго, то искать его даже въ отрицательномъ, въ данномъ случаѣ — въ униженіи самого себя.

Однако наслажденіе собой не есть самоуваженіе, — для послѣдняго требуется основаніе гораздо болѣе глубокое, чѣмъ для перваго, а именно: въ то время, какъ наслаждаться я могу и гадостью, которую сдѣлалъ, уважать самого себя могу только за нѣчто положительное въ моемъ существѣ.

— „О, если-бы я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни!... Господи, какъ бы я тогда уважалъ самого себя! Уважалъ-бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ, хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ-будто и положительнымъ, въ которомъ я бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтый!... Да вѣдь это препрiятно было бы слышать

¹⁾ Л. Шестовъ простодушно и повѣрялъ, что „подпольный человекъ“ есть выразитель дѣйствительныхъ воззрѣній Д-го. Нашъ критикъ проглядѣлъ идею „Записокъ“ и конечное самоосужденіе героя ихъ.

о себѣ. Значить, положительно опредѣленъ, значить, есть что сказать обо мнѣ“. („Зап. изъ подп.“).

Откуда такая жажда уваженія? Зачѣмъ нужно самоуваженіе „подпольному человѣку“?

— „Я, — говоритъ онъ мимоходомъ въ одномъ мѣстѣ, — образованъ, чтобы не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ“.

То, что „подпольный человѣкъ“ называетъ суевѣріемъ, есть не что иное, какъ нѣкое начало, противоположное сознанию, „умственности“; начало, основаніе которому нужно искать въ *чувствѣ*, т.-е. въ томъ, на чемъ держится и вѣра „въ надзвѣздные идеалы“. Если же человѣкъ вообще и можетъ за что-либо уважать самого себя, то ужъ, конечно, за ту степенъ *нравственнаго* идеала, которую онъ осуществилъ. Вслѣдствіе этого, въ тоскѣ „подпольнаго человѣка“ по „самоуваженію“ нужно видѣть *инстинктивное* его стремленіе именно къ „надзвѣзднымъ идеаламъ“, которыхъ онъ, повидимому, не признаетъ, о которыхъ никогда почти не вспоминаетъ, и надъ которыми иногда даже, какъ будто бы и посмѣивается.

До сихъ поръ мы видѣли „подпольнаго человѣка“, такъ сказать, наединѣ съ его безсильнымъ сознаниемъ. Мы знаемъ, что обратился онъ къ этому сознанию за помощью, прося его дать ему, „забитому человѣку“, силъ возвыситься хоть какъ-нибудь въ собственныхъ глазахъ, заставить уважать самого себя... Сознаніе отказало и не только не помогло выбраться бѣдному человѣку на свѣтъ Божій, но, какъ говорится, вогнало его въ еще болѣе смрадную пропасть, чѣмъ та, въ которой онъ раньше сидѣлъ. И вотъ теперь изъ глубины этой пропасти къ намъ доносится крикъ: — „клянусь!... Всякое сознаніе болѣзнь!“ —

Болѣзнь? Хорошо. Но, почему же не избавиться отъ этой болѣзни?... Другими словами, — почему сознаніе приобрѣло такую власть надъ „подпольнымъ человѣкомъ“?

— „Человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ. Это мое сорокалѣтнее убѣжденіе“. („Зап. изъ подп.“).

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію *волевой* стороны духовнаго существа „подпольнаго человѣка“ и здѣсь открываемъ

источникъ и причину вообще всего его духовнаго облика. Этотъ человѣкъ — безхарактеренъ въ корнѣ своемъ. Только эту безхарактерностью и можно объяснить странное господство у него „обанкротившагося“ сознанія.

Центральное положеніе въ духовной организаціи человѣка занимаетъ его воля, — разумъ и область чувствованій — это нѣчто второстепенное, не столько характеризующее человѣческую личность, сколько дополняющее то, что скажетъ о ней воля. Однако совершенство таковой личности зависитъ и отъ степени гармоніи воли съ разумомъ и чувствомъ: излишнее господство ея на счетъ этихъ другихъ не даетъ ужъ нужнаго совершенства. Еще болѣе далекъ человѣкъ отъ послѣдняго, когда разумъ и его начала царятъ въ немъ въ ущербъ волѣ и чувству.

Типъ такого человѣка и представляетъ собою житель „подполья“. Безхарактерность онъ возводитъ въ своего рода принципъ, который и полагаетъ въ основу всей своей жизни. Отсутствіе воли привело его къ тому, что онъ буквально не можетъ приняться за какое-либо дѣло, не можетъ до конца *охарактеризовать* себя, такъ сказать, „додѣлать“; а потому носится только съ однимъ сознаніемъ, распространяя его вліяніе и на тѣ области, гдѣ послѣднему, собственно, нѣтъ мѣста, и гдѣ оно, будучи сдерживаемо волей, явилось бы только помощникомъ человѣка въ пріобрѣтеніи и уясненіи нужныхъ идеаловъ.

— „Скажите мнѣ вотъ что, — говоритъ подпольный человѣкъ, — отчего такъ бывало, что, какъ нарочно, въ тѣ самыя минуты, въ которыя я наиболѣе былъ способенъ сознавать всѣ тонкости „всего прекраснаго и высокаго“, какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось ужъ не сознавать, а дѣлать такія непристойныя дѣянья, такія, которыя... ну-да, однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ, пожалуй, дѣлаютъ, но которыя, какъ нарочно, приходили у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совсѣмъ не слѣдовало бы дѣлать? Чѣмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ „прекрасномъ и высокомъ“, тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но

главная черта была въ томъ, что все это какъ-будто не случайно во мнѣ было, а какъ-будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что, наконецъ, у меня и охота прошла бороться съ этой порчей“.

Ниже, изъ устъ другихъ героевъ Достоевскаго, мы не разъ еще услышимъ нѣчто подобное, но тамъ увидимъ и „вышшеніе“ смысла этихъ рѣчей, чего теперь совершенно не замѣчаемъ въ „подпольномъ человѣкѣ“, имѣющемъ дѣло лишь съ однимъ своимъ сознаниемъ. Недостаточно только сознавать „прекрасное и высокое“, — нужно чувствовать его, а чувствуя, имѣть силу провести въ жизнь; если я буду только сознавать это „прекрасное и высокое“, то рядомъ съ нимъ могу поставить и „грязное“, ибо предъ сознаниемъ оно имѣетъ одинаковую цѣну съ первымъ, кромѣ того, „грязное“ я скорѣе и въ жизнь проведу, потому что для него не нужно усилій, не нужно борьбы.

„Подпольный человѣкъ“ такъ и поступаетъ. Вотъ онъ встрѣчаетъ проститутку и начинаетъ ей, погибшему существу, напоминать о прошломъ-быломъ честномъ счастьѣ, говорить настоящія проповѣди о любви, рисовать предъ нею картины будущаго ужаснаго наденія, увѣрять, наконецъ, ее въ своей любви, и когда та, дѣйствительно, вдругъ оживаетъ, онъ, и въ продолженіи рѣчей своихъ чувствуя всю ложь ихъ, совершаетъ надъ дѣвушкой по окончаніи своей „проповѣди“ гнусный поступокъ, понимая, что онъ вполне губитъ бѣдную дѣвушку, и, наконецъ, выгоняетъ ее, страдая самъ, чувствуя всю низость своего дѣла, презирая и безъ конца унижая себя, и въ то же время наслаждаясь всѣмъ этимъ.

Такъ можетъ поступать и чувствовать только человѣкъ, у котораго, дѣйствительно, безхарактерность возведена въ принципъ, который (человѣкъ) самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, къ чему стремится, что ему нужно, для чего онъ вообще живетъ; который сознаетъ всю гадость своего существованія, но не можетъ развязаться съ нею, ибо находитъ, по его словамъ, „громадное сладострастное наслажденіе“ копаться въ ирраціональностяхъ своей личности и видѣть *только* ихъ.

Наша характеристика „подпольнаго человѣка“ не была бы окончательно завершена, если бы мы, хотя въ краткихъ чертахъ, не коснулись тѣхъ особенныхъ „идей“, которыми время отъ времени занято его сознание, предоставленное *исключительно* самому себѣ.

— „Какое мнѣ дѣло, — говоритъ „подпольный человѣкъ“, — до законовъ природы и ариеметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы не нравятся? Эти законы природы всю жизнь меня обижали!.. Не выношу я, что дважды два четыре!.. Дважды два четыре, вѣдь это, по моему, нахальство-сь“!

Въ этихъ словахъ мы находимъ своеобразное выраженіе Достоевскимъ неудовлетворенности человѣка, понадѣявшагося на свой разумъ и убѣдившагося въ несостоятельности его. Оказалось, что разумъ не въ силахъ отвѣтить на вѣковѣчные вопросы, — онъ можетъ лишь привести насъ къ опредѣленнымъ законамъ, своего рода — стѣнѣ, о которую и даетъ толкнуться лбомъ, чтобы очнуться и увидѣть его слабость.

— „Но развѣ такая каменная стѣна и вправду есть усвоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды два четыре?.. О, нелѣпость нелѣпостей!.. Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что предо мною каменная стѣна и у меня силъ не хватило“! („Зап. изъ подп.“).

Въ другомъ мѣстѣ записокъ мы читаемъ, что, дѣйствительно, очень возможно то время, когда люди, согласно законамъ природы, и выстроятъ себѣ „хрустальный дворецъ“, — „однако, — заявляетъ подпольный человѣкъ, — я нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благополучія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной, или, лучше сказать, съ ретроградною и насмѣшливою фізіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а, что, господа, не столкнутъ-ли намъ все это благополучіе и благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логаріомы отпратить къ

чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить“!

— „Хотѣнье выше всего, — читаемъ мы, наконецъ, въ дѣтѣмъ мѣстѣ великаго произведенія Достоевскаго, — хотѣнье есть проявленье всей жизни, т.-е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ, и со всѣми почесываніями“...

„Забитый человѣкъ“, оставивъ людей, поселившись „въ углу“, проживъ двадцать лѣтъ наединѣ съ своимъ сознаниемъ, заявляетъ, что это сознание — „болѣзнь“, что „хотѣнье выше всего“!.. Сознание привело его лишь въ „подполье“; оно толкнуло его о „каменную стѣну“, и человѣкъ, надѣясь чрезъ свое сознание придти къ „успокоенію“ — („прекрасно ты, мгновенье“!), увидалъ себя на безконечно далекомъ разстояніи отъ этого „успокоительнаго момента“.

Однимъ словомъ, „забитый человѣкъ“, превратившись въ — „подпольнаго“, не нашель опоры въ самомъ себѣ, на что онъ надѣялся, „неодѣлалъ“ самого себя, „не сосредоточился“, но, такъ сказать, окончательно „проигрался“, „обанкротился“...

Образъ „подпольнаго-забитаго человѣка“ мы ставимъ въ началѣ нашего выясненія колоссальнаго и многоликаго лица „русскаго Фауста“. Въ этомъ образѣ мы видимъ „хаотическій зачатокъ“ тѣмъ мыслямъ, желаніямъ и дѣламъ, съ которыми ниже встрѣтимся, но только въ болѣе совершенной ихъ формѣ, хотимъ сказать, болѣе достойной человѣка формѣ. Эта метаморфоза присойдетъ подъ влияніемъ какой-то великой идеи, одушевляющей „русскаго Фауста“ на всѣхъ ступеняхъ его развитія и еще на землѣ приводящей его къ воскресенію.

Мы не говоримъ теперь, что именно это за идея, составляющая, по нашему мнѣнію, основную „душевную мысль“ „русскаго Фауста“, но она уже просвѣчивается и въ „подпольномъ человѣкѣ“. Выясненіе этой идеи будетъ идти въ строго-определенномъ развитіи, сообразно „духовной ясности“ лица, носящаго ее; окончательную же „формулировку“ ея мы отлагаемъ къ заключительному выводу настоящей работы.

ЧАСТЬ II-я.

„УМСТВЕННИКИ“.

„Я *умникомъ* шелъ на убійство старухи“.
ром. „Преступленіе и наказаніе“.

Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раскольниковъ (Ром. „Преступленіе и наказаніе“).

Въ „Запискахъ изъ подполья“ есть одна характерная страница, повидимому, не заключающая въ себѣ ничего примѣчательнаго. Содержаніе ея слѣдующее.

Герой „Записокъ“ былъ однажды жестоко оскорбленъ какимъ-то офицеромъ. Обида, главнымъ образомъ, состояла въ чрезвычайномъ пренебреженіи, которое оказалъ этотъ офицеръ „подпольному человѣку“. Послѣдній въ первый моментъ ничѣмъ не могъ отомстить своему обидчику, — „побоялся, что меня не поймутъ, если я на языкѣ литературномъ заговорю о пунктѣ чести“, — но обиду затаилъ въ сердцѣ своемъ и носилъ съ нею нѣсколько лѣтъ, придумывая различные способы, какъ бы отплатить обидчику. Вся жизнь его въ продолженіи этихъ лѣтъ ушла въ разсмотрѣніе своихъ обиженныхъ чувствъ и сознанія, непрестанно укорявшихъ обладателя ихъ въ трусости, въ слабости, въ отсутствіи гордости, и желанія поддерживать, какъ-бы то ни было, человѣческое достоинство.

— „Ты не имѣешь никакой силы, — говорило ему сознание, — ты лишенъ всякаго человѣческаго достоинства, ты только жалуешься, кричишь, проклинаешь свое положеніе, но никогда не сможешь возвысить себя и понимая, что такое свобода, совершенно не желаешь даже въ самомъ ничтожномъ осуществить ее“!..

Такой ходъ мыслей „подпольнаго человѣка“ совершенно „извратилъ“ его міровоззрѣніе. Онъ рѣшается выдти изъ своего „угла“ и отомстить. Вся „месть“ должна была состоять лишь въ томъ, чтобы не уступить офицеру дороги при уличной встрѣчѣ.

Сколько времени готовилъ себя „подпольный человѣкъ“ къ этой „мести“! Онъ даже лучшею одеждою обзавелся, чтобы больше „внушенія произвести“... Наконецъ, „тренировалъ“ себя, нарочно встрѣчаясь съ офицеромъ и, пока давая ему дорогу, но непремѣнно съ тѣмъ, чтобы въ одинъ прекрасный моментъ не уступить. Долго не приходилъ этотъ моментъ, — силъ не хватало, и только совершенно случайно, неожиданно пришли вдругъ эти силы и — „я въ трехъ шагахъ отъ моего врага вдругъ рѣшился, зажмурилъ глаза, и мы столкнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на ровной ногѣ! Воротился я домой совершенно отмищеннымъ. Я былъ въ восторгѣ. *Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли, поддержалъ достоинство*“... —

Чѣмъ собственно поддерживалъ „подпольный человѣкъ“ свое достоинство? Неужели тѣмъ, что онъ только не уступилъ дороги офицеру? Конечно не этимъ, но *своимъ рѣшеніемъ* не давать дороги. Это рѣшеніе, *способность* къ нему, открыло герою „записокъ“, что и ему присуща нѣкая сила ввести новый элементъ въ свою жизнь, а слѣдовательно и возвыситься въ собственномъ сознаниі.

Однако, спустя нѣсколько дней послѣ столкновенія съ офицеромъ, послѣ пятидневнаго восторга, — „я, — говорить съ искривленной улыбкой житель „подполья“, — почувствовалъ еще большее униженіе!“ — Почему? А потому, что сознание съ самой ядовитой насмѣшкой сказало этому жителю: „есть отъ чего приходитъ въ восторгъ и гордиться!.. Скажите, по-

жалуйста, — не уступить *дороги* офицеру?!.. Нѣтъ, если этотъ офицеръ унижилъ тебя, сорвалъ съ тебя и то человѣческое достоинство, которое ты имѣлъ, рѣшишь на что-нибудь понажнѣе, чѣмъ *дорога*! *Рѣшишь-ка убить* его!.. Посмотримъ, хватить-ли у тебя на *это* силъ? Если достанетъ, тогда ты „не тварь дрожащая, не вошь!“ — „Не могу я на это рѣшиться! Сознаю, что добро и зло равноцѣнны для меня, но силъ не хватаетъ!“ кричить въ ужасѣ „подпольный человѣкъ“, чувствуя, что онъ никогда теперь не добьется нужнаго достоинства, что ему всегда суждено оставаться „тварью дрожащею“...

„Записки изъ подполья“, съ одной стороны, и есть своеобразный, полный страшнаго отчаянія вопль человѣка, который *окончательно* убѣдился, что одинъ его разумъ, позволяющій все и, повидимому, открывающій дорогу ко всему, не знаетъ, между тѣмъ, дороги къ тому пункту жизни, взобравшись на который, человѣкъ сказалъ бы: „дѣйствительно, я царь!..“ — Но, въ сущности говоря, „подпольный человѣкъ“ и не искалъ этой дороги къ „царскому пункту“. Онъ прямо призналъ собственное безсиліе и согласился на свое униженіе. Однако проблему, поставленную имъ, нужно было рѣшить; необходимо было сказать — *да* или *нѣтъ* на вопросъ: „дѣйствительно ли я буду царемъ и выиграю въ самоуваженіи, если попробую и на самомъ дѣлѣ осуществить принципъ разума, что добро и зло въ корнѣ своемъ предъ человѣкомъ и его „душевымъ“ сознаниемъ равноцѣнны и равноправны?“

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастся намъ Достоевскимъ въ цѣломъ рядѣ созданныхъ имъ типовъ, которыхъ, подводя подъ одну категорію, мы называемъ „умственниками“. Раскольниковъ стоитъ во главѣ ихъ, а потому съ него мы и начинаемъ характеристику этихъ типовъ.

— „Люди раздѣляются на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, — проповѣдуетъ Раскольниковъ, — и „необыкновенные“ имѣютъ право... то-есть, не официальное право, а сами имѣютъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть черезъ иное препятствіе... По моему мнѣнію, Кеплеръ, Ньютонъ, имѣли бы право *устранить* десять или сто человѣкъ, если-бы послѣдніе мѣшали ихъ открытія сдѣлать извѣстными человѣче-

ству... Однимъ словомъ, если необыкновенному человѣку надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь“...

— „Я догадался, Соня, говорить въ другомъ мѣстѣ романа съ нѣкоторымъ восторгомъ Раскольниковъ своей подругѣ, что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только: стоитъ только посмѣть! У меня тогда одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто до меня еще и не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ человѣкъ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпности существующихъ законовъ, взять просто за-просто все за хвостъ и стряхнуть къ черту! Я... я захотѣлъ *осмѣлится* и убилъ... я только осмѣлится захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина!.. Не для того, чтобы матери помочь, я убилъ—вздоръ! Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человечества. Вздоръ!.. Если бы только я зарѣзалъ изъ того, что, наиримѣръ, голодень былъ, то я бы теперь... счастливъ былъ!.. *Я просто убилъ*; для себя убилъ, для себя одного... И когда я убилъ, то не деньги нужны были мнѣ, а другое .. Я это все теперь знаю... Мнѣ другое надо было узнать... мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣе узнать, вошь-ли я, какъ всѣ, или человѣкъ?.. (Какая связь и продолженіе „подпольнаго человѣка!..“) Смогу-ли я преступить, или не смогу? Тварь-ли я дрожащая, или *право имѣю*?..

— Убивать? Убивать-то право имѣете? — всплеснула руками Соня.

— Э-эхъ, Соня! — вскрикнулъ онъ раздражительно и презрительно замолчалъ. — Слушай: я такая вошь, какъ и всѣ!.. Пойми, когда я тогда къ старушкѣ ходилъ, я только *попробовать* сходилъ... Такъ и знай!..

— И, убили! Убили!

— Да-вѣдь какъ убилъ-то? Развѣ такъ убиваютъ?.. Развѣ я старушку убилъ? Я *себя убилъ*, а не старушонку!..“

„Подпольный человѣкъ“ въ своемъ „подпольѣ“ только си-

дѣлать и думать, но почти ничего не дѣлалъ. Раскольниковъ, спустившись въ „подполье“, т.-е., въ тѣ глубины человѣческаго духа, которыя, будучи освѣщены однимъ лишь разумомъ, представляютъ изъ себя только однѣ наши „духовныя ирраціональности“, какъ человѣкъ бѣльшей жизненности, стремится и въ самую жизнь ввести принципъ, противорѣчащій „нравственной цѣлесообразности“, а слѣдовательно и всей жизни *въ полномъ* ея проявленіи.

Сильный умъ, необычайная діалектика, способность къ теоретическимъ построеніямъ, вотъ что бросается прежде всего въ глаза, лишь только мы начинаемъ присматриваться къ личности Раскольникова. Въ то время, какъ у „подпольнаго человѣка“ сознаніе только ковырялось, разбрасывая и критикуя все, но ничего не созидая, у Раскольникова разумъ является уже созидающимъ, но только съ характеромъ „отрицательнаго созиданія“. Что, на примѣръ, представляетъ изъ себя знаменитая теорія Раскольникова, по которой всѣ люди дѣлятся на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ? Попытку одного лишь разума *по своему* взглянуть на жизнь, т.-е. утвердить въ ней болѣе однѣ ея стороны и почти уничтожить — другія. Поэтому, сперва кажется, что этотъ разумъ и дѣйствительно какъ-то „устраиваетъ“ жизнь, правда, на своихъ началахъ, но затѣмъ, приглядѣвшись, мы видимъ, что „устраиваніе“ это есть только своеобразное отрицаніе коренныхъ основъ жизни. „Самая отвлеченная, неутолимая и разрушительная изъ страстей—фанатизмъ, страсть идеи, — говоритъ Д. Мережковскій¹⁾, причисляя и самого Раскольникова, но только одной стороною его существа, къ фанатикамъ идеи. — „Онъ *хотѣлъ бы бытъ* однимъ изъ великихъ фанатиковъ,—это его идеалъ“. И дѣйствительно, съ какимъ, на примѣръ, восторгомъ говоритъ Раскольниковъ о Наполеонахъ, „которые, для достиженія своей цѣли, даже и не задумались бы надъ убійствомъ тысячи старушенокъ... Они *право* имѣли, а я его не имѣю, поэтому ихъ люди прославили, а меня осудили, такъ какъ я только *тварь* дрожащая“!.. — Почему? Почему я „тварь дрожащая“?..

¹⁾ „Критич. Комент.“ В. Зеліпскаго. II ч., 179 стр.

Вся жизнь Раскольникова, цѣлый рядъ поступковъ его свидѣтельствуяють, что на ряду съ ужасно-безсердечной по отношенію къ другимъ людямъ теоріей, сердце Раскольникова полно нѣжности, любви, жалости къ человѣку. По словамъ Разумихина, въ Раскольниковѣ „точно два противоположные характера поочередно смѣняются“. Очень часто можно наблюдать, какъ въ одно и то же время разрушительная теорія переплетается, (не соединяясь однако), съ страстнымъ состраданіемъ къ людямъ. Припомните его любовь къ своей невѣстѣ-дурнушкѣ, которую онъ, Богъ вѣсть, за что любилъ, — „а будь она хромая, аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ... Отъ природы Раскольниковъ уже былъ чрезвычайно нѣженъ, сострадателенъ ко всякому чужому горю. Вотъ, напримеръ, его сонъ изъ дѣтства. Раскольникову снится, какъ онъ, рыдая, обнимаетъ и цѣлуетъ забитую мужикомъ лошадь... Всмотриваясь въ эти „мягкія чувствованія“ Раскольникова, мы, къ своему удивленію, открываемъ въ нихъ извѣстную цѣльность, которая, повидимому, не должна была бы существовать при такомъ страшномъ господствѣ и силѣ разума, стремящагося направить жизнь по своему руслу, какія мы можемъ наблюдать опять-таки у Раскольникова. Цѣльность „мягкихъ чувствованій“ и не позволила ему сдѣлаться „Наполеономъ“.

Позволимъ себѣ здѣсь маленькое отступленіе.

Чѣмъ больше изучаешь рядъ „ликовъ“ „русскаго Фауста“, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаешься, что творецъ ихъ, если не сознательно, то, по крайней мѣрѣ, бессознательно, („человѣкъ многое знаетъ бессознательно“; говорилъ самъ Достоевскій), стремился къ возсозданію одного колоссальнаго лица, проводя идею его въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ „подпольный человѣкъ“ представляетъ изъ себя, такъ сказать, полный хаосъ, въ которомъ въ разныхъ углахъ „ковыряется“ сознание, не позволяя ему этимъ самымъ своимъ „ковыряніемъ“ сосредоточиться ни на одномъ чувствѣ, а тѣмъ паче — поступкѣ, Раскольниковъ, создающійся послѣ „подпольнаго человѣка“, стремится

своею личностью разрѣшить какъ бы слѣдующій вопросъ, который задалъ себѣ его создатель: „что представить изъ себя челоуѣкъ, сердце котораго, съ одной стороны, будетъ полно евангельскимъ ученіемъ, будетъ, можно сказать, даже недоступно разуму въ своихъ метафизически-религіозныхъ тайнахъ¹⁾), а съ другой стороны, разумъ этого челоуѣка будетъ *совершенно* не религіозенъ, т.-е. совершенно не связанъ съ сердцемъ“?

— „Такой челоуѣкъ, — отвѣчаетъ Достоевскій, — лишь въ теоріи выдержитъ господство разума, на дѣлѣ же осудитъ себя, если вздумаетъ всю жизнь свою построить по разуму, ибо, въ концѣ концовъ, сердце его заявитъ *свои* права“.

Не должно думать, что Раскольниковъ есть окончательная „реализація“ этого отвѣта, какъ можно было бы полагать, основываясь на самомъ ром. „Преступленіе и наказаніе“, а также и на многихъ его критикахъ. Герой разбираемаго нами романа, какъ будетъ показано *отчасти* и сейчасъ, представляетъ собою лишь *первую* попытку отвѣтить на вопросъ, поставленный самому себѣ Достоевскимъ.

Романъ „Преступленіе и Наказаніе“, какъ извѣстно, кончается просвѣтленіемъ Раскольникова подъ вліяніемъ Евангелія. По нашему мнѣнію, Достоевскому точно надоѣло по настоящему окончить романъ. Со своимъ героемъ онъ сдѣлалъ то, что гр. Л. Толстой съ Нехлюдовымъ въ ром. „Воскресеніе“. Евангеліе и здѣсь и тамъ явилось своеобразнымъ „Deus ex machina“. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ концѣ романа „Преступленіе и Наказаніе“ мы видимъ *самого* Раскольникова? Развѣ мы наблюдаемъ здѣсь въ высшей степени поучительный и глубоко-интересный анализъ пути, по которому сердце Раскольникова взошло къ разуму, а разумъ къ сердцу, чтобы создать дѣйствительную гармонію духа? О душевномъ переворотѣ нашего героя „своими словами“ рассказываетъ уже самъ „утомившійся“ Достоевскій, преслѣдующій теперь лишь одну цѣль: поскорѣе развязаться съ романомъ. Вслѣдствіе всего этого, романъ „Преступленіе и наказаніе“ въ извѣстномъ смыслѣ есть незаконченное художественное произведеніе. Приближаясь

¹⁾ Раскольниковъ вѣруеть въ Бога и въ „Новый Іерусалимъ“.

къ концу романа, творецъ его увидалъ вдругъ предъ собою цѣлый рядъ вопросовъ, которые для своей разработки потребовали бы рядъ новыхъ романовъ, поэтому-то разбираемое нами произведение Достоевскаго и оканчивается только „своими словами“. Этими „словами“ рассказано и воскресеніе Раскольникова, но въ то же время оставленъ довольно-таки незамѣтный путь, по которому, забывъ о „воскресеніи“, можно было бы пройти къ разрѣшенію вдругъ возникшихъ вопросовъ. Анализъ этого пути, характеристика *перваго* изъ вопросовъ, возникшихъ у Достоевскаго при окончаніи романа „Преступленіе и Наказаніе“ и послужатъ намъ предисловіемъ къ слѣдующей главѣ, которую мы посвящаемъ личности Ставрогина и Петра Верховенскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ставрогинъ и Петръ Верховенскій
(ром. „Бѣсы“).

— „Чѣмъ, чѣмъ, — разсуждалъ Раскольниковъ, будучи уже на каторгѣ, — моя мысль была глупѣе другихъ мыслей и теорій, роящихся и сталкивающихся одна съ другой на свѣтѣ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ свѣтъ стоитъ?.. Стоитъ только посмотреть на дѣло совершенно независимымъ, широкимъ и избавленнымъ отъ обыденныхъ вліяній взглядомъ, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не такъ... странною. О, отрицатели и мудрецы въ пяточокъ серебра, зачѣмъ вы останавливаетесь на полдорогѣ!“ — „Ну, чѣмъ мой поступокъ кажется имъ такимъ безобразнымъ?“ — говорилъ онъ самъ себѣ. — „Тѣмъ, что онъ — злодѣяніе?.. Что значитъ слово злодѣяніе? *Совѣсть моя спокойна.* Конечно, сдѣлано уголовное преступленіе; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну, и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, въ такомъ случаѣ многіе благодѣтели челоуѣчества, не наслѣдовавшіе власти, а сами захватившіе ее, должны бы были быть казнены при самыхъ первыхъ своихъ шагахъ. Но тѣ лю-

ди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынесъ, и, стало быть, я не имѣлъ права разрѣшить себѣ этотъ шагъ“... — „*Вотъ въ челъ одномъ*, — замѣчаетъ Достоевскій, — признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинною“¹⁾).

Послѣ всего этого весьма понятны и естественны слѣдующія слова Раскольникова: — „я, можетъ быть, на себя *еще* наклепалъ, можетъ я *еще* человѣкъ, а не вошь, и поторопился себя осудить. Я *еще* поборюсь... Надменная усмѣшка выдавилась на губахъ его. — Этакую-то муку нести! — воскликнула Соня, — да вѣдь цѣлую жизнь, цѣлую жизнь!.. — Привыкну... проговорилъ онъ угрюмо и вдумчиво“... — Эта „надменная усмѣшка“ съ знаменитымъ „привыкну“ уже прямо относится къ Ставрогину. Однако не будемъ забѣгать впередъ.

Изъ приведенныхъ отрывковъ романа „Преступленіе и Наказаніе“ ясно выступаетъ предъ нами вопросъ, на который въ самомъ романѣ нѣтъ отвѣта. — „Дѣйствительно ли преступленіе Раскольникова состояло только въ томъ, что онъ *не смелъ*, что у него силъ не хватило?.. Онъ вѣдь самъ заявляетъ, что „его совѣсть спокойна“... — Слѣдовательно, онъ съ *этой* точки зрѣнія не виноватъ?..“ — Утомленный, повторяемъ, возней съ своимъ героемъ, Достоевскій сказалъ ему: „ты ошибаешься!.. виновата именно твоя совѣсть!.. Бери евангеліе и спасайся!“ — „Я *еще* поборюсь“, слышимъ мы упорный отвѣтъ.

И чудится, что великій писатель соглашается на эту борьбу и оставляетъ Раскольникова такимъ, какимъ онъ, дѣйствительно, является въ концѣ романа. — „*Борись, привыкай!* какъ бы говорить Достоевскій Раскольникову, — увидимъ, что выйдетъ изъ всего этого“...

И вотъ предъ нами Ставрогинъ — это естественное и необходимое продолженіе (не завершеніе) Раскольникова. — „Лучше не прїѣзжайте въ Ури, — пишетъ Ставрогинъ къ одной изъ героинь романа „Бѣсы“, — то, что я зову васъ къ себѣ, есть ужасная низость. Да и замѣмъ вамъ хоронить со мной вашу жизнь? Мнѣ вы милы, и мнѣ, въ тоскѣ, было хорошо подлѣ васъ:

¹⁾ Очевидно теперь, что Раскольниковъ не воскресъ, а *воскрешень*. (Курсивъ вездѣ не нашъ).

при васъ при одной я могъ вслухъ говорить о себѣ. Изъ этого ничего не слѣдуетъ. Вы опредѣлились сами „въ сидѣлки“—это ваше выраженіе; къ чему столько жертвовать? Вникните тоже, что я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тѣмъ и зову и жду. Во всякомъ случаѣ въ вашемъ отвѣтѣ нуждаюсь... Я ничего отъ Ури не надѣюсь; я просто ѣду. Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ, — въ ней мнѣ все такъ же чужое, какъ и вездѣ. Я пробовалъ вездѣ мою силу. Вы мнѣ совѣтовали это, „чтобъ узнать себя“. На пробахъ для себя и для показу, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась безпредѣльною... Но къ чему приложить эту силу — вотъ чего никогда не видѣлъ, не вижу и теперь. Я все такъ же, какъ и всегда прежде могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, по прежнему, всегда слишкомъ мелко. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ... Я по прежнему никого не виню. Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы: но я не люблю и не хотѣлъ разврата... Другъ милый, созданіе нѣжное и великодушное, которое я угадалъ! Можетъ быть, вы мечтаете дать мнѣ столько любви и излить на меня столько прекраснаго изъ прекрасной души вашей, что надѣетесь тѣмъ самымъ поставить предо мной, наконецъ, и цѣль? Нѣтъ, лучше вамъ быть осторожнѣе; любовь моя будетъ такъ же мелка, какъ и я самъ, а вы несчастны. Вашъ братъ говорилъ мнѣ, что тотъ, кто теряетъ связи съ своею землею, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то-есть, всѣ свои цѣли. Обо всѣмъ можно спорить безконечно, но изъ меня вылилось одно отрицаніе, безъ всякаго великодушія и безъ всякой силы. Даже отрицаніе не вылилось. Все всегда мелко и вяло“...

„Этотъ красавецъ,— пишетъ Волынской о Ставрогинѣ¹⁾,— съ поблѣднѣвшимъ лицомъ ходитъ среди людей разсѣянно и равнодушно, занятый только своими мыслями; ему кажется и всѣмъ кажется, что его „боретъ“ великая идея, что въ немъ строится какой-то новый міръ, но, на самомъ дѣлѣ, его внутренняя рабо-

¹⁾ „Книга великаго гнѣва“ 16 стр., 23, 28.

та лишена свѣтлыхъ экстазовъ, потому что это работа только ума, а не работа духа... Его мысль — это тяжелая, сосущая душу химера. Она не облекается въ конкретные, подвижные, образы, не проходитъ черезъ его сердце, а потому не поднимается, не уноситъ Ставрогина въ высь... Образъ Ставрогина написанъ почти детально, но все-таки между нимъ и читателемъ простираются какія-то сумерки; мы почти не чувствуемъ, почти не ощущаемъ его. Каждый художественный образъ ясенъ только въ свѣтѣ своего идеальнаго подобія, т-е. въ реальныхъ чертахъ должны какъ-бы проблескивать идеальныя стремленія духа, который ведетъ человѣка къ высшимъ цѣлямъ. За образомъ человѣка скрывается его идеальная сущность съ заложенными въ ней жизненными возможностями, — то, что мы и называемъ личнымъ идеальнымъ подобіемъ человѣка. Вотъ этого-то идеальнаго подобія мы и не улавливаемъ за пластическимъ образомъ Ставрогина. Ставрогинъ какъ-бы не достучался до своей идеальной сущности. Онъ искалъ ея умомъ, логикой, а она вся живетъ въ нервахъ сердца, въ нервахъ духа. И вотъ почему этотъ образъ такъ мучительно непріятенъ, тягостно болѣзненъ. Это образъ, чисто отрицательный по замыслу Достоевскаго, образъ, не озаренный свѣтомъ своего идеальнаго подобія“.

Мы согласны съ „цвѣтистой характеристикой“ Ставрогина, которую даетъ намъ Волынской, однако ставимъ въ укоръ критику, что онъ не замѣтилъ основной идеи, выразителемъ которой является герой „Вѣсовъ“. При свѣтѣ этой идеи можно было бы отвѣтить на вопросъ: почему лицо, подобное Ставрогину, замѣшалось въ произведенія Достоевскаго? Что хотѣлъ *имѣ* сказать русскій писатель? Отвѣтъ на этотъ вопросъ собственно уже данъ нами въ указаніи непосредственной связи Ставрогина съ Раскольниковымъ.

Ставрогинъ всю свою жизнь *борется*, отстаивая право мысли, *все* освящающей. Онъ, какъ мы знаемъ, обладаетъ страшной силой воли, съ помощью которой не только сдерживаетъ ропотъ своихъ сердечныхъ чувствъ, но мало-помалу совершенно ихъ отрицаетъ, наконецъ, вытравляетъ. Этотъ человѣкъ точно ставитъ своею цѣлью тогда лишь обратить вни-

маніе на свои чувства, когда отъ нихъ останутся только однѣ названія. И, дѣйствительно, Ставругинъ этого достигъ. Съ теченіемъ времени онъ остался съ разумомъ и волей, находившейся, естественно, въ услуженіи у разума. Отсюда вытекаетъ какая-то „недостаточность“ духовнаго облика Ставругина. Мы присматриваемся къ нему и съ удивленіемъ замѣчаемъ, что онъ безъ сердца... Только отсутствіемъ, правильнѣе сказать, атрофированіемъ послѣдняго, объясняется своеобразная „умственность“ Ставругина, отличающаяся отъ таковой его предшественниковъ своею абсолютною безцѣльностью, неприспособленностью. Это „умственность“ для „умственности“ и только. Отсюда, если мы присмотримся къ личности Ставругина, къ его поступкамъ и тому, что мы называемъ чувствами, то увидимъ, что у него все такъ пропитано „умственностью“, что самыя, на примѣръ, чувства кажутся только „идеями разума“. — „Злобы въ Ставругинѣ было, можетъ быть, больше, чѣмъ у другихъ всемірно-извѣстныхъ своей злобой, но злоба его была ходная, спокойная и, если можно выразиться, *разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть“. — И такъ, даже злоба выходила у Ставругина не чувствомъ, не опредѣленною страстью, а идеей разума.

— „Достоевскій, — говоритъ Волинскій¹⁾, — въ лицѣ Ставругина намѣтилъ большое психологическое явленіе, въ то время еще совсѣмъ не обозначавшееся въ Европѣ, явленіе, получившее въ послѣдствіи наименованіе декаденства. Ставругинъ отпалъ отъ старыхъ боговъ и сталъ жертвою своего отпаденія, потому что въ процессѣ своего внутренняго разложенія не ощутилъ въ себѣ никакихъ обновительныхъ силъ“. —

Конечно, можно говорить красивыя фразы. Волинскій не шатался бы такъ въ своихъ опредѣленіяхъ личности Ставругина, если бы постоянно имѣлъ въ виду связь его съ Раскольниковымъ. Ставругинъ вовсе не декадентъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ теперь это слово. Декадентъ не пропитанъ „умственностью“ героя „Бѣсовъ“. Декаденство — это прежде всего „безтолковая чувственность и чувствительность“, т.-е. то,

¹⁾ Ibid., 47.

чего никогда не было у Ставрогина. Въ лицѣ послѣдняго Достоевскій, повторяемъ, показалъ, къ чему можетъ придти человекъ, рѣшившійся во что бы то ни стало „бороться“ съ сердцемъ, обвинявшимъ его въ нарушеніи извѣстныхъ нравственныхъ законовъ. — „Мой разумъ, — какъ бы говорилъ Раскольниковъ, — не имѣетъ отношенія къ сердцу... „Я *умножю* шель на убійство, а потому *совѣсть моя спокойна*, и я *поборюсь*, чтобы доказать это!“

Ставрогинъ велъ эту борьбу, уничтоживъ въ ней половину своего существа, и придя къ концу своей жизни къ мысли: — „изъ меня выливалось всегда только отрицаніе... Даже отрицаніе не выливалось въ концѣ концовъ... Все всегда было мелко и... вяло“... — Ставрогинъ... побѣдилъ и въ побѣдѣ своей палъ сраженнымъ. Послѣ побѣды настало для него „мелкое и вялое существованіе“, и не даромъ говоритъ онъ: — „мой демонъ — это бѣсенокъ, прямо маленькій, неудавшійся бѣсенокъ съ насморкомъ“... — Этотъ бѣсенокъ олицетворяется въ лицѣ Петра Верховенскаго.

У Достоевскаго можно замѣтить довольно оригинальный способъ характеристики извѣстнаго лица романа или повѣсти, а именно: писатель создаетъ типъ не въ одномъ, а въ двухъ лицахъ, и читателю необходимо ужъ самому соединить эти два лица въ одно, чтобы получить настоящее представленіе объ интересующемъ его героѣ романа Достоевскаго. Съ наибольшею рельефностью, но не глубиною, выразился этотъ способъ характеристики у названнаго писателя въ его повѣсти „Двойникъ“. Здѣсь уже вполне очевидно „раздвоеніе“ героя на двѣ половины, одинаково-живыхъ лица, изъ которыхъ одно служитъ необходимымъ дополненіемъ другого.

Подобнымъ раздвоеніемъ полны и всѣ „лики“ „русскаго Фауста“. Вотъ, на примѣръ, передъ нами Раскольниковъ и Свиригайловъ. — „Мы съ вами одного поля ягода“, — говоритъ послѣдній первому, — „и Раскольниковъ, — замѣчаетъ по этому поводу замѣчаетъ Мережковскій¹⁾, — несмотря на все свое сопротивленіе, омерзѣніе, чувствуетъ, что это правда, что

¹⁾ „Толстой и Достоевскій“, I т. 341 стр.

у нихъ есть какія-то „общія точки“, и что, можетъ быть, даже самая главная глубокая точка, средоточіе ихъ личностей, у нихъ общее. Свидригайловъ только неизмѣримо далѣе ушелъ по тому же пути, на который едва вступилъ Раскольниковъ; Свидригайловъ (будущій Смердяковъ) показываетъ ему неизвѣстные выводы изъ его научной діалектики о добрѣ и злѣ, — служитъ ему вѣщимъ зеркаломъ. И уже окончательно убѣдившись, что Свидригайловъ *не бредъ*, не призракъ, а живой человѣкъ, Раскольниковъ все-таки боится, именно теперь то боится его, какъ тѣни своей, *двойника* своего. — „Я этого человѣка боюсь“, говоритъ Раскольниковъ.

Однако, мы все-таки не можемъ сказать, что двойственность личности Раскольникова была дѣйствительно ярко реализована... Эта „яркость“, соединенная съ „углубленіемъ“ въ сущность идеи даннаго лица увеличивается лишь съ большимъ проявленіемъ *основной* идеи, носителями которой являются все восходяще къ своему идеалу многочисленные „лики“ „русскаго Фауста“. Вотъ почему возлѣ „подпольнаго человѣка“, безъ сомнѣнія, постоянно раздвоеннаго, нѣтъ никакого живого двойника. У Раскольникова мы уже замѣчаемъ „сотоварища“, но еще недостаточно яснаго. „Другъ“ Ставрогина почти ясенъ и своимъ характеромъ дополняетъ его личность, но и о „раздвоенности“ Ставрогина нельзя сказать, чтобы она доходила до такихъ предѣловъ, за которыми наступала бы для человѣка гармонія духа.

— „Петръ Верховенскій не былъ дурень собой, но лицо его никому не нравилось... Въ немъ видно больше самодовольство, но самъ онъ ничего не примѣчаетъ... Говоритъ онъ торопливо и очень ясно; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернушки, всегда подобранныя и всегда готовые къ вашимъ услугамъ“... (ром. „Вѣсы“). Это, такъ сказать, вѣшняя характеристика, вѣшній обликъ Петра Верховенскаго. А вотъ и внутренній. — „Ну-съ, какое-же мое собственное лицо? — говоритъ самъ о себѣ Верховенскій. Золотая середина: ни глупъ, ни уменъ, довольно бездаренъ и съ луны не соскочилъ, какъ говорятъ благоразумные люди... Я всегда говорю много, словъ у меня много, а ничего не выходитъ“ (ром. „Вѣсы“).

Цѣлый рядъ дѣйствій Верховенскаго вполне подтверждаетъ только что приведенныя слова его о себѣ. „Пошлая, безсердечная умственность“, — вотъ лицо души этого человѣка.

...Ставрогинъ, странно усмѣхнувшись, сказалъ Верховенскому:

— Если-бы вы не такой шутъ были, я бы, можетъ быть, и сказалъ теперь: да...

— Я то шутъ, но не хочу, чтобы вы, *главная половина моя*, были шутомъ! Понимаете вы меня?

Ставрогинъ понималъ, — замѣчаетъ Достоевскій, одинъ только онъ, можетъ быть, понималъ“.

Пошлость Петра Верховенскаго, его серединность, безсердечность — все это были качества и самого Ставрогина, который ко всему этому присоединялъ еще сильный, отрицающій все и самого себя умъ. Этотъ умъ и далъ герою „Бѣсовъ“ „вялое и мелкое существованіе“, потому что не позволялъ ему увлечься чѣмъ-нибудь.

Ставрогинъ умираетъ. Онъ кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Это самоубійство замѣчательно тѣмъ, что совершается удивительно спокойно, равнодушно, безъ тѣни какихъ-либо нравственныхъ мученій. За нѣсколько часовъ до смерти Ставрогинъ пишетъ удивительно-равнодушное по тону письмо, характерный отрывокъ котораго приведенъ нами въ началѣ настоящей главы. Однимъ словомъ, онъ умираетъ „лишеннымъ всякаго духа истинно-человѣческаго“, умираетъ, похажимъ на какой-то „механизмъ“.

Но *такимъ* концомъ дается-ли отвѣтъ на тотъ вопросъ, который для своего разрѣшенія потребовалъ отъ Достоевскаго созданія новаго типа послѣ Раскольникова?.. т.-е., — „*дѣйствительно-ли* моя совѣсть будетъ спокойна, если я сдѣлалъ преступленіе на основаніи логики *только* ума?..“

Ставрогинъ *нужнаго* отвѣта не даетъ. Своею личностью онъ показываетъ лишь то, что, если человѣкъ, согрѣшившій противъ своей совѣсти, вздумаетъ заглушать ее логикой ума, вздумаетъ *бороться* съ ней, „привыкать“ къ своему положенію, то, обладая сильной волей, онъ въ концѣ концовъ вытравитъ въ себѣ совѣсть свою. И съ *этой* точки зрѣнія Ставро-

гинъ представляетъ собою вполне законченный типъ, и смерть его „вялая и мелкая“ есть необходимое заключеніе его „вялой и мелкой“ жизни. Поэтому мы и не согласны съ Мережковскимъ, который говоритъ ¹⁾, что конецъ Ставрогина такъ же искусственно прилѣпленъ къ роману „Бѣсы“, какъ конецъ Раскольниковъ — къ роману „Преступленіе и наказаніе“...

Другое дѣло, если мы скажемъ, что Достоевскій романомъ „Бѣсы“ не закончилъ своей „идеи“, т.-е. не получилъ отвѣта, котораго хотѣлъ, ибо Ставрогинъ умеръ, *не осуждая* себя, чего такъ нужно было творцу его. Великій русскій писатель почувствовалъ, постигнувъ силою своего генія, что тотъ путь, на который онъ поставилъ Ставрогина не можетъ привести послѣдняго къ самоосужденію, что этотъ путь есть дорога вполне своеобразно кончавшаяся, которая, однако, необходимо должна быть пройдена человѣкомъ, рѣшившимся „бороться“ и „привыкать“ къ господству логики ума надъ сердцемъ...

Итакъ, нужно было избрать „другой путь“. Какой же? Личность Версилова даетъ намъ отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Версиловъ (ром. „Подростокъ“).

Чѣмъ сильнѣе сознаетъ, правильнѣе сказать, чувствуетъ человѣкъ противоположность добра и зла, чѣмъ ярче обрисовывается предъ нимъ бездна, раздѣляющая ихъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ быть „теплъ“, тѣмъ болѣе у него данныхъ къ „духовному возрожденію“. Самое ужасное — это быть „равнодушнымъ“ или, по Апокалипсису „теплымъ“. „Равнодушіе“ суживаетъ духовный обликъ человѣка, удаляя его отъ надземныхъ сферъ — райскихъ или адовыхъ — все равно. „Теплота“ не откроетъ человѣку его метафизическихъ тайнъ, ибо предъ нимъ будетъ скрыта тогда вѣчная двойственность его души, говорящая иногда довольно яснымъ языкомъ о необхо-

¹⁾ Толстой и Достоевскій 343 стр. II т.

димой въ будущемъ гармоніи и синтезѣ. Однако вовсе недостаточно двойственность своего духа сводить на двойственность одного только ума. Послѣднему въ вопросахъ добра и зла въ сущности вещей всегда „все равно“, а потому его двойственность есть не что иное, какъ только равнодушный переходъ отъ изслѣдованія одного предмета къ другому.

Ставрогинъ представляетъ изъ себя великолѣпный образецъ „умственной двойственности“. *Его* добро и зло совершенно не затрогивали *всей* его личности, которая потому „завила“ и измельчалась, приведа самоѣ себя къ „бездушному самоубійству. Отсюда демонъ Ставрогина — это „маленькій золотушный бѣсенокъ“, присутствіе котораго заставляетъ сказать о себѣ героя „Бѣсовъ“: „я всегда заряженъ смѣхомъ“... И въ самомъ дѣлѣ, какъ не смѣяться, когда видишь, что твоя другая половина полна „шутовства“, что весь трагизмъ двойнаго существованія добра и зла свелся лишь на одно бездушное ихъ разсматриваніе, приводящее въ концѣ концовъ только къ одному „вялому отрицанію“... Весьма понятно, что личность Ставрогина есть чисто отрицательная, а потому *лишенная* способности осудить самоѣ себя.

„— Я могу *чувствовать*, — говоритъ Версильовъ, — предубѣдѣннѣйшимъ образомъ два противоположные чувства въ одно и то же время“...

Предъ нами уже двойственность души, *сердца*. Посмотримъ, каковы ея существенныя черты. Версильовъ любитъ мать „Подростка“, простую, необразованную женщину, христіанскою цѣломудренною и самоотверженною любовью-жалостью. „Это разъ пронзаетъ сердце его и потомъ навѣки остается рана“. „Версильовъ, — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, — по всей вѣроятности по прежнему проповѣдуетъ Бога и шляется по неоперившимся дѣвочкамъ...“.

Изъ самаго романа мы знаемъ также нѣчто о „научьей страсти“ Версильова къ красавицѣ — дочери полусумасшедшаго князя Сокольникова... И однако „рана прежней христіанской любви къ обольщенной женщинѣ“ остается „навѣки“ у Версильова. Эта „рана“ жжѣтъ его, вполне раскрываясь къ концу жизни. Итакъ, двойственность Версильова уже сразу раскры-

ваетъ предъ нами свой характеръ. Она „душевна“ и потому Версильовъ не „теплъ“, — у него „рана“, которую онъ постоянно сознаетъ, чувствуетъ, и отъ которой страдаетъ.

Когда мы соберемъ всѣ мелкія черты характерной личности Версильова, разбросанныя въ романѣ, то легко замѣтимъ, что Версильовъ страдаетъ двойственностью, — „сознательно-религіозною“, по мѣткому опредѣленію Д. Мережковскаго ¹⁾, т. е., именно такую, которая причастна *всей* душѣ. Наиболѣе ярко сказалась эта „сознательно-религіозная“ раздвоенность въ говѣніи Версильова. „Не говѣлъ онъ лѣтъ тридцать, — пишетъ Подростокъ о своемъ отцѣ. Теперь захотѣлъ. Мама была рада; стали готовить постное кушанье. Я слышалъ изъ другой комнаты, какъ онъ въ понедѣльникъ и во вторникъ напѣвалъ про себя: „Се женихъ грядетъ“ и восторгался и напѣвомъ и стихомъ. Въ эти два дня онъ нѣсколько разъ прекрасно говорилъ о религіи; но въ среду говѣнья вдругъ прекратилось. Что-то его вдругъ раздражило, какой-то „забавный контрастъ“, какъ онъ выразился смѣясь. Что-то не понравилось ему въ наружности священника, въ обстановкѣ; но только онъ воротился и вдругъ сказалъ съ тихою улыбкою: „друзья мои, я очень люблю Бога, но я къ этому неспособенъ“...

Можно любить Бога и не вѣровать въ Него... Версильовъ, кажется, и относится къ такимъ людямъ; только онъ еще не увѣрился въ томъ, что онъ не вѣритъ. Онъ и никогда „не увѣрится“, — любовь къ Богу мѣшаетъ этой вѣрѣ. Здѣсь и корни основныя его нѣсколько странной „сознательно-религіозной раздвоенности“. Любить Бога безъ вѣры въ Него — это значитъ любить какую-то великую идею, вслѣдствію въ твоей душѣ, идею всепримирающей гармоніи и синтеза всѣхъ прочихъ идей. Версильовъ „ужасно тосковалъ о Богѣ революціонеромъ“. — „Они, — говоритъ онъ, — объявили тогда атеизмъ... одна кучка изъ нихъ, но вѣдь это все равно; это лишь первые скакуны... О, я не могъ выносить ту неблагодарность, съ которою они разставались съ „идеями“... Возможность процесса пугала меня... И я плакалъ, плакалъ по старой идеѣ, и, можетъ

¹⁾ „Толстой и Достоевскій“, т. II, стр. 344.

быть, плакалъ настоящими слезами... — Вы такъ сильно вѣровали въ Бога? — Другъ мой, это—вопросъ, можетъ быть, лишній. Положимъ, я и не очень вѣровалъ, но все же я не могъ не тосковать по идеѣ. Я не могъ представлять себѣ времена, какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно-ли это когда-нибудь“.

Въ этихъ словахъ предъ нами ясно открывается любовь Версилова къ идеѣ Божества безъ вѣры въ Него. И вотъ однакоже, рисуя періодъ воцаренія на землѣ атеизма, когда всѣ люди будутъ жить въ постоянной грусти и тоскѣ по потерянной „идеѣ“, онъ вдругъ представляетъ себѣ явленіе Христа среди этихъ людей. — „Я не могъ обойтись безъ Него,— говоритъ Версильовъ, — не могъ не вообразить Его, наконецъ, посреди осиротѣвшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простирая къ нимъ руки и говорилъ: „Какъ могли вы забыть Его?“ И тутъ какъ-бы пелена унадала со всѣхъ глазъ, и раздавался великій восторженный гимнъ новаго и послѣдняго воскресенія“... — И рядомъ съ этимъ мы вдругъ слышимъ такую рѣчь. — „Гдѣ-то въ Коранѣ Аллахъ повелѣваетъ пророку взирать на „строптивыхъ“, какъ на мышей, дѣлать имъ добро и проходить мимо: немного гордо, но вѣрно.— По моему, человѣкъ созданъ съ физическою невозможностью любить своего ближняго. Тутъ какая-то ошибка въ словахъ, съ самаго начала, и „любовь къ человѣчеству“ надо понимать — лишь къ тому человѣчеству, которое ты самъ же и создалъ въ душѣ своей, другими словами, себя самого создалъ и къ себѣ самому любовь“.

— „Версильовъ,— говоритъ Мережковскій ¹⁾— это Ставрогинъ, уже достигшій зрѣлаго, предстарческаго возраста, совершеннаго жизненнаго опыта“. Почтенный критикъ, не понявъ Ставрогина, не уразумѣлъ и личности Версилова. Неужели первый могъ въ концѣ концовъ переродиться въ послѣдняго съ его „слезнымъ даромъ“, съ его тоскующей душой, съ его „душевнымъ“ раздвоеніемъ? Неужели можетъ спастись человѣкъ, согрѣшившій противъ Духа Божьяго? Ставрогинъ и Верси-

¹⁾ Ibid., т. II, стр. 343.

ловъ — это параллельныя линіи, выходящія изъ одной плоскости, и никогда не сходящіяся. „Линія“ Ставрогина оборвалась, „линія“ Версилова пошла впередъ и конецъ ея мы увидимъ.

Въ личности Версилова Достоевскій хотѣлъ дать образъ человѣка, стоящаго на томъ пути, который можетъ и долженъ привести этого человѣка къ раскаянію и самоосужденію, если послѣдній согрѣшилъ передъ самимъ собою. Этотъ путь — путь „душевнаго раздвоенія“, на которомъ человѣкъ предъ добромъ и зломъ стоитъ *всегда* существомъ, а не какою-либо частью его.

Версильовъ не имѣетъ за собой *такого* зла, совершеніе котораго унизило бы его личность. Онъ пока только разсуждаетъ, не приступая къ дѣлу. Его „углубленное“ раздвоеніе пока еще не строитъ „всенепозволительныхъ теорій“. Версильовъ — это, такъ сказать, чисто-религіозный „умственникъ“. Его любовь къ Богу безъ вѣры въ Него есть, какъ можно было видѣть, опять-таки чисто-„умственное“ настроеніе, отъ котораго, если и не вѣетъ холодомъ, то только потому, что создатель его очень часто склоненъ къ сердечнымъ порывамъ. Однимъ словомъ, въ лицѣ Версильова Достоевскій уже подошелъ къ разрѣшенію своего вопроса: „дѣйствительно-ли я только *умникомъ* убиваю“? Если герой романа „Подростокъ“ еще не далъ отвѣта на этотъ вопросъ, то, по крайней мѣрѣ, своею личностью показалъ, какъ долженъ быть „устроенъ“ человѣкъ, отъ котораго ожидаютъ *настоящаго* отвѣта на великій вопросъ. Такимъ человѣкомъ является Иванъ Карамазовъ, въ лицѣ котораго Достоевскій воочию даетъ намъ то, о чемъ „своими словами“ разсказалъ въ ром. „Преступленіе и наказаніе“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Иванъ Карамазовъ и Смердяковъ (ром. „Братья Карамазовы“).

Съ первыхъ-же словъ Ивана Карамазова у насъ начинается складываться болѣе или менѣе опредѣленное представленіе объ этомъ человѣкѣ, которое съ постепеннымъ развитіемъ

дѣйствія романа только выясняется, подтверждая собой первое впечатлѣніе. Съ одной стороны, Иванъ обрисовывается предъ нами, какъ великій діалектикъ, у котораго весь міръ, всѣ отношенія и весь порядокъ человѣческой жизни строятся исключительно на началахъ, вполнѣ допускаемыхъ лишь логикой разума, и доступныхъ ясному сознанию. Вотъ, на примѣръ, разсужденія Ивана о церкви и объ отношеніи ея къ государству. Сущность всѣхъ этихъ разсужденій сводится къ тому, что при полнѣйшемъ поглощеніи государства церковью, возможно утвержденіе на землѣ общества, охватывающаго своими функциями *всего* челоѣка сразу, т.-е. его внутреннюю и внѣшнюю жизнь безъ раздвоенія ея въ смыслѣ отношенія къ двумъ авторитетамъ — церкви и государству.

Но не должно думать, что Иванъ, высказывая такой взглядъ на земное устройство человѣческой жизни, допускаетъ въ этомъ устройствѣ господство какихъ-либо мистическихъ началъ, нѣтъ, — *умъ* его не можетъ принять такого господства, какъ совершенно противорѣчащаго чистой логикѣ разума. Иванъ, проектируя церковное устройство, повидимому, выкидываетъ изъ него „все таинственное“, которое, если, пока и должно существовать, то потому только, что еще не пришло время окончательнаго разоблаченія его въ формѣ, доступной челоѣческому разуму.

Г. Волынкій ¹⁾ высказываетъ приблизительно такой же взглядъ на разсужденія Карамазова о церкви и государствѣ. Соглашаясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ упомянутаго критика, мы однако не можемъ не поставить ему на видъ того, что онъ все-таки односторонне понялъ „рѣчи“ Ивана Карамазова.

Дѣло въ томъ, что послѣдній въ своихъ разсужденіяхъ, на примѣръ, о церковномъ судѣ, имѣющемъ, по его понятію, громадное вліяніе на преступника, оказывается, признавалъ вліяніе и мистическихъ началъ въ новоустроенномъ церкви-государствѣ. — „Теперь, — говоритъ Иванъ, — преступникъ часто вступаетъ со своею совѣстью въ сдѣлки: „— Укралъ, де-

¹⁾ „Царство Карамазовыхъ“, стр. 99.

скасть, не на церковь иду. Христу не врагъ"... Если же въ государствѣ будетъ только церковный судъ, тогда преступникъ окажется врагомъ и Христу, т.-е. извѣстному мистическому началу и основанію человѣческой жизни.

Такимъ образомъ, въ „государствѣ Карамазова“ появляется „мистическое начало“, играющее большую роль. Иванъ допускаетъ это начало, совершенно не замѣчая его характера. Такое странное соглашеніе мистики и реализма происходитъ у Карамазова потому, что онъ — и это всегда нужно помнить — *ограничивается только одной теоріей* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Въ дѣйствительную жизнь „теорія“ эта у него не переходитъ, такъ какъ въ глубинахъ души его постоянно функционируетъ другая жизнь, не повинующаяся разуму, жизнь, требующая для себя именно *мистическаго* начала въ качествѣ руководителя, и часто, даже *невольнo* для самого Карамазова, прорывающаяся въ его разсужденіяхъ о жизни въ полномъ объемѣ. Постараемся всегда помнить *такое* раздвоеніе природы Ивана, ибо только оно и поможетъ намъ объяснить всѣ видимыя противорѣчія этой природы. А „противорѣчій“, дѣйствительно, слишкомъ много у Ивана Карамазова! Припомнимъ, напримѣръ, сцену въ кельѣ Зосимы, въ которой, между прочимъ, происходили вышеприведенныя нами „разсужденія“ о церковно-государственномъ устройствѣ. Въ тѣхъ разговорахъ, которые ведетъ Иванъ съ присутствующими, со всею силою обнаруживается, съ одной стороны, великая логика ума Карамазова, а съ другой — вы чувствуете и видите, что среди „хитросплетеній“ этой логики пробивается наружу и чуждая ей „сердечная“ жизнь, позывы къ которой были такъ сильны у Ивана. Мы, напримѣръ, узнаемъ со словъ Міусова, что Иванъ Карамазовъ не видитъ въ законѣ о любви чего-либо *естественнаго* для человѣка, наоборотъ, по его мнѣнію, естественно для людей любить только себя, такъ какъ это послѣднее только и разумно. Любовь же къ самому себѣ можетъ простираться и до злодѣйства по отношенію къ другому... Если же и существовала до сихъ поръ *любовь*, то она была порожденіемъ одной лишь вѣры въ безсмертіе. Поэтому,

если кто-либо уже и теперь не вѣруетъ въ Бога, въ безсмертіе, то для него „все дозволено“.

Такова, съ одной стороны, страшная логика Карамазовскаго ума, допускающая все то, что только *разумно*, и разумъ полагающая послѣднимъ основаніемъ всѣхъ вещей.

Но это опять-таки только теорія. Когда старецъ Зосима, слыша подобныя разсужденія Карамазова, называетъ его несчастнымъ, то послѣдній, если не прямо, то косвенно соглашается съ нимъ. Изъ разговора со старцемъ Иванъ какъ-то *тайно* показываетъ, что вопросъ о Богѣ, безсмертіи на самомъ дѣлѣ окончательно еще не рѣшенъ въ его сердцѣ, а потому этика, которую онъ проповѣдуетъ, пока одна лишь теорія. Иванъ даже, какъ будто-бы, желаетъ *положительнаго* рѣшенія этого вопроса, и прозорливый Зосима говоритъ ему, что въ *отрицательную* сторону вопросъ этотъ ни въ какомъ случаѣ и не можетъ быть рѣшенъ Иваномъ, ибо сердце у него „высшее, способное горняя мудрствовать“. Благословеніемъ, взятымъ у старца, Карамазовъ, по нашему мнѣнію, молча соглашается съ тѣмъ, что говорилъ этотъ послѣдній.

Однако до окончательнаго рѣшенія вопроса Карамазовъ будетъ еще не разъ приносить жертвы разуму. Въ разговорѣ съ отцомъ онъ, наиримѣръ, рѣшительно отвергаетъ „даже малюсенькое безсмертіе“, а, слѣдовательно, снова признаетъ для человѣка, пришедшаго къ этому, „дозволеніе всего“. Въ этомъ разговорѣ Иванъ обрисовывается передъ нами совершеннымъ атеистомъ; но здѣсь же открывается взору читателя и одна въ высшей степени характерная черта этого атеиста, которому „все дозволено“. На вопросъ отца—„кто выдумалъ Бога, если онъ совершенно не нуженъ?“—Иванъ отвѣчаетъ: „Цивилизаціи бы тогда не было, если бы люди не выдумали Бога“. А къ цивилизаціи этой, мы знаемъ, Карамазовъ стремится всей душой, любитъ ее страстно, горячо.

—„Хочу, Алеша, въ Европу съѣздить; и вѣдь знаю я, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что!... Дорогіе тамъ лежатъ покойники!.. Каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни,—такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ

свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними, — въ то же время убѣжденный, что все это давно уже кладбище и никакъ болѣе... И не отъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастливъ пролитыми слезами. Собственнымъ умиленіемъ ушьюсь!...”

Но вѣдь вся-то цивилизація, какъ весьма опредѣленно заявляетъ объ этомъ и самъ Иванъ, „вытекла“ изъ признанія чело-вѣкомъ Бога и безсмертія. Слѣдовательно, неужели для Карамазова, такъ страстно любящаго эту самую цивилизацію, все равно — есть-ли Богъ, или нѣтъ Его?... Вѣдь тогда „все дозволено“ каждому чело-вѣку, т.-е. каждый будетъ допущенъ къ разрушенію цивилизаціи, на которую работали самые лучшіе люди.. Сердце Ивана *невольно* для него самого говоритъ, что нуженъ Богъ, что Онъ есть...

Еще болѣе обрисовывается передъ нами личность Карамазова въ разговорѣ съ Алешей. Здѣсь вдругъ открывается передъ нами вся „распатанность“ убѣжденій Ивана, вся ихъ неопредѣленность, видимое противорѣчіе, взаимная борьба: здѣсь же раскрывается вполнѣ ясно и источникъ всѣхъ „смуть“ духовнаго существа Карамазова. Благодаря тому, что области духа его развертываются теперь передъ нами во всей своей широтѣ, мы можемъ замѣтить, что борьба разума Ивана съ сердцемъ принимаетъ въ настоящій моментъ какое-то особенное направленіе и характеръ. При чтеніи горячей исповѣди Карамазова, намъ начинаетъ казаться, что онъ стремится къ какому-то величайшему синтезу въ области своего духа, стремится, можно сказать, бессознательно, а потому и самый синтезъ мелькаетъ у него точно молнія среди густыхъ и черныхъ тучь...

Иванъ Карамазовъ безумно и горячо любитъ людей, но „странною любовью“, хотя, по нашему мнѣнію, съ точки зрѣнія *самого* Карамазова и вполнѣ объяснимою. Онъ любитъ „издали“, „отвлеченно“. Онъ готовъ пострадать за *все* чело-вѣчество, но не за своего *ближняго*, — „потому что, — говоритъ Иванъ Алешѣ, послѣдняго можно только тогда полюбить, когда онъ спрячетъ лицо свое, а чуть лишь покажетъ его — про-

пала любовь!“ Почему именно *такъ* любить Карамазовъ? *Иванъ видитъ въ ближнемъ своемъ прежде всего себя самого...* Объяснимъ нѣсколько подробнѣе нашу мысль.

· *Человѣкъ*, по мнѣнію самого-же Карамазова, былъ „только злое и дикое животное“, связанное въ проявленіи своихъ наклонностей Богомъ и безсмертіемъ, которыхъ выдумало *человѣчество* въ его цѣломъ. Но вѣра въ безсмертіе въ сущности нисколько не перерождала природы человѣка, — она только сдерживала ее и безъ этой вѣры человѣкъ становился субъектомъ, руководящимся извѣстнымъ — „все позволено“. Иванъ хорошо зналъ, что разумѣется подъ этимъ „позволеніемъ всего“. „Оно“ освящало самыя эгоистичныя, мало того, самыя животныя стремленія человѣка, присущія его природѣ. Всѣ эти стремленія Карамазовъ находилъ *въ своей душѣ* и, если принималъ и стремился къ ихъ осуществленію въ силу требованийъ своего разума и его логики, то въ глубинахъ сердца своего, „способнаго горня мудрствовать“, отрицалъ ихъ. Эта *неспособность* Ивана отъ „разумныхъ“ словъ перейти къ дѣлу въ сущности-то и поддерживала все его духовное существо, не позволяя ему осудить самого себя. Иванъ, напримѣръ, ставилъ себя выше другихъ. И читателю, и самому Ивану кажется, что „благородная гордость“ его, Карамазова, вытекала изъ сознанія величія своего ума. Но это только при поверхностномъ знакомствѣ съ личностью Карамазова возможно вынести такое впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ, какъ намъ кажется, не разумъ давалъ крѣпость духу Карамазова, разумъ, „дозволяющій все“, а сердце, сердце чистое и незапятнанное никакимъ проступкомъ. Скажите, почему же Иванъ въ концѣ концовъ осудилъ самого себя? Вѣдь разумъ его, какимъ былъ, такимъ и остался!... Да потому, что въ душѣ Ивана вдругъ со страшною силой сказала вся недостойная человѣка гадость принципа „все дозволено“, осуществленіе котораго онъ лично провелъ черезъ Смердякова!... Этотъ фактъ осужденія себя самимъ Ивановъ въ моментъ загрязненія его духовно-сердечнаго существа вполне ясно, по нашему мнѣнію, говоритъ, что именно давало всегда силу Ивану Карамазову, и что ставило его въ собственныхъ глазахъ выше прочихъ людей. Если хотите, такъ

Иванъ одной половиной своего существа не любилъ и презиралъ другую, презиралъ именно ту, которая, повидимому, управляла имъ. Нелюбовь эта сказывалась у него инстинктивно и невольно, но весьма ясно, по крайней мѣрѣ, для посторонняго человѣка, въ данномъ случаѣ, для читателя.

Принимая теперь во вниманіе все сказанное нами, „любовь“ Ивана къ человѣку мы можемъ и должны объяснить слѣдующимъ образомъ. Въ своемъ ближнемъ, когда тотъ „открывалъ лицо свое“, Карамазовъ именно и не находилъ чистоты сердца своего, стремящагося „къ горнимъ“, а видѣлъ въ немъ (ближнемъ) только массу гадостей, которыя, если и не осуществлялись сполна, то потому только, что человѣка сдерживала вѣра въ Бога. Отбросьте эту вѣру и тогда явится широкій просторъ „показывать свое истинное лицо“. Какъ же возможно любить такое лицо въ каждомъ человѣкѣ, если послѣдній въ сущности представляетъ изъ себя только одного „лицемѣра“, принужденнаго къ своему „лицемѣрію“ „обстоятельствами сверхмірового характера“? Лучше *издали* любить такого человѣка, — тогда, по крайней мѣрѣ, не видишь ни его „лицемѣрія“, ни истиннаго „лица“, тогда представляешь себѣ только его *духовный* обликъ, отвлеченно-синтезированный въ общемъ понятіи „человѣчества“. Такой „обликъ“ любилъ Карамазовъ. Въ такомъ „человѣкѣ“, *выдумавшемъ Бога*, онъ находилъ и чистоту сердца и неспособность окончательно провести въ жизнь принципъ „все дозволено“. Другими словами, — въ „отвлеченномъ человѣкѣ“ Карамазовъ любилъ то, что его самого дѣлало человѣкомъ...

Продолжаемъ далѣе анализъ замѣчательной бесѣды Ивана съ Алешей.

Вотъ снова является предъ нашими глазами этотъ въ сущности глубоконесчастный человѣкъ со всѣми странными противорѣчіями его существа. Опять мы видимъ у Ивана, съ одной стороны, разумъ съ его логикой и съ принципомъ „все дозволено“, и съ другой — чудное сердце съ требованіями, противоборствующими разумной логикѣ. Иванъ Карамазовъ признаетъ всѣ самыя невозможныя желанія. — „Въ желаніяхъ моихъ, — говоритъ онъ, — я оставляю за собой полный просторъ...

Кто не имѣеть права желать?“ — И. Карамазовъ, какъ мы знаемъ, желаетъ чрезвычайно многого, т.-е. онъ требуетъ полнѣйшей свободы человѣку, самостоятельно пришедшему къ отрицанію Бога и безсмертія.

Но вѣдь это — „просторъ“ *только* однихъ желаній, какъ желаній, порождаемыхъ исключительно умомъ... Намъ извѣстно, какъ эти желанія у Ивана оставались только желаніями, не выходя изъ области теоретическихъ разсужденій. Мы знаемъ также, съ какой силой проявлялась у Карамазова и жизнь сердца съ его непреодолимыми законами. Въ то время, когда Иванъ, повинувшись безотчетному вліянію своего сердца, говоритъ абсурдъ съ точки зрѣнія разума, въ то-же время постороннему наблюдателю дѣлается совершенно яснымъ, что Карамазовъ, самъ того не замѣчая, живетъ жизнью только однихъ сердечныхъ порывовъ, жизнью сердца, и чрезъ него, какъ чрезъ фильтръ, пропускаетъ всѣ свои мысли, даже самыя, повидимому, „разумно-атеистическія“, отличающіяся, если къ нимъ хорошо присмотрѣться, чрезвычайно сердечнымъ типомъ.

„Жить, Алеша хочется, — говоритъ Иванъ брату, — и я живу, *хотя бы и вопреки логикѣ*... Не вѣруй я даже въ жизнь, разувѣрся я въ порядкѣ вещей, убѣдись, что кругомъ меня бѣсовскій хаосъ, а я все - таки захочу жить! Дороги мнѣ, Алеша, клейкіе, распустившіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго, собственно, и не знаешь, за что любишь!.. Дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, и не вѣришь, а все-таки *по старой памяти чтими его сердцемъ*“.... — Самого же себя Иванъ называетъ „желторотымъ русскимъ мальчикомъ“.

Что въ сущности значать всѣ эти рѣчи Карамазова? Прежде всего полнѣйшее отсутствіе логическихъ построений ума. Здѣсь слышится передъ нами не только лепетъ, неясный, и, можетъ быть, безтолковый, но и восторженный говоръ *сердца*, его радость о жизни. Сердце вдругъ заявляетъ о себѣ, о своихъ правахъ и требуетъ *своей* жизни, не обращая уже никакого вниманія на „разсужденіе ума“...

Однако это „нерассуждающее“ хотѣніе жизни лишь промелькнуло предъ нами, обн аруживъ истинную сущность глубинъ

духа Ивана Карамазова; весьма скоро онъ снова начинаетъ, по-видимому, только съ *разумной* точки зрѣнія смотрѣть на эту жизнь, какъ она проходитъ предъ нимъ. Онъ хочетъ разобраться среди всѣхъ ужасныхъ противорѣчій, которыя открываетъ ему жизнь, хочетъ построить эту жизнь на началахъ вполне доступныхъ ясному пониманію разума. Иванъ, напимѣрь, не постигаетъ, зачѣмъ гармоніи вселенной нужна смерть и мученія ни въ чемъ неповиннаго ребенка. Съ необыкновенною силою говоритъ онъ о трагедіи людской жизни. Разумъ Карамазова, подобно холодной и острой стали, рѣзущей тѣло, проникаетъ чуть-ли не во всѣ уголки земной жизни, разсѣкаетъ покровы ея, освѣщаетъ всѣ ужасы, таящіяся подъ ними и съ холодной насмѣшкой говоритъ: „а это что? Это также для будущей гармоніи?“...

Тяжело читать эти разсужденія Ивана, переданныя съ тою необыкновенной реальной правдой, на которую былъ способенъ только одинъ Достоевскій; но, присмотрѣвшись къ нимъ, вы увидите на самомъ дѣлѣ не однѣ только „холодные“ мысли разума, а скорѣе „мысли сердца“, жаждущаго царства Божія на землѣ. И будь только у Ивана одно лишь „сердечное“ отношеніе къ жизни, онъ, навѣрное, примирилъ-бы противорѣчія, встречаемыя имъ въ жизни; но въ томъ-то и дѣло, что разумъ этого не позволяетъ; разумъ требуетъ точнаго, математически-яснаго отвѣта на всѣ свои вопросы и, такъ какъ отвѣта такого нѣтъ, то результатомъ всѣхъ „разумныхъ разсужденій“ является у Ивана „бунтъ“, какъ своеобразное сознаніе своего духовнаго безсилія и „возвращеніе Богу билета на жизнь“, на ту жизнь, которой Карамазовъ еще такъ недавно пѣлъ гимнъ, полный восторга. Онъ отказывается теперь отъ жизни. Въ немъ „заговорилъ“ разумъ, и сердце какъ-бы притихло.

Но странно быть на такой „пустой высотѣ“. „Нутро“ Ивана говоритъ ему, что въ дѣйствительности не можетъ быть *такой* высоты, что должно существовать „нѣчто“, дающее этой высотѣ „возвышеніе“. И голосъ „нутра“ удивительно вдругъ сказывается въ Иванѣ.—„Я Бога принимаю,—говоритъ онъ,—но міра Божьяго не могу принять“....

Г. Волынский, характеризуя личность Ивана Карамазова вообще съ иной точки зрѣнія, чѣмъ мы, останавливаясь, между прочимъ, на только что приведенныхъ словахъ Ивана, говоритъ¹⁾, что—„отрицаніе у Карамазова доходитъ здѣсь до своего кульминаціоннаго пункта. Еще не было человѣка, который, не признавая Бога, отрицалъ бы въ то-же время и Его міръ”.

Намъ, кажется, что критикъ не понялъ Карамазова. Вѣдь, отрицая Бога, Иванъ принималъ міръ, что мы и показали, а, отрицая міръ, онъ въ то же время признавалъ Бога. Слѣдовательно, *въ одно время* „двухъ отрицаній не было у Ивана, что даже, пожалуй, и психически не возможно, и что совершенно не вяжется съ представленіемъ о личности самого Карамазова, какъ постоянно носящаго въ своей душѣ борьбу двухъ началъ: разума и сердца, изъ которыхъ временно господствуетъ то одно, то другое начало. Повинуясь голосу сердца, Иванъ въ данномъ случаѣ принялъ Бога, хотя въ угоду разуму отвергнулъ міръ. Въ угоду же этому разуму онъ и не желаетъ входить въ глубочайшее пониманіе сущности міра, а хочетъ оставаться только при одномъ фактѣ.

—„Я хочу, говоритъ Карамазовъ, оставаться только на фактѣ... Я давно уже рѣшилъ не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, *то тотчасъ же измѣню факту*”. Последнее—поистинѣ замѣчательно!..

Почему Карамазовъ почти боится понимать факты? Да потому, конечно, что „объясненіе” этихъ фактовъ будетъ ему тогда давать *вся душа* его, которая, углубившись въ видимую дисгармонію, въ своихъ чувствованіяхъ вѣчности объяснить дисгармонію эту съ точки зрѣнія гармоніи вѣчной. Но Иванъ не желаетъ этого. Онъ не хочетъ разставаться со своимъ разумомъ, въ которомъ только и видитъ божескую часть своей личности, а по-сему и не принимаетъ какой-то вѣчной гармоніи, идущей съ небесъ. Ивану нужна гармонія здѣсь, на землѣ и теперъ именно, когда *онъ* живетъ. Его разумъ не можетъ успокоиться на принятіи какой-то высшей гармоніи, въ которой онъ самъ уча-

¹⁾ Царство Карамазовыхъ, стр. 105.

ствовать не будетъ, и которая, развѣ въ состоянїи замѣнить всѣ несчастія этого міра, всю страшную дисгармонію его?..

„Я,—говоритъ Иванъ Карамазовъ,—отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь... Не стоитъ она и слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слѣзками своими къ „Боженкѣ”. Не стоитъ потому, что слѣзки его оставались неискупленными. Онѣ должны быть искупленными, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь? Развѣ это возможно? Неужели тѣмъ, что онѣ будутъ отмщены? Но, зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей? Что тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ *уже* замучены?!..

Таковъ ходъ мыслей разума Ивана, мыслей, повидимому совершенно завладѣвшихъ имъ. Однако, почему-же, не смотря на страшную логику, проводимую Карамазовымъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ читатель чувствуетъ, что истинная ихъ покладка въ сущности покоится на чисто - сердечныхъ порывахъ души?.

Всѣ вышеприведенныя разсужденія Ивана, если къ нимъ внимательно приглядѣться, проникнуты въ сущности глубочайшимъ состраданіемъ къ дисгармоніи людской жизни, и къ тѣмъ, кто переноситъ на себѣ эту „дисгармонію”, а поэтому невольно думается во время разбора мыслей Карамазова: такое *сердечное* отношеніе его къ міру страданій непременно влекло за собой и сердечное разрѣшеніе этихъ страданій, т. е. душа Ивана чувствовала гармонію будущей жизни, гармонію, которая *все* примирить.

Но разумъ только смѣялся надъ такими „сердечными движеніями. Вотъ ему указываютъ на Христа, какъ на такую личность которая принесла начало небесной гармоніи въ міръ. И разумъ въ лицѣ Великаго Инквизитора пыгается осудить всю дѣятельность Христа. Но Инквизиторъ въ концѣ концовъ получаетъ поцѣлуй отъ Христа, Иванъ—отъ Алеши. Этимъ „поцѣлуемъ” Карамазовъ осудилъ Великаго Инквизитора и призналъ всю несостоятельность его рѣчей. Ивана послѣ его разсказа поэмъ такимъ-же поцѣлуемъ наградилъ Алеша. Иванъ,

получивъ поцѣлуй отъ брата, пришель въ *какой-то восторгъ* и закричалъ: „Литературное воровство, Алеша“!...

Что значить этотъ „какой-то восторгъ“? По нашему мнѣнью, „восторгъ“ Ивана вышелъ изъ радостнаго сознанія, что братъ понялъ его, понялъ настоящіе мотивы всѣхъ его „логическихъ рѣчей“, въ основѣ которыхъ лежала однако не логика, а любовь. Подобно тому, какъ Христосъ поцѣлуемъ призналъ великое сердце старика - инквизитора, такъ точно и Алеша, движимый любовію къ брату, открылъ въ немъ сердце, „способное горняя мудрствовать, сердце чистое, „дѣвственное“.. И Иванъ въ „восторгъ“ пришель, потому что увидѣлъ въ другихъ признаніе *непорочности своего сердца*, т. е. того, что въ дѣйствительности было для него дороже всего.

Послѣ разговора съ Алешей мы замѣчаемъ, что въ душѣ Ивана совершается какой-то переломъ, результатомъ котораго будетъ, какъ увидитъ сейчасъ читатель, почти окончательное ниспроверженіе господства всѣхъ разумныхъ началъ въ душѣ Карамазова. Во время бесѣды съ братомъ онъ еще разъ попытается выставить принципъ „все дозволено“, но это уже выходитъ у него какъ-то болѣзненно. Читателю совершенно ясно теперь становится, что Иванъ ведетъ *последнюю* борьбу изъ-за правъ разума съ сердцемъ, что сила разума его уже надломалась.

Но обратимся къ самому роману и увидимъ, съ какимъ рѣдкимъ совершенствомъ гениальнаго художника Достоевскій показываетъ намъ душевный переломъ Ивана Карамазова.

Иванъ покидаетъ Алешу и отправляется домой съ какимъ-то „надрывомъ“ въ душѣ. „Онъ ушелъ не оборачиваясь,—читаемъ мы у Достоевскаго,—похоже было на то, какъ вчера ушелъ отъ Алешы братъ его Димитрій. Странное это замѣчаніе промелькнуло, какъ стрѣлка, въ печальномъ умѣ Алешы“.

Итакъ, Иванъ похожъ на Димитрія, „потому что, — какъ прекрасно говорить ¹⁾ по этому поводу г. Волынскій,—они оба оскорбляютъ себя—одинъ тѣмъ, что онъ крадетъ вмѣстѣ съ чистотою своей совѣсти деньги у Катерины Ивановны, другой

¹⁾ „Царство Карамазовыхъ“ 127 стр.

тѣмъ, что онъ тоже крадетъ нѣчто у самого себя, у собственнаго сердца”.

Затѣмъ Иванъ, уходя отъ Алеши, принялъ какую-то странную походку.— „Онъ шель, какъ замѣтилъ Алеша, раскачиваясь и перекосившись, чего раньше не было”.

„Въ посадкѣ Карамазова,—тонко подмѣчаетъ Волынскій, появилась нѣкоторая раскачка; онъ измученъ своими безотрадными идеями, которыя не даютъ его душѣ легкихъ разрѣшительныхъ настроеній. Какое-то смутное душевное похмѣлье выносить онъ изъ своихъ выводовъ. Вся фигура его перекосилась, лѣвое плечо поднялось въ неестественной судорогѣ выше праваго. Если-бы этотъ „желторотый” мальчикъ чувствовал себя вполне правымъ, если бы въ немъ не было „надрыва”, самое напряженіе выразилось бы нѣсколько иначе, въ формѣ болѣе естественной для энергичнаго человѣческаго тѣла. Но художнику нужно намекнуть, что Иванъ не правъ предъ самимъ собою, и онъ показываетъ это въ приподнятомъ лѣвомъ плечѣ, которое говоритъ, что Ивану больно, страшно больно”.

Итакъ мы, можно сказать *до осязаемости* ясно теперь видимъ, какая борьба сердца съ разумомъ царитъ въ душѣ Ивана и собственно, если хорошо всмотрѣться, то и не борьба, а уже начало побѣды перваго надъ вторымъ.

Но пойдѣмъ далѣе за Иваномъ и посмотримъ, какъ мало-помалу разрастается въ его душѣ власть сердца, посмотримъ также и на послѣднія усилія самого разума. Свиданіе Ивана Карамазова со Смердяковымъ рисуетъ предъ нами всѣ подробности „теоретической борьбы” Карамазовскаго ума и сердца. Замѣчательно, что Иванъ рѣшительно во всемъ теоретикъ. У него умъ и сердце борются какъ - то абстрактно, а не на дѣлѣ, т. е. въ дѣйствиіи. Въ разговорѣ со Смердяковымъ эта абстрактность особенно бросается въ глаза. Иванъ, напримѣръ, чувствуетъ, какъ лакей запутываетъ его въ какое-то невозможно грязное дѣло. Все его существо возмущается, страшно негодуетъ. Иванъ, увидѣвъ Смердякова, подходитъ къ нему съ цѣлью выругать его, показать ему все свои презрѣніе, а, между прочимъ, ничего этого не дѣлаетъ. У Карамазова является вдругъ какъ-бы тайное желаніе посмотрѣть осуществленіе своего принципа „все дозво-

лено“. И вотъ онъ со вниманіемъ и даже повидимому, вполне спокойно, говоритъ съ лакеемъ, прислушиваясь въ то же время къ страшной борьбѣ между разумомъ и сердцемъ, происходящей въ его душѣ. Сердце, какъ-бы говоритъ Ивану: „одно только „движеніе“ съ твоей стороны, и ты впоследствии будешь правъ! Смердяковъ, когда узнаетъ, что ты лишь *теоретически* сторонникъ его, на самомъ-же дѣлѣ вполне ему не сочувствуешь, то струсить и не рѣшится исполнить задуманной гадости“... — „Попытайся, хотя-бы черезъ другого осуществить свой принципъ „все позволено“, если *самъ* не смѣешь,—эхидно шепчетъ разумъ Карамазову,—вѣдь въ сущности ты останешься правымъ!.. Подумай только, развѣ *не мучно* чувствовать себя отвѣтственнымъ въ проступкѣ, который совершенъ другимъ?... Наконецъ, уѣзжай отсюда!“..

Иванъ уѣхалъ въ Москву и тамъ, получивъ телеграмму объ убійствѣ отца, сказалъ: „я подлецъ“!...

Это уже, если хотите, *полнѣйшее* осужденіе началъ разума, какъ руководящихъ принциповъ жизни. Сердце сказало свое слово — сильно и безповоротно. Теперь уже Ивану и на мысль не приходитъ принципъ „все дозволено“, по крайней мѣрѣ, но приѣздѣ изъ Москвы, Карамазовъ является предъ нами въ совершенно иномъ видѣ. Мы уже не слышимъ отъ него „разумныхъ“ рѣчей, нѣтъ, — теперь мы только видимъ, какъ въ душѣ его мало-помалу растетъ постепенно приходящее въ сознаніе осужденіе самого себя, — „духовное наказаніе за такого рода преступленіе“. Это „наказаніе“ захватываетъ съ головы до ногъ Ивана, перестраиваетъ его прежній духовный строй, показывая всю односторонность и скудость средствъ послѣдняго для истинно-человѣческой жизни. Карамазовъ вдругъ постигаетъ, что смыслъ жизни ни въ какомъ случаѣ не устанавливается однимъ лишь разумомъ, что разумъ этотъ чрезвычайно ограниченъ и не въ силахъ самъ по себѣ понять „строеніе бытія“ отъ „верховъ“ до „низовъ“ его.

Душевно самоосужденіе такъ сильно въ Карамазовѣ, что тѣло его какъ бы не выдерживаетъ въ настоящемъ своемъ состояніи надвинувшейся грозы. Иванъ заболѣваетъ бѣлой горячкой...

Переходимъ теперь къ лакею Смердякову, этой, такъ сказать, „практической части“ Ивана Карамазова.

Въ нашей литературѣ о Смердяковѣ почти ничего не сказано, если не считать только тѣхъ маленькихъ замѣтокъ, которыя сдѣланы по этому вопросу гг. Антоновскимъ, Чижемъ (см. „Прибавленіе къ критическому комментарию къ соч. Достоевскаго“. Разборъ ром. „Братья Карамазовы“), Вольнскимъ, („Царство Карамазовыхъ“), Мережковскимъ („Толстой и Достоевскій“) и нѣк. др. Кромѣ того, что названные критики отнесли довольно поверхностно къ личности Смердякова, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Антоновичъ, совершенно не поняли ее, наговоривъ „по поводу“ много странностей.

— „Это исчадіе, — пишетъ Антоновичъ, этотъ плодъ грѣха оказался вполнѣ достойнымъ и родителя и своего грѣховнаго происхожденія. Этотъ Смердяковъ былъ такой ужасный, закоренѣлый, холодный и методическій злодѣй, какого трудно себѣ и представить. Это былъ не человѣкъ, а просто сатана во плоти. И у него порочность и преступность вытекали изъ невѣрія и атеистическихъ заблужденій, которыя онъ подслушалъ у своего барина отца и барина-брата, Ивана Карамазова. И что всего замѣчательнѣе, этотъ ужасный злодѣй былъ не славянофилъ, такъ какъ изъ славянофиловъ не можетъ выдти такого злодѣя, а крайній западникъ, чѣмъ и объясняется его злодѣйство“.

Немного далѣе тотъ же критикъ удивляется діалектическому таланту Смердякова и съ ироніей замѣчаетъ, что „этотъ талантъ сообщенъ лакею самимъ Достоевскимъ, стоящимъ за его спиной“.

Что можно сказать по поводу этой „критики“? Прежде всего въ „своихъ мысляхъ“ г. Антоновичъ противорѣчитъ самому себѣ. Видя, напримѣръ, прямо-таки діавола въ образѣ Смердякова, онъ не хочетъ допустить въ немъ „дьявольской діалектики“, хотя на самомъ то дѣлѣ діалектика эта вовсе ужъ и не сатанинская, а настоящая человѣческая, которой и теперь занимаются люди полуобразованные, но съ пытливымъ умомъ, въ родѣ Смердяковскаго. Присмотритесь и прислушайтесь, хотя бы къ рѣчамъ нашихъ сектантовъ!.. До какихъ только „ум-

ственныхъ хигросилетеній“ они не доходятъ въ своихъ разсужденіяхъ!..

Загѣмъ мы совершенно не согласны съ г. Антоновичемъ, что Смердяковъ „закоренѣлый злодѣй“ и „сатана въ плоти“. Какъ, скажите, можно говорить это о человѣкѣ, который въ концѣ концовъ не выноситъ душевной пытки и вѣшается чутъ-ли не съ Исаакомъ Сиринымъ въ рукахъ?..

Г. Антоновичъ съ нѣкоторою ироніей говоритъ о томъ, что порочность и преступность Смердякова есть слѣдствіе его невѣрія и атеистическихъ заблужденій, которыя, кстати сказать, были подслушаны имъ у отца и брата Ивана. Это „ироническое мнѣніе“ нашего критика легко обращается противъ него же самого. Только нежеланіемъ поглубже всмотрѣться въ интересную личность Смердякова можно объяснить заключеніе г. Антоновича, что невѣріе лакея привнесено въ его душу „разговорами“ отца и брата — Ивана. Въ такомъ случаѣ, по логикѣ г. Антоновскаго, выходило бы, что всякій, слушающій атеистическія разсужденія, необходимо долженъ былъ бы становиться невѣрующимъ. Однако, въ дѣйствительности мы этого вовсе не видимъ. Слѣдовательно, если Смердяковъ такъ легко поддастся атеистическимъ заблужденіямъ отца и брата, то только потому, что *заранѣе* уже былъ предрасположенъ къ нимъ. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ самомъ романѣ. Помните, Смердяковъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, занимаясь съ старикомъ-лакеемъ по закону Божьему, насмѣшливо относился къ этому предмету и однажды спросилъ у своего пріемнаго отца: „откуда въ первый день свѣтъ сіялъ, если только въ четвертый — Господь сотворилъ звѣзды, луну и солнце?..“ Итакъ, мальчишка уже отъ природы былъ съ чрезвычайно пытливымъ умомъ и, такъ сказать, съ „атеистическимъ настроеніемъ“. Поэтому, если онъ впоследствии и поддастся такъ вліянію Ивана, то лишь потому, что въ разсужденіяхъ своего брата увидѣлъ ясную и точную формулировку всего того, что еще раньше бродило въ немъ, и что было возвращено всей его жизнью.

Наконецъ, г. Антоновичу совершенно не знакома русская душа, въ особенности же душа русскаго простолюдина, какимъ отчасти является и Смердяковъ.

У русскаго человѣка удивительно тѣсно связаны его вѣра „по православному“, а, слѣдовательно, и извѣстное нравственное міровоззрѣніе съ его же народностью. Теперь, конечно, не мѣсто говорить о такомъ явленіи, хотя для примѣра укажемъ на огромное большинство нашихъ сектантовъ, которые съ оставленіемъ православной вѣры перемѣнили и свои многія убѣжденія.

Такая характерная черта души русскаго человѣка была уже много разъ засвидѣтельствована въ нашей литературѣ. Г. Антоновичъ иронизируя надъ Достоевскимъ, говоритъ, что изъ славянофила не могло выдти злодѣя, подобнаго Смердякову. Да, злодѣя, *у котораго все злодѣйство вытекало бы изъ невѣрія*, дѣйствительно не могло выдти. Русскіе каторжники— народъ глубокоувѣрующій и преступленіе ихъ вовсе не результатъ невѣрія. Поэтому, нисколько, напримѣръ, не удивительно, если Смердяковъ, потерявъ вѣру, не влюбилъ и Россію съ ея народомъ,—его потянуло „къ умнымъ націямъ“...

Однимъ словомъ, связь *характера* злодѣйства Смердякова съ его западничествомъ вовсе ужъ не такъ смѣшна, и Достоевскому только въ заслугу нужно поставить такое тонкое проникновеніе въ глубь русскаго духа.

Послѣ этого разбора одного изъ „оригинальных“ критическихъ мнѣній о Смердяковѣ переходимъ теперь къ непосредственному разсмотрѣнію этой личности, какъ она образовывается предъ нами въ самомъ романѣ.

Что такое Смердяковъ?

„Это—передовое мясо“, — говоритъ Иванъ Карамазовъ о лакеѣ. Существуютъ два класса людей. Одни—сидятъ въ кабинетахъ и выдумываютъ „теоріи“, другіе—являются „дѣлателями“ этихъ теорій. Послѣдніе обыкновенно или въ силу своей отчасти „психопатической“ психической организаціи, или же вслѣдствіе особой жизненной обстановки, чрезвычайно предрасположены быть этими „дѣлателями“. Они обыкновенно нисколько не разсуждая, идутъ по указанію гг. теоретиковъ. Вотъ этихъ-то „дѣлателей“ мы и называемъ „передовымъ мясомъ“. Они въ достаточной степени обладаютъ тѣмъ, чего не имѣютъ

сами теоретики, именно—*силой воли* совершить то, о чемъ послѣдніе только учатъ.

Смердяковъ былъ такимъ „передовымъ мясомъ” и къ этому „званію” готовился самою обстановкой жизни, среди которой росъ, развивая постепенно такія природныя черты характера, которыя именно въ концѣ концовъ и могли создать изъ него „передовое мясо”. Очень рано лакей Смердяковъ началъ понимать свое социальное положеніе; съ дѣтства уже сталъ онъ чуждаться людей, въ чемъ нужно видѣть прямо-таки инстинктивное стремленіе Смердякова своимъ отчужденіемъ отъ людей устранить отъ себя ихъ насмѣшки. Впослѣдствіи это инстинктивное стремленіе замѣнилось вполне сознательнымъ. Затѣмъ Смердяковъ, будучи еще мальчикомъ, обнаруживалъ чрезвычайно пытливый умъ, склонный разрѣшать преимущественно *тѣ* вопросы, отъ того или другаго рѣшенія которыхъ зависить направленіе и характеръ *всей* жизни. Это замѣчательная черта въ личности Смердякова, открывающая намъ всю суть его стремленій! Не находя себѣ достаточнаго руководителя, видя отъ окружающихъ только презрѣніе и чуть-ли не ненависть, Смердяковъ, замкнувшись въ самомъ себѣ, попробовалъ *самостоятельно* разрѣшить всѣ интересующіе его вопросы.

До пріѣзда Ивана Карамазова Смердяковъ никому не открывалъ тайниковъ своей души и только впервые открылся брату - Ивану. Иванъ заинтересованъ Смердяковымъ. Они вмѣстѣ бесѣдуютъ о Богѣ, безсмертіи... Смердяковъ со вниманіемъ вслушивается въ рѣчи Ивана, и онѣ прямо-таки вливаются въ кровь лакея, находя тамъ себѣ благодарную почву для того, чтобы вырасти и дать плодъ. Мало - помалу Смердяковъ, почувствовавъ поддержку своимъ мыслямъ въ ясной формулировкѣ ихъ Иваномъ, рѣшается открыто высказывать ихъ.—„Валаамова ослица заговорила”,—замѣтилъ отецъ—Карамазовъ, услыхавши рѣчи Смердякова. И такъ, съ пріѣздомъ Ивана, Смердяковъ нашелъ то, чего самъ не имѣлъ, а именно: сильный умъ, освящающій своей логикой то, что смутно бродило въ душѣ лакея и осуществленіе чего возвысило бы его надъ прочими людьми, давъ право на многое. Въ душѣ Смердякова нравственное чувство давно уже замѣнилось страшно-оскорбленнымъ са-

молюбѣмъ, удовлетворенія котораго тѣмъ или другимъ способомъ жаждалъ лакей. Онъ не выносилъ теперешняго своего унижительнаго положенія и виновниками его считалъ всѣхъ окружающихъ безъ исключенія.—„Я знаю, говоритъ Карамазовъ про Смердякова,—онъ и меня терпѣть не можетъ, равно какъ и всѣхъ, и тебя, Иванъ, точно также, хотя тебѣ и кажется, что онъ тебя уважаетъ. Алешку подавно. Алешку онъ презираетъ”.

При такомъ отношеніи къ окружающимъ и притомъ къ роднымъ, у Смердякова, развѣ не могло появиться зависти къ ихъ положенію, ненависти къ нимъ и упорной мысли: „почему я не пользуюсь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ—и они, мои братья? Вѣдь я имѣю *полныя* права на это!”...

Является Иванъ. Смердяковъ неожиданно для себя вдругъ видитъ въ немъ человѣка, который ясно и опредѣленно говоритъ, что „все позволено” тому, кто не признаетъ высшаго авторитета. Но, развѣ у Смердякова было ощущеніе этого авторитета? Нѣтъ,—онъ не видѣлъ въ немъ никакой потребности, кромѣ только нѣкоторой помѣхи; „тогда, слѣдовательно, — рѣшилъ Смердяковъ,—мнѣ „все позволено”... Это говоритъ Иванъ, а вѣдь онъ безспорно умный человѣкъ”.

И вотъ лакей—Карамазовъ, нисколько теперь не задумываясь, проводитъ въ жизнь принципъ барина—Карамазова, но проводитъ лишь тогда, когда убѣждаетъ въ *полномъ* согласіи съ собой брата—Ивана.

Г. Антоновичъ сразу увидѣлъ въ Смердяковѣ *закоренѣлаго* злодѣя... Слишкомъ близорукой взглядъ! Такой злодѣй не сталъ бы дожидаться *философскаго* обоснованія своего злодѣйства, а прямо-бы приступилъ къ совершенію его, не требуя и не нуждаясь въ освященіи своего проступка извѣстнымъ авторитетомъ. У Смердякова — наоборотъ. Свое злодѣйство онъ стремится сдѣлать вовсе не злодѣйствомъ, а *обыкновеннымъ* дѣломъ, на совершеніе котораго онъ имѣетъ полное право, данное ему его извѣстнымъ отношеніемъ къ высшему всѣми признанному авторитету, отрицая который, онъ во то-же время имѣетъ власть по своему „размышленію” отрицать и законы, утвержденные этимъ авторитетомъ. Слѣдовательно, не одно только злодѣйство,

какъ злодѣйство, должны мы видѣть въ поступкѣ Смердякова, нѣтъ,—на его „дѣло“, по нашему мнѣнію должно смотрѣть, какъ на *сознательное* и вполне осмысленное проведеніе въ жизнь принципа „все дозволено“; въ своемъ „дѣлѣ“ лакей *не видѣлъ ровно ничего безнравственнаго*. Не будь Ивана, очень можетъ быть, что самъ Смердяковъ никогда и не рѣшился бы на свой проступокъ, хотя и думалъ бы о немъ. Почему? Да потому, что Смердяковъ своими силами не могъ обосновать его. Вѣдь, замѣтите, характернѣйшая черта „передового мяса“—это потребность въ теоріи „умнаго человѣка“, безъ которой „оно“ будетъ только мечтать о томъ, что сдѣлало бы „оно“, если бы явился „нужный человѣкъ“.

Еще больше падаетъ несостоятельность мнѣнія г. Антоновича, когда мы рассмотримъ психическую сторону самоубійства Смердякова.—„На васъ,—говоритъ лакей Ивану,—все мое упованіе, какъ на Господа Бога-съ!“... Замѣчательная фраза со стороны Смердякова! Она во 1), открываетъ намъ, что ему необходимо „Господь Богъ“, въ какомъ бы видѣ онъ не явился, т.-е. необходимо все-таки высшій авторитетъ, безъ котораго онъ, Смердяковъ, не сдѣлаетъ и шагу; а во 2), что въ настоящемъ случаѣ такимъ авторитетомъ является Иванъ, на котораго возлагается „все упованіе“ Смердякова. Какое „упованіе“?

Смердяковъ съ самаго начала своихъ свиданій съ Иваномъ послѣ убійства отца началъ замѣчать и подозрѣвать, что Иванъ, какъ будто-бы и *въ действительности* не зналъ, что онъ собирается убить старика Карамазова. Свои подозрѣнія Смердяковъ тщательно отгоняетъ,—онъ боится ихъ. Почему? Потому что Иванъ теперь Богъ для него, Богъ, заповѣди котораго онъ исполнилъ, и вдругъ, если этотъ Богъ окажется обыкновеннымъ человѣкомъ?.. Тогда, какъ же быть? Вѣдь заповѣдь-то исполнена, а, между прочимъ, оказывается, что ее вовсе не Богъ далъ!.. *Человѣкъ* далъ эту заповѣдь и испугался, „кого-то“.—„Безъ васъ,—какъ бы хочетъ сказать Смердяковъ Ивану,—безъ васъ я пропалъ!.. Я буду тогда надъ пропастью, куда и полечу, и гдѣ разобьюсь. Не оставьте меня!.. Прежде если и васъ не было, такъ не было и заповѣди вашей, не было и исполненія этой заповѣди“.

Но вотъ, наконецъ, Смердяковъ узнаетъ, что *дѣйствительно* Иванъ не зналъ о готовящемся быть убійствѣ. Сперва онъ удивляется, недоумѣваетъ. Еще пока не закрадывается въ его сознаниѣ страшная мысль: „какъ же я теперь долженъ быть? Вѣдь оказывается „все позволено” только на словахъ... Иванъ, гляди, какъ мучается отъ одной только мысли, что онъ можетъ быть причастенъ къ убійству!.. Но Иванъ клянется... Смердяковъ въ ужасѣ. Достоевскій ничего не говоритъ о томъ ужасномъ душевномъ состоянiи, которое вдругъ охватило лакея, нѣтъ великiй романистъ указываетъ только на одну подробность разговора Смердякова съ Иваномъ, а именно: когда послѣднiй, услышавъ изъ устъ лакея, что отецъ убить имъ, страшно испугался, то Смердяковъ только и могъ *пролепетать*: „все, дескать, позволено”, говорили-съ, а теперь вотъ испугались”... Характерная подробность!.. *Пролепеталъ!* Намъ до *очевидности* ясно, что Смердяковъ теперь „растерялся”, что у него въ душѣ уже нѣтъ связующаго звена,—оно пропало, а потому все то, что оно связывало, т. е. мысли и чувства, все это вдругъ испуганно мечется изъ стороны въ сторону...

Но Смердяковъ, какъ мы уже знаемъ, это прежде всего человекъ дѣла, а посему, потерявъ „душу души” своей, онъ сразу порываетъ и съ дѣлами, совершенными подъ влиянiемъ этой „души”.

— „Возьмите деньги, украденныя мною у батюшки”, — говоритъ онъ Ивану. — Теперь онѣ мнѣ не нужны, только вотъ дайте еще разикъ посмотрѣть на нихъ”...

Смердяковъ вскорѣ заболѣваетъ, измѣняется до нельзя.. Онъ читаетъ житiе св. Исаака Сирина и въ концѣ концовъ вѣшаетъ...

Личностью Ивана Карамазова и Смердякова, представляющихъ изъ себя въ сущности одно лицо, раздвоенное лицо на два „образа”, Достоевскiй заканчиваетъ циклъ „русскихъ умственниковъ”. Иванъ—Смердяковъ,—это Раскольниковъ, Ставрогидъ, Версиловъ, приведше свою „умственность” къ крайнему ея развитiю, дальше котораго уже нельзя идти. Всѣ эти „лица”, какъ-бы соединившись для усиленiя своихъ идей въ образѣ двухъ братьевъ Карамазовыхъ, дали рѣшительное гене-

ральное сраженіе законамъ сердца, положеннымъ въ него высшимъ авторитетомъ, дали и были въ конецъ поражены, поражены на всегда, показавъ что „умственность” сама по себѣ никогда не можетъ сдѣлаться руководителемъ человѣческой жизни, что послѣдняя въ основахъ своихъ глубоко „метафизична” и питается „родниками”, изслѣдованіе которыхъ недоступно разуму.

Ни въ одной литературѣ мы не находимъ подобной борьбы „умственности” съ „сердечностью”, борьбы, представленной съ такой силой и мощью генія, какъ именно въ нашей литературѣ у Достоевскаго. Этотъ человѣкъ не оставилъ безъ разсмотрѣнія ни одной дороги, по которой разумъ могъ бы придти къ столь нужной для него побѣдѣ и власти. Самымъ „добросовѣстно-мучительнымъ” образомъ нашъ великій писатель обслѣдовалъ все права разума, всю ихъ глубину и сказалъ: — „нѣтъ, — аршиномъ „умственности” нельзя измѣрить жизнь!

ЧАСТЬ III-я.

„ИДЕИ БЕЗПОЧВЕННОЙ ВОЛИ“.

„Хотѣнье выше всего!...“

„Записки изъ подполья“.

Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Герой романа „Подростокъ“.

Воля — это высшее обнаруженіе духовной природы человека, это духъ его души и въ то же время центръ всѣхъ жизненныхъ стремленій. „Хотѣнье, говоритъ „обитатель подполья“, есть проявленіе всей жизни и съ разсудкомъ, и со всѣми почесываніями“.

Однако, почему же „подпольный человекъ“, при всемъ сознаниіи такого могущества воли, совершенно не могъ воспользоваться ею для своихъ цѣлей, хотя бы, на примѣръ, для того, чтобы удовлетворить своему страстному желанію „чѣмъ-нибудь сдѣлаться?“ Мы всегда должны помнить, что „житель подполья“ — это прежде всего „хаотическій человекъ“, надъ всѣмъ хаосомъ котораго носится одно сознаніе, лишенное творческой инициативы и только размышляющее о томъ, что „вотъ можно было бы устроить многое, да, если бы силы были“.

Въ предыдущей части нашего изслѣдованія было показано, что разумъ самъ по себѣ не въ состояніи „устроить хаосъ“, а, слѣдовательно, не въ его силахъ привести человека къ самодовлетворенію. Тогда, можетъ быть, *воля* человека укажетъ

послѣднему путь къ удаленію „хаоса“ изъ души?... Можетъ быть, въ осуществленіи „чисто-волевыхъ идей“ человекъ найдетъ себѣ нужное духовное удовольствіе?... Для рѣшенія этого вопроса Достоевскимъ создается цѣлая интересная галлерея типовъ, изъ которыхъ, каждый по своему, находитъ *свою* „волевою“ идею и стремится такъ или иначе реализовать ее, чтобы тѣмъ самымъ „успокоиться“, другими словами, сказать мгновенію: „прекрасно ты, остановись!“.

Одна изъ отличительныхъ чертъ „хаотическаго человека“ — это полнѣйшая его невозможность, неспособность „устроить“ себя средствами, добытыми изъ собственнаго духа. Если онъ и приходитъ къ мысли о томъ, что ему необходимо „устроиться“, иначе же нѣтъ смысла и жить, то мысль свою онъ осуществляетъ какъ-то „внѣ себя“, при помощи средствъ міра, чуть-ли не проклинаемаго имъ самимъ, и потому собственное „устроеніе“ ставитъ въ странную зависимость отъ людей, которыхъ выносить не можетъ. Вслѣдствіе этого не должно видимое самоуглубленіе этого человека принимать за дѣйствительное, ибо и самоуглубляется онъ только изъ-за одного сознанія, что „душевный хаосъ“ не позволяетъ ему быть, какъ всѣ окружающіе его люди. Отсюда „забитость“ „подпольнаго человека“ и уединенное выискиваніе внѣшнихъ средствъ спасти себя, такъ сказать, „додѣлать“. „Съ двѣнадцати лѣтъ, то-есть почти съ зарожденія правильнаго сознанія, я сталъ не любить людей. Не то, что не любить, а какъ-то стали они мнѣ тяжелы... Зачѣмъ они не подходятъ прямо и искренно?... Я часто желаю выдти изъ общества. Я сумраченъ теперь, я непрерывно закрываюсь... Моя идея уголь!“.

Здѣсь, въ этихъ словахъ Подростка, мы видимъ, съ одной стороны, его самоуглубленность, нелюбовь къ людямъ, а съ другой — тоску по нимъ, что болѣе уже ясно сказывается въ слѣдующихъ мысляхъ того-же Подростка. „Я существо благодарное. Я мигомъ бы отвѣчалъ откровенному откровенностью и тотчасъ же сталъ бы любить его“... Итакъ, у Подростка есть даже любовь къ людямъ, но онъ боится быть инициаторомъ въ дѣлѣ ея. Будучи самъ существомъ съ дѣтства забитымъ и униженнымъ, а потому страшно, при своемъ сознаніи, самолю-

бивымъ, онъ стыдится болѣе всего людской насмѣшки надъ собой, надъ своими сердечными порывами, которыхъ тщательно скрываетъ отъ людскаго глаза. Подростокъ, кромѣ того, не увѣренъ еще въ силѣ и постоянствѣ своего сердца. Оно не горитъ у него дѣйствительнымъ огнемъ любви ко всему, потому свою сердечность, столь часто проявляющуюся у него, онъ никогда не доводитъ до конца, а слѣдовательно, никогда и не можетъ стать въ должныя отношенія съ людьми, весьма понятно не довѣряющимися ему. Видя со всѣхъ сторонъ недоувѣріе къ себѣ, обидную насмѣшку, Подростокъ „уходитъ въ свою идею“: „сдѣлаться Ротшильдомъ, ибо деньги — это единственный путь, который приводитъ на *первое мѣсто* даже ничтожество“.

Подростокъ ставитъ своею цѣлью *первое мѣсто* (курсивъ не нашъ), конечно, въ обществѣ людей. Однако не должно думать, что это его главная цѣль, нѣтъ, — первое мѣсто ему необходимо для могущества, которое принесетъ съ собой „единенное и спокойное сознаніе силы, т. е. свободы“...

Такимъ образомъ для достиженія свободы, обладая которой Подростокъ, по его мнѣнію, только и сможетъ „устроить“ себя (найти „мгновеніе“), ему нужны деньги, дающія возможность занять *первое мѣсто* въ обществѣ, т. е. достичь могущества, другими словами, — свободы, а съ послѣдней всего, чего душа захочетъ. „Знайте! Мнѣ именно нужна моя нарочная воля, вся—единственно, чтобы доказать *самому себѣ*, что я въ силахъ и отъ нея отказаться“...¹⁾). Мы ясно видимъ, въ какую зависимость отъ людей ставитъ Подростокъ „устройство“ своей личности. Хотя онъ въ концѣ концовъ работаетъ только для себя, но орудія къ этой работѣ подбираетъ въ окружающемъ его обществѣ, совершенно не замѣчая, что тѣмъ самымъ не только достигаетъ свободы, но еще болѣе опутывается сѣтями рабства.

¹⁾ П. Ткачевъ въ своей статьѣ (см. „Крит. коммент“. В. Зеленинаго III ч. 136 стр.) колючую цѣль „предпріятія“ Подростка видитъ въ томъ, что послѣдній, какъ забитый человѣкъ, мечтаетъ сдѣлавшись богатымъ *только* отомстить всѣмъ за прежнія униженія... Очень *ограниченное* пониманіе основной идеи романа.

Какъ извѣстно, „идея” Подростка терпитъ крушеніе. Почему? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, проанализируемъ еще поглубже и разностороннѣе „идею” Подростка въ связи со всею его личностью. „Къ идеѣ Бога, говоритъ Подростокъ, я былъ довольно равнодушенъ”. „*Равнодушенъ!*... Самое худшее отношеніе къ Божеству, которымъ былъ, между прочимъ, „заряженъ“ и Ставрогинъ! Въ этихъ словахъ Подростка нашему взору открывается глубочайшій недостатокъ его духовной личности. Онъ *равнодушенъ* къ Богу, т. е. равнодушенъ ко всему идеальному въ высшемъ значеніи этого слова, лишентъ, слѣдовательно, настоящей человѣческой любви, возможной лишь у того, кто идеальное видитъ не въ абстракціи, но въ живомъ образѣ, въ данномъ случаѣ, въ Образѣ Божества. Если теперь мы, при свѣтѣ указанной черты личности Подростка, всмотримся въ „идею” его, то замѣтимъ, что „идея” эта, въ основу которой положено въ сущности крайнее превозношеніе самого себя, создана волей, *хотѣньемъ*, т. е. „всею жизнью съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями”, оторванными отъ вѣчнаго Источника воды живой, другими словами, волей (въ самомъ широкомъ смыслѣ) *безпочвенной*. Прислушиваясь, напри- мѣръ, къ слѣдующимъ рѣчамъ Подростка, мы выносимъ окончательное убѣжденіе въ истинности только что высказанной мысли.

„По моему мнѣнію, всякій имѣетъ право имѣть свои чувства... Пока у меня есть два рубля, я хочу одинъ ни отъ кого не зависѣть и ничего не дѣлать,—даже для великаго будущаго человѣчества... Личная свобода, то-есть, моя собственная — на первомъ планѣ, а дальше знать не хочу... Зачѣмъ я непремѣнно долженъ любить моего ближняго, или ваше тамъ будущее человѣчество, которое я никогда не увижу, которое обо мнѣ знать не будетъ?... Зачѣмъ непремѣнно потому надо быть благороднымъ?”...

Эгоизмъ—вотъ душа „идеи”, которая овладѣла Подросткомъ. Если онъ иногда и говоритъ о любви къ людямъ, если, по временамъ, дѣйствительно и *мучается* приступами такой любви, то это бываетъ лишь тогда, когда „идея” покрывается въ туманѣ, когда онъ становится лицомъ къ лицу съ жизнью,

не защищаясь никакими „безпочвенными хотѣньями“ противъ ея животворящихъ вѣяній...

Подростокъ, какъ было уже замѣчено, не вынесъ своей „идеи“ въ такомъ видѣ, какъ представляется она нашимъ глазамъ въ романѣ. Онъ вступилъ въ новую жизнь, на новый путь, о которомъ и заявилъ, что „этотъ открывшійся предо мною новый путь и есть моя-же „идея“, та самая, что и прежде, но уже совершенно въ иномъ видѣ, такъ что ее уже и узнать нельзя“... Можетъ быть ниже мы и встрѣтимся съ „преобразовавшейся идеей“ Подростка, но судить о ней теперь нѣтъ никакой возможности. Правда, можно предполагать, но предположеній мы рѣшили избѣгать въ настоящей работѣ.

Итакъ, воля „хотѣнье“, по самой природѣ своей, непременно должны быть тѣсно связаны съ дѣятельнымъ принципомъ всей міровой жизни, съ наибольшимъ совершенствомъ, реализовавшемся въ духовномъ обликѣ человѣка. Чѣмъ ближе стоитъ человѣкъ къ этому принципу, тѣмъ воля его, „идеи“ ея, осуществляющіяся въ „хотѣнье“, жизненнѣе въ самомъ широкомъ смыслѣ даннаго слова, а, слѣдовательно, тѣмъ полнѣе и личность самого человѣка, т. е., тѣмъ скорѣе онъ приближается къ мгновению, которому могъ бы сказать „остановись“!.. Какимъ угодно именемъ называйте принципъ міровой жизни!.. Не въ названіи тутъ дѣло, а въ вѣрѣ, приближающейся къ знанію, что Онъ есть, бываетъ. И вотъ, когда я, вѣруя, знаю, что этотъ принципъ существуетъ, тогда мое „хотѣнье“ я не отдѣляю отъ направленія, даннаго имъ. Тогда свою волю я рассматриваю подъ угломъ зрѣнія его воли, другими словами, даю собственной волѣ твердую почву...

„Хотѣнье“ Подростка мы называемъ „идеей“ *безпочвенной воли*, какъ не вытекающее и не основывающееся на Мировой Волѣ, слѣдовательно не имѣющее настоящаго критерія самого себя. Отсюда, на примѣръ, такое желаніе, какъ „отказаться даже отъ собственной воли“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ипполитъ (романъ „Идіотъ“).

„Какое мнѣ дѣло, воскликнулъ однажды „подпольный человекъ”, до законовъ природы, если мнѣ *почему* либо эти законы не нравятся?.. Они всю жизнь меня обвиняли!.. Житель „подполья” въ сущности такъ и не смогъ объяснить, *почему* именно законы природы его обижали? Онъ не могъ вслѣдствіе своей хаотичности указать наиболѣе важнаго и основного жизненнаго центра собственной личности, который былъ бы оскорбленъ столь ненавистными для него законами природы, а потому ограничился только отрицаніемъ ихъ. Этотъ „центръ” былъ найденъ Ипполитомъ, однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ великаго произведенія Достоевскаго „Идіотъ”.

Однажды Ипполиту, уже больному, почти умирающему отъ чахотки, пришлось увидѣть картину, которая, по его словамъ, „возбудила у него въ душѣ страшное безпокойство”... „На картинѣ былъ изображенъ Христосъ, только что снятый со креста. Мнѣ кажется, замѣчаетъ Ипполитъ, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста, все еще съ отблескомъ необыкновенной красоты лица; эту красоту они ищутъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ; это въ полномъ видѣ трупъ человекъ, вынесшаго безконечныя муки. Его лицо — это лицо человекъ только что снятаго со креста, т.-е. сохранившее въ себѣ очень много живого, теплаго, и однако-же оно не пощажено нисколько; тутъ одна природа, и во истину таковъ и долженъ быть трупъ человекъ, кто бы онъ ни былъ послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что Христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно и что тѣло его, стало быть, было подчинено закону природы вполнѣ и совершенно. И вотъ, когда смотришь на этотъ трупъ съ страшно разбитымъ ударами лицомъ, покрытымъ вспухшими и окровавленными синяками, тогда невольно приходитъ на душу вопросъ, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ-же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ

ихъ даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни своей, Который воскликнулъ: „Лазарь, гряди вонъ“, и вышелъ умершій... Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, вѣрнѣе сказать, хоть и странно — въ видѣ какой-то громадной машины новѣйшаго устройства, которая бессмысленно захватила раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное существо; такое существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого существа! . Картиною этого какъ-будто именно выражается это понятіе о темной, *наглой* и бессмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено“.

Итакъ Инполитомъ уже найденъ „центр“, наиболѣе оскорбленный законами природы. Этотъ „центр“, какъ мы можемъ судить изъ неясныхъ словъ, раскиданныхъ въ романѣ, *питалъ* Инполита, поддерживалъ въ немъ выгоравшую силу жизни, удалялъ отчаяніе, однимъ словомъ, былъ „духомъ“ души его, и вдругъ оказалось по внимательномъ разсмотрѣніи, что законы природы, столь возмущающіе свободу человѣка, распространили свою наглость и на Того, Кто сотворилъ эти законы.. Есть отъ чего съ ума сойти человѣку, который до сихъ поръ держался только „центромъ“ своимъ, находя въ немъ источникъ утѣшенія въ обидахъ, нанесенныхъ ему природой!.. И вотъ мы слышимъ отчаянный вопль: „нельзя оставаться въ жизни, которая принимаетъ такія странныя, обижаящія формы“!.. Тогда, что же дѣлать? Убить себя!.. *Таннимъ* путемъ явилась „идея воли“ и у Инполита. И онъ „въ конецъ уходитъ въ свою „идею“ защищая ее въ длинномъ „объясненіи“, которое, какъ своеобразное завѣщаніе, оставляетъ послѣ себя человѣку. „Для чего мнѣ ваша природа, читаемъ мы въ этомъ объясненіи, вашъ паркъ, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольныя лица, когда весь этотъ пиръ, которому нѣтъ конца, началъ съ того, что одного меня счелъ за лишняго? Что мнѣ во всей этой красотѣ, когда я каждую минуту, каждую секунду долженъ и принужденъ теперь знать, что вотъ даже эта крошечная мушка, которая жужжитъ

теперь около меня въ солнечномъ лучѣ, и та даже во всемъ пирѣ и хорѣ участница, мѣсто свое знаетъ, любитъ его и счастлива, а я одинъ выкидышъ, и только по малодушію моему до сихъ поръ не хотѣлъ понять это!.. Отъ меня требуютъ смиренія... Конечно, смиреніе есть громадная сила, хотя и въ томъ смыслѣ, въ какомъ религія принимаетъ смиреніе за силу... Религія... Вѣчную жизнь я допускаю и, можетъ быть, всегда допускалъ. Пусть зажжено сознание волею высшей силы, пусть оно оглянулось на міръ и сказало: „я есмь!“, и пусть ему вдругъ предписано этою вышею силою уничтожиться, потому что тамъ такъ для чего-то и даже безъ объясненія для чего, это надо, пусть, я все это допускаю, но опять-таки вѣчный вопросъ: для чего при этомъ понадобилось смиреніе мое? Неужели нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло? Неужели тамъ и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь обидится тѣмъ, что я хочу прикончить себя и не желаю подождать двухъ недѣль?.. Кто и за что меня *послѣ этого* будетъ судить?.. Я не признаю судей надъ собою и знаю, что я теперь внѣ всякой власти суда!..“ Ипполитъ хочетъ убить себя за двѣ недѣли передъ вѣрной смертью. Что онъ стремится показать въ этомъ актѣ убійства самого себя?.. — *Свою* волю, ея „хотѣнье“, свободу, оскорбленныя „наглыми“ законами природы. Своимъ самоубійствомъ Ипполитъ хочетъ стать выше этой „безсмысленной“ по отношенію къ нему природы. Онъ, хоть на мгновенье, желаетъ надъ нею посмѣяться, какъ и она посмѣялась надъ нимъ, лишивъ его участія въ „земномъ пирѣ“. Всматриваясь въ „идею“ Ипполита, мы видимъ въ ней, какъ и въ „идеѣ“ Подростка, одну лишь „безпочвенность“, „безсильность“, которыя, между прочимъ, проявились и въ томъ, что ни тотъ, ни другой не осуществили ее, почувствовавъ, что даже приближеніе къ этому не дастъ имъ желаннаго счастья.

Ипполитъ слишкомъ вознесся съ личной свободой, слишкомъ высоко возмнилъ о ней, сдѣлавъ ее новымъ „центромъ“ собственной личности взамѣнъ утеряннаго, къ которому въ дѣйствительности не могъ лишь стать въ должное отношеніе. По этому „идея“ его, какъ и „идея“ Подростка есть также „мысль безпочвенной воли“. Она не захватывала всего его

существа, не удовлетворяла всѣхъ его стремленій, односторонне развивая одни въ ущербъ другимъ... Ипполитъ забыть, упустилъ изъ виду *смысла* страданій Христа, тотъ смыслъ, на который не могли повліять никакіе законы природы. Христосъ пострадалъ за людей, осуществивъ заповѣдь о любви, которую далъ. Въ моментъ своихъ страданій центромъ всей жизни былъ уже не Онъ, а Его реализировавшаяся любовь къ человѣку, противъ которой законы природы явились совершенно безсильными. Ипполитъ, умирая, *себя* сдѣлалъ центромъ жизни, на *себя* какъ-бы сосредоточилъ все ея вниманіе, захотѣвъ „безъ смысла“ стать выше той жизни, которая, въ сущности говоря, „находилась съ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, „какъ и со всѣми прочими людьми. Поэтому „идея“ Ипполита, сколько была „идеей безпочвенной воли“, столько же и воли *безсмысленной*, ибо вытекала изъ непониманія *смысла* всей міровой жизни...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кирилловъ (романъ „Бѣсы“).

„Я не признаю суда надъ собой“, говоритъ Ипполитъ, защищая право на свое самоубійство, видя въ послѣднемъ превозношеніе собственной личности надъ унижающими его законами природы. Въ этихъ словахъ Ипполита сказала одна глубокая мысль, не нашедшая, впрочемъ, еще яснаго выраженія въ его „объясненіи“. — Если я не признаю суда надъ собою, то, слѣдовательно, я выше этого суда. Но, какого именно суда я не признаю? Конечно — нравственнаго, учредителемъ котораго является Божество. Итакъ, я не признаю власти Божества, кстати сказать, униженнаго законами природы... Да, и какъ я могу признавать и преклоняться предъ Божествомъ, когда я возвышаюсь надъ законами природы, посмѣявшимися надъ Творцомъ ихъ!.. — „Я помню, что тутъ что-то о Богѣ... Вѣдь вы разъ мнѣ объясняли, даже два раза. Если вы застрѣлитесь, то вы станете богомъ, кажется; такъ?“ — Да я стану богомъ. — Петръ Степановичъ даже не улыбнулся, онъ ждалъ. Кирилловъ тонко посмотрѣлъ на него. — Ты не понимаешь,

сказалъ онъ. Если нѣтъ Бога, то я богъ. — „Вотъ я никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы богъ?“ — Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие. — „Своеволие? А почему обязаны?“ — Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планетѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволие, не осмѣлится заявить своеволие въ самомъ полномъ пунктѣ?.. Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволия—это убить себя самого... Я обязанъ также невѣріе заявить!.. Для меня нѣтъ выше идеи—что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ, что выдумывалъ Бога, чтобы жить не убивая себя; въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первой разъ выдумывать Бога. Пусть узнаютъ разъ навсегда. — „Кому узнавать-то?“... „Всѣмъ узнавать, всѣ узнаютъ... Ничего нѣтъ тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ. Вотъ Онъ сказалъ. И Кирилловъ съ лихорадочнымъ восторгомъ указомъ на образъ Спасителя, предъ которымъ горѣла лампада. — „Въ Него-то, стало-быть, все еще вѣруете и лампаду зажгли?.. Ужъ не на „всякій-ли случай? Знаете что, по моему, вы вѣруете, пожалуй, еще больше пона“. — Въ кого? Въ *Него*? Слушай, остановился Кирилловъ; неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря передъ собой, Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ рай“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдалось сказанное. Слушай: Этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка — одно сумасшествіе... А, если такъ, если законы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое-же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало-быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ!.. Для чего-же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ... — Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется, у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну если вы богъ? Если

кончилась ложь, и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Богъ“. — Наконецъ-то ты понялъ!.. вскричалъ Кирилловъ съ восторгомъ. Понимаешь теперь, что все спасеніе для всѣхъ доказать эту мысль. Кто докажетъ? Я! Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ-же? Сознать, что нѣтъ Бога и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ богомъ сталъ, есть нелѣпость, иначе непременно убьешь себя самъ. Если сознаешь, ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ, кто первый, долженъ убить себя самъ непременно, чтобы начать и доказать.. Я сдѣлаю это! Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволіе... Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятіе человѣка!. Но я заявлю своеволіе, я обязанъ увѣрять, что не вѣрую... Своеволіе!. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою!“...

Замѣчательно-логическое развитіе „идеи безпочвенной воли“! Подростокъ, Ипполитъ своими „хотѣньями“ и „дѣянiями“ уже предполагали и носили въ себѣ всѣ идеи Кириллова, высказанныя послѣднимъ въ только что приведенныхъ словахъ съ такою необычайною яркостью и выпуклостью того, къ чему можетъ придти человѣкъ, оторвавшійся отъ неба и потянувшій за свои волосы самъ себя вверхъ. Уже готовясь къ самоубійству, Кирилловъ торопитъ Петра Верховенскаго поскорѣе писать извѣстный документъ, по которому онъ принимаетъ на себя всѣ злодѣяніе послѣдняго. „Диктуй, пока мнѣ *смѣшно*“,— говоритъ Кирилловъ Верховенскому. — Почему *смѣшно*? — „Богъ необходимъ, — заявляетъ Кирилловъ, — а потому долженъ быть“. — Ну, и прекрасно!.. — „Но я знаю, что Его нѣтъ и не можетъ быть“. — Это вѣрно. — „Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ такими *двумя* мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?“... — ...Любите жизнь? — „Да, люблю и жизнь, а что?“... — Если рѣшились застрѣлиться... — „Что-же? Почему вмѣстѣ?.. Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ“... — Вы стали вѣрять въ будущую вѣчную жизнь?—

„Нѣтъ, не въ будущую, а въ здѣшнюю“... — А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и безчеститъ дѣвочку это хорошо? — „Все хорошо и все хороши, кто научитъ, что все хороши, тотъ міръ закончить“. — Кто училъ, Того распяли. — „Онъ придетъ и имя ему будетъ человѣкобогъ“. — Богочеловѣкъ? — Человѣкобогъ, въ этомъ разница“... — Ужъ не вы ли и лампадку зажигаете? — „Да, это я зажегъ“. — Увѣровали? — „Старуха любитъ, чтобъ лампадку... ей сегодня некогда“, *пробормоталъ* Кирилловъ. — А сами еще не молились? — „Я всему молюсь!“...

„Записки изъ подполья“ съ первой до послѣдней страницы пропитаны *смѣхомъ*. Вамъ положительно кажется, что „подпольный человѣкъ“ сидитъ въ своемъ углу и смѣется, смѣется длиннымъ, долгенькимъ бессильно-злымъ смѣхомъ, въ которомъ одно ясно проглядываетъ: насмѣшка надъ своимъ *сознательнымъ* бессиліемъ, надъ своей философіей“... Раскольникову снится сонъ. Онъ изо-всей силы бьетъ старушонку по темени, а она смѣется подъ его ударами, „такъ и заливадается такимъ, неслышимъ смѣхомъ, такъ вся и колыхается отъ хохота“... — Знаете что, говоритъ Ставрогинъ, я точно заряженъ смѣхомъ“... — Въ Версиловѣ есть что-то смѣшное, говорятъ о немъ другіе. Иванъ Карамазовъ по временамъ „чувствуетъ приступъ неудержимаго смѣха“. Кириллову предъ самую смертью смѣшно... Замѣчательно, что *смѣхъ* овладѣваетъ всѣми этими лицами въ моментъ наиболѣе важнѣйшій для нихъ, въ тотъ моментъ, когда они подходятъ къ цѣли, преслѣдуемой ими всю жизнь!... Почему именно *тогда* имъ *смѣшно*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать намъ личность самого Кириллова. Кириллову *смѣшно* потому, что онъ въ концѣ концовъ сознаетъ свое невѣріе въ „выдуманную идею“, видитъ ея *безпочвенность*, необыкновенную *глупость*. Онъ сознаетъ все это *безсознательно* („многое человѣкъ можетъ знать безсознательно“, по слову Достоевскаго), постигаетъ это своимъ „метафизическимъ существомъ“, которое онъ хочетъ убить, а „оно колыхается, такъ и заливадается хохотомъ“.

Кирилловъ, по выраженію Петра Верховенскаго, „на всякій случай“ лампадку зажигаетъ предъ образомъ, а когда

Ставрогинъ дѣлаетъ ему замѣчаніе по поводу той-же лампадки, то Кирилловъ „*бормочетъ*“... Помните, Смердяковъ *пролеталъ*, выразивъ въ своемъ лепетѣ паденіе всего доселѣ бывшаго у него душевнаго строя?... Кирилловъ теперь *бормочетъ*, тѣмъ самымъ обнаруживая предъ нами всю слабость и негодность своего „обожествляющаго безволія“.

„Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ, говоритъ Кирилловъ, — я не могу о другомъ думать... Я всю жизнь объ одномъ. *Меня Богъ всю жизнь мучилъ*.“

„Достоевскій, говоритъ Вольнскій ¹⁾, — подчеркиваетъ, что эти слова Кирилловъ произнесъ „съ удивительной экспансивностью“. Это маниакъ Бога, хотя онъ отрицаетъ Бога и считаетъ себя первымъ апостоломъ челоѣкобога... Богъ живетъ въ его ощущеніяхъ и всѣ муки его происходятъ только отъ того, что онъ переживаетъ разладъ между реальными внутренними ощущеніями, сильными, кричащими, рвущимися къ свѣту, и химерической логикой, которая не можетъ обнять этихъ ощущеній... Кирилловъ потому такъ проповѣдуетъ безбожіе, что людямъ кажется, что онъ проповѣдуетъ Бога. „Алексѣй Нилычъ, говоритъ о немъ Федька Каторжннй Верховенскому, будучи философомъ, тебѣ истиннаго Бога, Творца Создателя, многократно объяснялъ и о сотвореніи міра, равно и будущихъ судебъ и преображенія всякой твари и всякаго звѣря изъ книги Апокалипсисъ“. „Бьюсь объ закладъ, говоритъ Ставрогинъ Кириллову, что когда я опять приду къ вамъ, то вы уже и въ Бога увѣруете“.

Идея „хотѣнья“, „идея безпощадной воли“ съ особенною яркостью, какъ можно было видѣть, проявилась у Кириллова. Здѣсь эта „идея“ дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ; она обожествила челоѣка, поднявъ его на такую высоту, гдѣ онъ, съ одной стороны, увидѣлъ себя страшно одинокимъ и несчастнымъ, до того несчастнымъ, что ему оставалось только покончить съ собой, а съ другой — почувствовалъ дыханіе неба, которое отвергнулъ единственно лишь для того, чтобы за-

¹⁾ „Книга великаго гнѣва“, стр. 91, 2.

явить „своеволие“, чтобы узнать, до чего можетъ дойти человекъ *самъ по себѣ*, безъ всякихъ „авторитетовъ“.

Если въ лицѣ Ивана Карамазова человекъ долженъ былъ признать безсиліе своего разума устроить земную жизнь исключительно по законамъ этого разума, то Кирилловъ своею личностью показалъ, что и „одностороннее“ развитіе человеческой воли, ея стремленіе разобраться въ окружающей жизни собственными силами, приводитъ лишь къ одному отрицанію этой-же воли въ ея существенныхъ жизненныхъ проявленіяхъ. Какъ разумъ, такъ и воля должны на *чемъ-то* расти, чтобы вырости и дать плодъ...

ЧАСТЬ IV-я.

„МУЧЕНИКИ СЕРДЦА СВОЕГО“.

„Въ красотѣ два берега сходятся...
Красота — страшная вещь“...
„Братья Карамазовы“.

Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Князь Мышкинъ (ром. „Идіотъ“).

„Будете, какъ боги!“...

Когда присматриваешься къ мало-мальски оригинальнымъ людямъ вокругъ тебя, когда съ птичьяго полета глянешь на всемірную исторію и зеркало ея — литературу, то невольно замѣчаешь, невольно поражаешься, видя, что въ „метафизической дѣйствительности“ человѣкъ двигается исключительно этимъ великимъ, по своей страшной внутренней противоположности, принципомъ и своеобразнымъ обѣщаніемъ: „будете, какъ боги!“... Самое притягательное въ этой „заповѣди“ это именно то, что она говоритъ о возможности *собственными* силами быть „богомъ“, собственными усилиями достигъ извѣстнаго приближенія къ самообожествленію и соединеннаго съ нимъ „блаженствованія“ на землѣ.

Намъ кажется, что вся человѣческая исторія можетъ потому служить великолѣпнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ свободы воли человѣка... Выискивать всевозможныя средства, изоцряться въ дивныхъ построеніяхъ ума, выдумывать своеобразныя и оригинальныя „усиленія“ своихъ чувствъ и чувствованій — все это можетъ дѣлать лишь тотъ человѣкъ, то существо, которое, обладая свободнымъ независимымъ духомъ, положило въ основаніе своего жизненнаго процесса са-

мостоятельное осуществленіе *принципа-заповѣди*: „будете, какъ боги“... Конечно, всегда былъ, есть и будетъ другой путь къ „самообожествленію“. Этотъ путь установленъ Самимъ Божествомъ, „Имже вся быша“... Но шествіе по такой „дорогѣ“ возможно лишь при соблюденіи цѣлаго ряда заповѣдей, въ которыхъ человѣчество всегда видѣло стѣсненіе своей свободы въ ея полномъ объемѣ. Тамъ одна лишь заповѣдь: „будете, какъ боги“, если сдѣлаете *пріятное* для себя... *Здѣсь* много заповѣдей, за исполненіе которыхъ *пріятное* обѣщается лишь въ будущемъ... Можетъ быть, *его* и нѣтъ на самомъ дѣлѣ...

Человѣкъ — это тайна, и, если бы мы лучше знали непремѣнное бытіе въ немъ этой тайны, то, навѣрное, были бы гораздо поскромнѣе въ своихъ „научныхъ изысканіяхъ“, такъ называемыхъ, анализахъ. И самая большая тайна въ человѣкѣ — всегда приводитъ этого человѣка къ *тому* именно Божеству, которымъ „вся быша“, и безъ котораго „ничтоже бысть“. Отсюда главная цѣль всей человѣческой жизни придти и достичь „гармоніи“ личности. Эта цѣль громаднымъ большинствомъ человѣчества осуществляется совершенно инстинктивно, бессознательно, ибо въ приближеніи къ *такой* цѣли лежитъ смыслъ всего нашего земного существованія. Религія даетъ и указываетъ самый лучший и вѣрный путь къ такой гармоніи духа. Однако этотъ путь слишкомъ узокъ для человѣка, который, по замѣчанію Достоевскаго, „страшно широкъ“. Слишкомъ приходится на немъ человѣку „урѣзывать“ себя, т.-е. свою гордую волю, свое самолюбіе, свое я, которому когда-то было сказано: „можешь самостоятельно угодиться Божеству“, т.-е. можешь найти *свою* дорогу къ столь необходимой для тебя „гармоніи духа“.

Въ чемъ-же теперь должна состоять эта „самостоятельная дорога“? По какимъ „мѣстамъ“ должна идти?... Предъ человѣкомъ, задумавшимся надъ этимъ вопросомъ, постепенно выступаютъ умъ его, воля и сердце, предлагая свои услуги въ качествѣ „путеводителя“. Всѣ они выступаютъ теперь не связанные другъ съ другомъ, а, слѣдовательно, и *всѣ* выступающіе на своемъ революціонномъ знамени великій и захва-

тывающій духъ принципъ: „все позволено!“... Гармонія *изъ* не допускаетъ этого принципа; дисгармонія-же наоборотъ. И вотъ человѣкъ, восхищенный возможностью самостоятельно придти къ какой-то грезящейся вдали „гармоніи“, заключаетъ союзъ съ однимъ изъ „соблазнитель“, возвѣщающимъ ему „позволеніе всего“ и... самообожествленіе.

Мы не можемъ не выразить своего изумленнаго благоговѣнія предъ гениемъ Достоевскаго. Чѣмъ старательнѣе его изучаешь, тѣмъ все больше открываешь тайную, можетъ быть, даже и для него самого скрытую цѣль личнаго творчества, а именно: показанія, что человѣку не дано придти къ „царствію Божьему“ (въ самомъ широкомъ смыслѣ даннаго слова), развивая до самыхъ крайнихъ предѣловъ какую-либо *одну* изъ сторонъ своего духа.

Въ лицѣ Ивана Карамазова и Кириллова разумъ и воля, какъ бы посмѣялись надъ самими собой, въ конецъ истощивъ свои силы. Они признали свою полнѣйшую беспомощность быть нужными „путеводителями“ человѣку... Можетъ быть, тогда сердце способно на это „водительство?“ Какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, нашъ великій писатель создаетъ новую галерею типовъ, во главѣ которой мы поставимъ интереснѣйшую личность князя Мышкина.

Сердце имѣетъ свои законы, свой центръ и особый критерій. Оно полно самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ и чувствованій, которыя въ сущности, не обращая вниманія на ихъ характеръ, имѣютъ *равное* право на существованіе, имѣютъ уже тѣмъ, что они есть... Однако въ дѣйствительности мы видимъ, что часто одни наши чувствованія приносятся въ жертву другимъ и именно тѣмъ, которыя мы считаемъ лучшими. Такое „жертвоприношеніе“ у мѣста лишь тогда, когда наша личность находится на пути къ гармоническому воссоединенію и взаимному проникновенію одной стороны своего духа другой, когда „недостающее“ въ разумѣ пополняется „достающимъ“ въ сердцѣ, и наоборотъ; когда, наконецъ, воля является съ разумно-сердечной душой, а не съ однимъ лишь беспочвеннымъ своеволіемъ. Если указаннаго соотношенія духовныхъ сторонъ нашего существа нѣтъ, тогда

въ области, напимѣрь, сердца господствуютъ самыя противорѣчивыя, по своему основанію, чувствованія и настроенія, которыя, повторяемъ, имѣютъ вполнѣ равное право на бытіе и существованіе. Вотъ я нахожусь предъ Мадонной Рафаэля. Чувства религіознаго благоговѣнія охватываютъ меня. Я испытываю восторгъ предъ тѣмъ дивнымъ художественнымъ воплощеніемъ идеала, который вижу въ настоящее время предъ собою. Мнѣ не хочется говорить, думать, — я только созерцаю и въ своемъ созерцаніи все больше и больше проникаюсь тѣми высокими чувствованіями, которыми былъ полонъ и самъ творецъ великаго произведенія... Оставляю Мадонну, прохожу нѣсколько комнатъ дрезденской галлерей и... въ изумленіи предъ картиной Микель Анджело „Леда и лебедь“. Какое дивное сочетаніе красокъ, какая экспрессія, какая чудная „тонкость“ линий! Какая сила земного чувства страстной любви разлита на картинѣ!... Какъ страстно и человѣчески полно живетъ Леда!... Совершенно забыта Мадонна!... Цѣлый рой новыхъ чувствованій, грѣшныхъ, по сравненіи съ первыми, овладѣлъ мною, всѣмъ моимъ существомъ. Они съ страшною силою заявляютъ свое право на бытіе... И тогда, если разуму и волѣ у меня „все позволено“, тогда и сердце мое становится вопросомъ и требованіемъ *ему* „все дозволить“, допустить *всѣ* его чувствованія... Обыкновенно подобныя „вопросъ“ и „требованіе“ удовлетворительно разрѣшаются.

Однако, если разуму на его принципъ „все дозволено“ даетъ право собственная, взятая сама по себѣ логика, а волѣ—миражъ личнаго свободнаго самообожествленія, то, что въ сущности вещей даетъ подобное право сердцу?... Другими словами, какимъ особымъ синтетическимъ, такъ сказать, чувствованіемъ руководясь, оно возвѣщаетъ, что и ему „все дозволено?“ Созерцаніе Мадонны и Леды въ одинаковой степени удовлетворяетъ меня въ области *красоты*, только, какъ таковой, т.-е. безъ отношенія ея къ какимъ-либо заповѣдямъ нравственности, имѣющимъ мѣсто лишь при всесторонней жизни нашего духовнаго существа. *Красота* есть та область, которой освящаются, въ которой синтезируются самыя противоположныя чувствованія человѣческаго сердца. *Красота*,

красивость есть именно тотъ путь, которымъ сердце *самостоятельно* стремится придти къ столь желанной божеской гармоніи... „Красоту трудно судить, задумчиво говоритъ князь Мышкинъ, красота загадка...“ — „Красота — страшная вещь! восклицаетъ инѣ себя Дмитрій Карамазовъ. *Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ!*..“ Вотъ вамъ самое яркое и реальное выраженіе доселѣ высказанныхъ нами мыслей о синтезѣ въ области сердца.

Личность князя Мышкина всецѣло опредѣляется его любовью къ Аглаѣ и Настасьѣ Филипповнѣ. Въ этой любви онъ весь предъ нами съ головы до ногъ, ибо въ этой именно „двойной“ любви князь искалъ столь необходимой для него гармоніи духа, искалъ разрѣшенія загадочнаго вопроса о красотѣ, которой принципиально руководился въ продолженіи всей своей жизни. Только потому, что „Идіотъ“ былъ въ высшей степени *сердеченъ*, онъ остановился на пути „красивости“, какъ на такомъ пути, который, по его убѣжденію, могъ бы привести къ душевной гармоніи. Всѣ мысли князя Мышкина, всѣ поступки и желанія, въ силу его исключительной жизни сердца, проникнуты удивительною сердечностью. Вы не видите у него собственно ума, воли, но только вездѣ наблюдаете сердечный умъ, сердечную волю и лишь *такимъ* его качествомъ необходимо объяснить весь идиотизмъ князя Мышкина. Этимъ идиотизмомъ Достоевскій какъ бы хотѣлъ показать, чѣмъ кончается самостоятельный путь сердца, стремящагося къ „позволенію всего“ въ своей области. Стремилось оно „быть богомъ“ и пришло къ „оригинальному“ отрицанію своего бытія, т.-е. въ данномъ случаѣ къ идиотизму.

Но проанализируемъ „любовь“ князя Мышкина для того, чтобы наше представленіе о немъ не оставалось голословнымъ и бездоказательнымъ. „Что вы дѣлаете надъ собой князь? въ испугѣ вскричалъ Евгений Павловичъ, стало быть вы женитесь на Настасьѣ Филипповнѣ съ какого-то страху? Тутъ понять ничего нельзя... Вѣдь она, по вашимъ словамъ, сумасшедшая!.. Можетъ быть вы и не любите ее?..“ — О, нѣтъ, я люблю ее всей душой! Вѣдь это... дитя; теперь она дитя, совсѣмъ дитя!.. О, вы ничего не знаете! — „И въ то же время увѣряли въ сво-

ей любви Аглаю Ивановну?“ — О, да, да!.. — „Какъ-же?! Стало быть обѣихъ хотите любить?“ — О, да, да!..

Мы знаемъ, что князь и дѣйствительно обѣихъ любилъ. Что же это за „любви“ были? „Хотите, говоритъ князю Мышкину Евгений Павловичъ, я любовь вашу къ Настасьѣ Филипповнѣ по пальцамъ разберу. Вы, юноша, жаждали въ Швейцаріи родины, стремились въ Россію, какъ въ страну невѣдомую, но обѣтованную; прочли много книгъ о Россіи, книгъ, можетъ быть, превосходныхъ, но для васъ вредныхъ; явились съ первымъ пыломъ жажды дѣятельности, такъ сказать, набросились на дѣятельность! И вотъ, въ тотъ же день вамъ передаютъ грустную и поднимающую сердце исторію объ обиженной женщинѣ! Въ тотъ же день вы видите эту женщину; вы околдованы ея красотой, фантастическою, демонскою красотой. Прибавьте нервы, прибавьте вашу надучую, прибавьте нашу петербургскую, потрясающую нервы погоду; прибавьте весь этотъ день въ незнакомомъ и почти фантастическомъ для васъ городѣ, день встрѣчъ и сценъ, день неожиданныхъ знакомствъ, день самой неожиданной дѣйствительности, день трехъ красавицъ Епанчиныхъ и въ ихъ числѣ Аглаю; прибавьте усталость, головокруженіе; прибавьте гостинную Настасьи Филипповны и тонъ этой гостинной, въ которой вы вдругъ сдѣлали предложеніе Настасьѣ Филипповнѣ, и... чего же вы могли ожидать отъ себя самого въ ту минуту?“ — Да, да; да, да, качаль головою князь, начиная краснѣть, да, это *почти* (значитъ, на самомъ-то дѣлѣ—нѣтъ), что вѣдь такъ... — „Ну, конечно, продолжалъ горячася Евгений Павловичъ: ясное дѣло, что вы, такъ сказать, въ уное-ннн восторга набросились на возможность заявить публично великодушную мысль, что вы, родовой князь и чистый человѣкъ, не считаете безчестною женщину, опозоренную не по ея винѣ, а по винѣ отвратительнаго, великосвѣтскаго развратника. О, Господи, да вѣдь это понятно!.. Но не въ томъ дѣло, милый князь, а въ томъ — была-ли тутъ правда, была-ли истина въ вашемъ чувствѣ, *была-ли натура*, или одинъ только головной восторгъ?..“ — Да, все это... *можетъ* быть (а, можетъ быть, здѣсь и *натура* была?..); *можетъ быть*, вы и правы... (а можетъ и нѣтъ?) — забормоталъ князь, — но... — „Состраданія

достойна? Это хотите сказать?.. (напрасно собесѣдникъ князя прерываетъ его). Но ради состраданія къ *этой* вы унизили высокую и чистую дѣвушку... Да до чего же послѣ этого будетъ доходить состраданіе?.. Да развѣ можно, любя дѣвушку, такъ унижить ее предъ ея же соперницей?.. Позвольте васъ спросить, князь, послѣ этого вы честный-ли человѣкъ?.. И... и развѣ вы не обманули божественную дѣвушку, увѣривъ, что любили ее?..“ — Да, да, вы правы, ахъ, я чувствую, что виновать! — проговорилъ князь въ невыразимой тоскѣ. *Однако* все-таки Евгений Павловичъ — это *не то*, не *это*. (Что-же?..) Видите, я вижу, что вы, кажется, всего *не знаете* (правильнѣе было бы—*не понимаете*)... Миѣ нужно поговорить съ Аглаей Ивановной. Почему меня пускаютъ къ ней?.. Она *пойметъ*, она *пойметъ*! бормоталъ князь, складывая въ мольбѣ свои руки: она *пойметъ*, что все это не *то*, а совершенно *другое* (т.-е. не „головной“ восторгъ). — „Какъ совершенно другое?... Вѣдь вы все-таки женитесь?..“ — Ну, да... женюсь, да, женюсь!.. — „Такъ какъ же не то?“ — О нѣтъ, не то, не то!... „Ты знаешь, Паренъ, — говоритъ князь Рогожину въ другомъ мѣстѣ романа, — я Настасью Филипповну не любовью люблю, а жалостью“...

Русская критика, начиная съ первыхъ статей о романѣ „Идіотъ“, и кончая вышеупомянутымъ трудомъ Мережковскаго, останавливаясь на *этой* „любви“ князя Мышкина, характеризуетъ и видитъ въ послѣдней *только* одну христіанскую *жалость*. „Вся любовь князя къ Настасьѣ Филипповнѣ, пишетъ О. Миллеръ ¹⁾, есть не болѣе, какъ жалость. Ему жалко ее, потому что она много вынесла, жалко, что ее хотятъ сдать на руки человѣку, который посредствомъ брака съ ней хочетъ поправить свое состояніе. (Князь *этого* даже и не зналъ, не понималъ). „Его любовь къ Настасьѣ Филипповнѣ, говоритъ Мережковскій о князѣ ²⁾, — есть чистѣйшимъ огнемъ пламенѣющая христіанская жалость, безконечное самопожертвованіе; онъ любитъ ее только въ духѣ (?!).“

¹⁾ В. Зелинскій, „Критич. коммент.“, часть II, стр. 2.

²⁾ „Толстой и Достоевскій“, т. II, стр. 309.

Съ такимъ объясненіемъ отношенія князя Мышкина къ Настасьѣ Филипповнѣ мы согласны только отчасти. По нашему мнѣнію, князь любилъ Настасью Филипповну такъ, какъ всякій мужчина любитъ понравившуюся ему женщину. Не отрицаемъ факта и *жалости* въ этой любви, находя объясненіе ей въ томъ, что князь въ Настасьѣ Филипповнѣ жалѣлъ самого себя, свою „недодѣланность“, „беспорядочность“ своего духа и стремленіе къ „устройству“ его, однимъ словомъ, все то, что было въ одинаковой степени у него и у любимой имъ женщины. Князь прекрасно потому „постигалъ“, что такая женщина не исцѣлитъ его, и все-таки тянулся къ ней, какъ къ пропасти, любя ее настоящею человѣческою любовью. Но постараемся подтвердить нашу мысль. Настасья Филипповна чрезвычайно поразила князя еще до личной встрѣчи съ нимъ. „Онъ былъ *смущенъ* въ душѣ, *растерялся*, когда только увидалъ ея фотографію“. Спустя нѣсколько времени, князь находитъ фотографію Настасьи Филипповны на столѣ у Епанчина и, „быстро оглядѣвшись вокругъ“ (очень характерна здѣсь *быстрота*) *цѣлуетъ* ее. Изъ жалости? „*Такую* красоту, говоритъ съ *усиліемъ* немного ниже князь Мышкинъ, я цѣню, красоту, въ которой много страданія“. „Красоту трудно судить, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, красота загадка“. — Почему? — „Потому что, продолжаетъ за князя Дмитрій Карамазовъ, въ красотѣ два берега сходятся... Здѣсь... Содомъ и Мадонна“...

Такую красоту князь цѣнить. Изъ „жалости?“... Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Настасью Филипповну, то „ужасно растерялся“. Начавъ же свой разговоръ съ ней, онъ вдругъ говоритъ: „Я ваши глаза гдѣ-то видѣлъ“. — „На портретѣ?“ — Нѣтъ, и *еще*... Я васъ такую и *воображалъ*“... Если бы чувство князя къ Настасьѣ Филипповнѣ ограничивалось *только* жалостью, то скажите, пожалуйста, зачѣмъ ему нужно было при видѣ ея „превратиться въ столбъ?... Вѣдь это *психологически* невозможно. А потомъ, гдѣ это князь „*еще*“ видѣлъ глаза Настасьи Филипповны? Не въ мечтахъ-ли о женщинѣ, которую могъ бы полюбить, какъ человѣкъ?

Однажды, послѣ исповѣди Ишолита, такъ глубоко затро-

нувшей „тайная“ души князя, послѣдній въ весьма удрученномъ состояніи духа, поглощенный какою-то мыслью о прошломъ, отправился въ садъ и тамъ... вспомнилъ. „Это было въ Швейцаріи, въ первый годъ его лѣченія. Тогда онъ еще былъ совсѣмъ, какъ идиотъ, даже говорить не умѣлъ хорошо, понимать иногда не могъ, чего отъ него требуютъ. Онъ разъ зашелъ въ горы, въ ясный солнечный день, и долго ходилъ съ одною мучительною, но никакъ не воплощавшеюся мыслью. Предъ нимъ было блестящее небо, внизу озеро, кругомъ горизонтъ свѣтлый и безконечный, которому конца края нѣтъ. Онъ долго смотрѣлъ и терзался. Ему вспомнилось теперь, какъ простиралъ онъ руки свои въ эту свѣтлую безконечную синеву и плакалъ. Мучило его то, что всему этому онъ совсѣмъ чужой. Чтò-же это за ниръ, чтò-же это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца, и *къ которому тянетъ его давно*, всегда, съ самаго дѣтства, и къ которому онъ никакъ не можетъ пристать? Каждое утро восходитъ такое же свѣтлое солнце; каждое утро на водопадѣ радуга, каждый вечеръ снѣговая, самая высокая гора, тамъ вдали, на краю неба, горитъ пурпуровымъ пламенемъ; каждая „маленькая мушка, которая жужжитъ около него въ горячемъ солнечномъ лучѣ, во всемъ этомъ хорѣ участница: „мѣсто знаетъ свое, любить его и счастлива; каждая-то травка растеть и счастлива! И у всего свой путь, и все съ пѣснью отходить и съ пѣснью приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ни людей, ни звуковъ, всему чужой и выкидышъ“...

И вотъ, скажемъ мы, *тогда-то*, среди этихъ мученій о жизни, среди этой страстной жажды жизни, не носились-ли предъ княземъ „глаза“, отчасти похожіе и на глаза его самого, полныя знакомаго страданія?... Эти чудныя глаза такъ много давали ему... Они приносили ему любовь, силу, бодрили его... Теперь онъ встрѣтилъ обладательницу этихъ глазъ и... *цѣловалъ* портретъ ея, *растерялся* въ присутствіи ея, и, отправившись къ ней въ домъ незваннымъ гостемъ, не задумался сдѣлать предложеніе, точно боясь, что уйдутъ, покинутъ его эти глаза, которыхъ онъ *дот-то* раньше видѣлъ... Да, безъ сомнѣнія, не одна лишь христіанская жалость была у князя по отно-

шенію къ Настасѣ Филипповнѣ, нѣтъ, — была и настоящая „людская любовь“, любовь мужчины къ женщинѣ.

Но вотъ еще одинъ фактъ, который вполне ужъ подтвердитъ нашу мысль. Когда Рогожинъ *неожиданно* вдругъ сообщилъ князю, что Настасья Филипповна именно *его*, князя, любить, то послѣдній пришелъ вдругъ въ „чрезвычайное волненіе“. „Все это ревность, Паренъ, все это болѣзнь, все это ты безмѣрно преувеличилъ... *пробормоталъ* (очень характерно) князь въ чрезвычайномъ волненіи... Послѣ этого разговора съ Рогожинымъ, князь пошелъ бродить по улицамъ Петербурга. На душѣ у него было отчаяніе, ужасная тоска. Его мысль вертится около Рогожина. Онъ хочетъ идти къ нему и сказать, что онъ, князь, не „соперникъ“ ему, Рогожину. Затѣмъ мысли князя вдругъ переходятъ къ Настасѣ Филипповнѣ, потомъ опять къ Рогожину. Онъ вдругъ вспоминаетъ предположеніе послѣдняго о любви къ нему Настасьи Филипповны и „мучительно краснѣетъ“, „что-то какъ будто-бы дрогнуло въ его сердцѣ“... Князь чувствуетъ себя „непростительно и безчестно“ виновнымъ предъ Рогожинымъ. Его охватываетъ вдругъ „приливъ стыда и отчаянія“. Тогда онъ начинаетъ говорить себѣ, что „ему, князю, любить страстно эту женщину — почти немислимо, почти было-бы безчеловѣчностью“.

Скажите, зачѣмъ князю приходитъ „въ чрезвычайное волненіе“ при сообщеніи Рогожина, что Настасья Филипповна его любить?... Почему князь чувствуетъ себя *виновнымъ* предъ Рогожинымъ?... Зачѣмъ онъ *увѣряетъ* себя, что эту женщину нельзя страстно любить?

Отвѣтъ одинъ: князь Мышкинъ любитъ Настасью Филипповну, какъ настоящій мужчина, какъ живой челоѣкъ, хотя и говоритъ, что „жалѣетъ ее“; но вѣдь *жалость* нисколько не мѣшаетъ любви...

Остановимся теперь вкратцѣ на любви князя Мышкина къ Аглаѣ Епанчиной. Весьма замѣчательно, что Аглая въ первую минуту своего знакомства съ княземъ вовсе не произвела на него такого впечатлѣнія, какъ, на примѣръ, Настасья Филипповна. Въ то время, какъ послѣдняя, можно сказать, почти всецѣло завладѣла мыслями и чувствами князя, Аглая долгое вре-

мя оставалась слишком чуждой ему, да и никогда она не смогла, что называется, поднять бурю въ его душѣ. Ожидая, на примѣръ, ее на свиданіе, онъ засыпаетъ. Однако князь, безъ сомнѣнія, любитъ эту дѣвушку и любитъ, можетъ быть, въ известномъ отношеніи даже сильнѣе, именно — въ смыслѣ гармонической опредѣленности чувства, чѣмъ Настасью Филипповну. Аглая даетъ ему то спокойствіе духа, по которому онъ тоскуетъ, и князь потому иногда чрезвычайно „крѣпко держится ея“. Часто мы читаемъ въ романѣ, что — „при видѣ Аглаи, всѣ тяжелыя мысли „Идіота“ о самомъ себѣ, Настасьѣ Филипповнѣ вдругъ куда-то пропадаютъ. Онъ начинаетъ тогда часто, не отдавая самому себѣ отчета, смѣяться, говорить шутки и приходитъ въ веселое расположеніе духа“. „У него, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ романа, все вылетѣло изъ головы, когда онъ увидалъ предъ собой Аглаю, кромѣ одного того, что предъ нимъ сидитъ она, а онъ на нее глядитъ и думаетъ, что ему все равно, о чемъ бы она ни говорила, главное — присутствіе ея“... Когда Аглая назначаетъ князю любовное свиданіе, онъ вѣ себя отъ восторга. Однако на это свиданіе князь вовсе не смотритъ, какъ на любовное. Ему даже и на мысль не приходитъ о возможности любви „къ такому человѣку, какъ онъ“, этой дѣвушки. Радость его главнымъ образомъ состояла въ томъ, „что завтра онъ опять увидитъ ее, будетъ сидѣть съ нею и глядѣть на нее. *Больше ему ничего и не надо было.* Въ этомъ радостномъ настроеніи онъ встрѣчаетъ Рогожина и говоритъ: „Идемъ ко мнѣ. Я безъ тебя не хочу мою *новую* жизнь встрѣчать, потому что *новая* моя жизнь началась!... Ты не знаешь, Паренъ, что моя *новая* жизнь сегодня началась!“... Наконецъ, уже наканунѣ своей свадьбы съ Настасьей Филипповной, послѣ того какъ ему Епанчины отказали отъ дома, онъ страшно мучится тѣмъ, что не видитъ Аглаи. „Безъ Аглаи..., восклицаетъ съ страданіемъ князь, я не могу!.. Я долженъ ее видѣть... Я... я скоро умру во снѣ; я думалъ, что я нынѣшнюю ночь умру во снѣ. О, если бы Аглая знала *все*... то-есть, непременно *все*! Потому что тутъ узнать *все* нужно!... Это первое дѣло!... Тутъ есть *что-то* такое, чего я не могу объяснить... словъ не имѣю!“...

„Любовь къ Аглаѣ, говоритъ Мережковскій ¹⁾, еще не плоть и кровь, но уже стремленіе къ плоти и крови; онъ любитъ ее не только для нея, но и для себя, какъ свое исцѣленіе, возвращеніе въ жизнь, какъ тотъ свѣтъ сознанія, который долженъ окончательно побѣдить шевелящийся въ немъ хаосъ безумія“. На этотъ разъ мы вполне соглашаемся съ талантливымъ критикомъ. Князь Мышкинъ, дѣйствительно, видѣлъ въ Аглаѣ „исцѣленіе“ самого себя, — одно присутствіе этой дѣвушки, приносило уже ему желанную гармонию духа.

Но князь Мышкинъ былъ „безвольно-разумное“ существо, живущее исключительно разнообразными и противорѣчивыми сердечными „движеніями“, объ удовлетвореніи которыхъ въ равной степени постоянно думалъ. Вслѣдствіе этого, не смотря даже на то, что его спасеніе, повидимому, зависѣло отъ Аглаи, онъ не становился на ней одной, но рѣшилъ попеременно „бѣгать отъ Мадонны къ Ледѣ“, думая, правда, бессознательно, совмѣстить „два берега“ въ предносящимся предъ нимъ идеалѣ красоты, которая въ сущности своей такъ и осталась для него „загадкой“. „Не могу я объяснить... словъ не имѣю“, заявляетъ князь въ отчаяніи. Разрѣшеніе „загадки“ красоты можетъ придти лишь тогда, когда человѣкъ подступитъ къ этой красотѣ съ критеріемъ, болѣе высшимъ, чѣмъ она сама, другими словами, — не будетъ ставить эту красоту на вершинѣ построеннаго имъ духовнаго зданія съ тѣмъ, чтобы именно съ нея обозрѣвать всю разстилавшуюся предъ нимъ мѣстность.

Князь, въ силу своей психической организаціи, не могъ найти нужнаго ему „критеріа“, а потому погибъ, не сумѣвъ, при помощи только одного своего сердца найти нужный путь къ гармоніи духа. „Безъ Аглаи я... умру!...“ воскликнулъ онъ. И умеръ, духовно умеръ у трупа Настасьи Филипповны, въ смерти которой косвенно и самъ былъ виноватъ.

¹⁾ „Толстой и Достоевскій“, т. II, стр. 309.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дмитрій Карамазовъ
(романъ „Братья Карамазовы“).

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ“.

„Но только, вотъ въ чемъ дѣло: какъ я вступлю въ союзъ съ землею на вѣкъ? Я не цѣлую землю, не взрѣзаю ей грудь; что-жъ мнѣ мужикомъ сдѣлаться аль настушкомъ? *Я иду и не знаю: въ вонь-ли попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость.* Вотъ вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ случалось погружаться въ самый глубокий позоръ разврата (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это стихотвореніе о человѣкѣ читалъ. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами, и даже доволенъ, что именно въ унижительномъ такомъ положеніи падаю и считаю *это* для себя красотой. И вотъ въ самомъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я проклятъ, пусть я низко и подл, но пусть и я цалую край той ризы, въ которую облакается Богъ мой; пусть я иду въ то же самое время вслѣдъ за чортомъ, но я всетаки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть.

„У груди благой природы,
Все что дышетъ, радость пьетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ — сладострастье...
Ангель — Богу предстоитъ“.

...Но довольно стиховъ. Я пролилъ слезы, и ты дай мнѣ поплакать. Пусть это будетъ глупость, надъ которою всѣ будутъ смѣяться, но ты нѣтъ. Вотъ и у тебя глазенки горять.

Довольно стиховъ. Я тебѣ хочу сказать теперь о „насъкомыхъ“, вотъ о тѣхъ, которыхъ Богъ одарилъ сладострастьемъ. „Насъкомымъ — сладострастье!“ Я, братъ, это самое насъкомое и есть, и это обо мнѣ специально и сказано. И мы всѣ Карамазовы такіе же, и въ тебѣ, ангель, это насъкомое живетъ, и въ крови твоей бури родитъ. Это—бурю, потому что сладострастье — буря, больше бури!... Красота — это страшная и ужасная вещь!... Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай, какъ знаешь, и выльзай сухъ изъ воды. Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и во истину, во истину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широко человѣкъ, слишкомъ даже широко, я-бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что такое даже, вотъ что! *Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой.* Въ Содомѣ-ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей, — зналъ ты эту тайну, иль нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — *сердца людей!*...“ Въ приведенныхъ словахъ Дмитрія Карамазова онъ весь стоитъ предъ нами со всѣми изгибами своего сердца, замѣняющаго ему и мысль, и волю, составляющаго, такъ сказать, душу души его. „Я иду и не знаю: въ вонь-ли попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость...“.

Вся жизнь Дмитрія Карамазова, какъ она раскрывается въ романѣ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ превосходную иллюстрацію къ этимъ словамъ. Безпрестанно этотъ человѣкъ находится посреди позора и радости, никогда онъ собственно не различаетъ своей дороги, *качества* ея, никогда не понимаетъ, къ чему можетъ привести его эта дорога, часто

вдруг выбранная имъ. Дмитрій Карамазовъ — это „продолженіе“ князя Мышкина, только въ неизмѣримо большемъ масштабѣ, это человѣкъ исключительно сердечной жизни, смотрящій на весь окружающій его міръ съ точки зрѣнія только своего сердца, и поставившій непремѣнною своею цѣлью удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ чувствованій и порывовъ этого сердца. „То, что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой!“

Слѣдуя своему сердцу, Дмитрій Карамазовъ идетъ за тѣмъ миражемъ „все позволяющей“ красоты, которымъ онъ наполненъ съ головы до ногъ. Руководящій принципъ жизни у Дмитрія сводится именно къ чувству красоты. Для него прежде всего и главнѣе всего, чтобы было удовлетворено это чувство, освящающее собой все его „сладострастѣ“. „Я только и зналъ развратъ“, говоритъ Дмитрій Карамазовъ. Онъ сознаетъ, что этотъ развратъ унижалъ въ немъ человѣческую личность, съ высокіе нравственные порывы, которыми мы знаемъ, была полна душа Дмитрія, но разстаться съ самимъ „развратомъ“ у него не хватало силъ, — онъ видѣлъ въ немъ для себя источникъ жизни. Тогда нужно было освятить этотъ „источникъ“. Чѣмъ-же? *Красотой*. „Гутъ два берега сходятся... Мадонна и Содомъ... Иду за чортомъ, но я и твой сынъ, Господи!..“.

Въ „сердечной мысли“ о красотѣ Дмитрій нашелъ самоутѣшеніе, нашелъ возможность соединить, повидимому, несоединимое. „Внизъ головой лечу и... гимнъ!..“. Гимнъ отъ радостнаго сознанія, что *чѣмъ-то* я еще связанъ съ Божествомъ, что и „въ такомъ унизительномъ“ положеніи я осмѣливаюсь цѣловать „край ризы Божьей“.

Почему?

Красота — безъ сомнѣнія загадка и, дѣйствительно страшная вещь. Наше понятіе о Божествѣ непремѣнно соединяется съ безконечной красотой Его, какъ съ несравненной гармоніей какихъ-то „формъ“, одушевленныхъ и проникнутыхъ высочайшимъ Духомъ, отсюда и высочайшее представленіе красоты связуется съ ея *нравственною* одухотворенностью, по терминологіи Платона, *идеальностью*. Отсюда, только *безобразное* прямо относится къ „дьяволу“, и *только красивое* къ Богу

и дьяволу: — „тутъ дьяволъ съ Богомъ борется!..“ Безобразный во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ нравственномъ, поступокъ вызываетъ наше полнѣйшее осужденіе; но, если тотъ же поступокъ продѣланъ съ соблюденіемъ внѣшней красоты, красоты формъ — онъ только *наполовину* осуждается нами. Почему? Да потому, что одною своею частью этотъ самый „поступокъ“ касается „ризы Божьей“, (именно *ризы*, какъ чего-то *внѣшняго*), а, слѣдовательно, въ судьяхъ затрогиваетъ какую-то „струну“, „звуки“ которой напоминаютъ этимъ судьямъ, что въ стоящемъ предъ ними преступникѣ *не все* „безобразно“. Мы не развиваемъ нашу мысль, не подкрѣпляемъ ее примѣрами, ибо, съ одной стороны, это и не входитъ въ ближайшую задачу нашего изслѣдованія, а съ другой — достаточно лишь повнимательнѣе присмотрѣться къ окружающей насъ жизни, чтобы увидѣть то или другое подтвержденіе только что высказанной мысли.

Если въ лицѣ князя Мышкина руководство „красотой“, какъ принципомъ жизни, въ сущности не было еще „разработано“ нашимъ великимъ писателемъ, то личность Дмитрія Карамазова вполнѣ уже даетъ намъ, какъ мы видѣли, ясное представленіе объ этой „разработкѣ“. Князь кончилъ „идіотизмомъ“. Дмитрій Карамазовъ приходитъ къ самоосужденію, тѣмъ самымъ уже оставляя, какъ нѣчто негодное, прежній принципъ всей своей жизни. „Я виновенъ не тѣмъ, что убилъ отца, а тѣмъ уже, что хотѣлъ убить его...“ — Для чего убить? Чтобы старикъ не мѣшалъ ему, Дмитрію Карамазову, всецѣло овладѣть Грушенькой и удовлетворить свое бѣшеное сладострастіе, т.-е. полетѣть внизъ, къ Содому, но непременно съ гимномъ Мадоннѣ. Безъ „гимна“ Дмитрій не могъ... И вдругъ оказывается, что не только убійство, но самая уже мысль объ этомъ убійствѣ не позволила, не дала мѣста Мадоннѣ, но всецѣло предала лишь одному Содому. Дмитрій пораженъ. „Стойте, стойте, кричите онъ уже на первомъ слѣдствіи по поводу убійства отца, запишите такъ: „Въ буйствѣ онъ виновенъ, въ тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ бѣдному старику, виновенъ. Ну, тамъ еще *про себя, внутри, въ глубинѣ сердца своего виновенъ*, но это уже не надо писать“.

Собственно еще Дмитрій хорошо не сознаетъ, въ *чемъ* онъ виновенъ; онъ только чувствуетъ эту виновность. Однако мало-помалу, въ одиночномъ заключеніи, оторванный отъ виѣшняго міра и предоставленный самому себѣ, Дмитрій начинаетъ понимать свою виновность, начинаетъ прозрѣвать истинную сущность той „красоты“, которой до сихъ поръ руководился. Теперь онъ понимаетъ всю „грѣховность“ своей предыдущей жизни, вспоминая, что „онъ каждый день, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости“. Въ этомъ его „каждодневномъ“ обѣщаніи исправиться уже раньше сказывалось самоосужденіе, не находящее себѣ только примѣненія, — не было достаточно глубокой мысли, чтобы понять свою „грѣховность“. Въ настоящее время эта „мысль“ обожгла вдругъ всего Дмитрія. „Громъ грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадаю хочу и страданіемъ очищусь!.. Принимаю казнь не за то, что убилъ отца, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, убилъ бы!...“ Предъ нами открылась теперь сокровенная виновность сердца Дмитрія. Онъ вдругъ постигнулъ, понимая до конца, по какой онъ ложной дорогѣ шелъ. Теперь ему сдѣлался вполне возможенъ доступъ уже не только къ „ризѣ Бога“, но и ко внутреннему существу Божества. Онъ отказывается бѣжать, ибо тогда „настоящаго гимна Богу“ не будетъ... Дмитрій хочетъ теперь „истаять въ молитвѣ“.

Таковъ конецъ этого великаго „мученика сердца своего“, кончившаго самоосужденіемъ, и какъ результатомъ его, просвѣтленіемъ. И его, какъ и Кириллова, „Богъ всю жизнь мучилъ“ ¹⁾, „только одно это и мучило!...“. Кирилловъ пропалъ, погубленный своею безмѣрно вознесшейся волею; Дмитрій Карамазовъ спасся, ибо сердцемъ своимъ все-таки былъ чрезвычайно близокъ къ Богу, ни на минуту не усумнясь въ бытіи Его.

¹⁾ „Бр. Кар.“, стр. 669.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Степанъ Трофимовичъ Верховенскій
(ром. „Бѣсы“).

„Вѣдь я блажной ребенокъ“, говоритъ Степанъ Трофимовичъ о себѣ, но только безъ его невинности“.

Не будемъ останавливаться на жизни отца-Верховенскаго, она дѣйствительно есть не что иное, какъ жизнь „блажнаго ребенка“, совершенно не отдающаго себѣ отчета въ томъ, что онъ думаетъ, къ чему стремится. Постоянная приподнятость настроенія, восторженность, безтолковое увлеченіе „какой-то идеей“, проповѣдь страннаго и беспочвеннаго идеализма, масса „тепло-слезныхъ чувствованій“ по разному поводу,— вотъ чѣмъ характеризуется бытіе Степана Верховенскаго. Каждый шагъ его жизни заключаетъ въ себѣ всѣ перечисленные нами свойства, особенно ярко проявившіяся предъ кончиной „носителя“ ихъ. Къ этой кончинѣ мы и переходимъ теперь.

„Мнѣ счастье невыгодно, говоритъ Степанъ Трофимовичъ, уже почти больной и умирающій, встрѣтившись, во время своего бѣгства отъ Ставрогиной, съ книгоношей, Софьей Матвѣевной. Я лѣзу тогда прощать всѣхъ моихъ враговъ...“.

— Что жъ, вѣдь, это очень хорошо-съ. — „Не всегда, *chère innocente. L'Évangile... Voyez-vous, désormais nous le prêcherons ensemble*, и я буду съ охотой продавать ваши красивыя книжки. Да, я чувствую, что это, пожалуй, идея, *quelque chose de très nouveau dans ce genre*. Народъ религіозенъ, *c'est admis*, но онъ еще не знаетъ Евангелія. Я ему изложу его... Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги, къ которой я, разумѣется, готовъ отнестись съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Я буду полезенъ и на большой дорогѣ. Я всегда былъ полезенъ, я всегда говорилъ *имъ* это *et à cette chère ingrate...* О, простимъ, простимъ, прежде всего простимъ всѣмъ и всегда. Будемъ надѣяться, что и намъ простятъ. Да, потому что всѣ и каждый одинъ предъ другимъ виноваты. Всѣ виноваты!... „Другъ мой, — го-

ворить въ другомъ мѣстѣ Степанъ Верховенскій той-же Софѣѣ Матвѣевнѣ, — я всю жизнь мою лгалъ, даже когда говорилъ правду. Я никогда не говорилъ для истины, а только для себя. Но главное въ томъ, что я самъ себѣ вѣрю, когда лгу. Всего труднѣе въ жизни жить и не лгать... и... собственной лжи не вѣрить...“.

У Степана Трофимовича совершенно не было того, что мы называемъ „углубленіемъ души“. Этотъ человекъ, кажется, былъ совершенно „пассивенъ“ къ внѣшнимъ, идущимъ на него впечатлѣніямъ, которыхъ не могъ „переваривать“ въ собственномъ духѣ. Вслѣдствіе этого въ каждую минуту онъ былъ подверженъ лишь тому настроенію, какое въ данную минуту приносило съ собой извѣстное впечатлѣніе. Отсюда его всегдашняя ложь, ложь самому себѣ и предъ самимъ собою. Никогда онъ не могъ сказать дѣйствительной правды самому себѣ, ибо у него постоянно было столько этихъ „правдъ“, сколько настроеній. Другими словами, не было у Степана Верховенскаго „центра“ души; онъ (Верховенскій) былъ весь разбросанъ, разсѣянъ. Всѣ его благородные порывы — это лишь только „сердечныя измышленія“ подъ влияніемъ данной минуты. Ему, въ сущности говоря, не было кого прощать, такъ какъ дѣйствительныхъ враговъ онъ не имѣлъ, но только понавыдумывалъ ихъ себѣ... Если онъ рѣшается вдругъ „излагать своими словами“ Евангеліе для народа, то рѣшеніе это является у него лишь подъ влияніемъ встрѣчи съ Софѣей Матвѣевной, которую онъ *вдругъ* полюбилъ. — „Я не могу не жить подлѣ женщины, лепечетъ ей этотъ мученикъ своего „безцентрального“ сердца, но только подлѣ... Я ужасно, ужасно сбился... О, блаженъ тотъ, кому Богъ посылаетъ всегда женщину!..“.

Стефанъ Трофимовичъ сознаетъ такое „неустройство“ своего существа и потому тутъ-же заявляетъ, что онъ „все лжетъ“, а немного ниже, что „онъ безчестный негодяй“, хотя въ своей жизни ему совершенно никогда не пришлось сдѣлать какого-либо безчестнаго поступка. Но такимъ людямъ, какъ отецъ-Верховенскій, необходимо самобичеваніе, — имъ тогда легче дышется, имъ нужно непременно раскаяніе, самобичеваніе и слезы. „Я вамъ давеча все налгалъ, разливается горь-

кими слезами Степанъ Трофимовичъ предъ Софьей Матвѣевой, для славы, для роскоши изъ праздности, — все, все до послѣдняго слова, о, негодяй, негодяй!..“.

Кажется, что здѣсь Достоевскій произнесъ послѣднее и рѣшительное осужденіе „безтолково-сердечному“ препровожденію человѣкомъ своей земной жизни. Въ образѣ Степана Трофимовича Верховенскаго мы имѣемъ, съ одной стороны, какъ бы яркое подтвержденіе того, къ чему можетъ притти, во что можетъ выродиться человѣкъ, который, имѣя умъ и въ извѣстной степени волю, повелъ всю свою жизнь исключительно по „сердечной дорогѣ“, смотря на всѣ предметы, встрѣчающіеся ему на пути, съ точки зрѣнія только „логики сердца“, оторваннаго отъ духа... Но это „съ одной стороны“, именно съ той, которая въ образѣ Степана Трофимовича показала все свое банкротство. Однако великое сердце отца-Верховенскаго, такъ сказать, чувствовало, постигало, что есть какіе-то великіе принципы бытія человѣка, проведеніе которыхъ въ жизнь, дѣйствительно, могло бы привести человѣка къ желанной гармоніи духа. Если въ самой своей жизни отецъ-Верховенскій лишь ощущалъ эти принципы, не понимая ихъ, и не имѣя воли, чтобы реализовать ихъ, то за нѣсколько часовъ до смерти онъ настолько просвѣтляется сознаниемъ, что чудная проповѣдь о смыслѣ и „верхахъ“ человѣческой жизни вдругъ слѣдуетъ съ его уже поблѣднѣвшихъ устъ. „Друзья мои, говоритъ онъ, Богъ уже потому мнѣ необходимъ, что это единственное существо, которое можно вѣчно любить... Мое безсмертіе уже потому необходимо, что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшейся къ Нему любви въ моемъ сердцѣ. И что дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ-же возможно, чтобы бытіе было ей неподклонно? Если я полюбилъ Бога и обрадовался любви моей, возможно-ли, чтобы Онъ погасилъ и меня, и радость мою и обратилъ насъ въ нуль? Если есть Богъ, то и я безсмертенъ!... Voilà ma profession de foi!... О, я бы очень желалъ опять жить!... Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человѣку... должны, непре-

мѣнно должны!... ¹⁾). Это обязанность самого человѣка такъ устроить; это его законъ, — скрытый, но существующій непремѣнно. Одна уже всегдашняя мысль о томъ, что существуетъ нѣчто безмѣрно справедливѣйшее и счастливѣйшее, чѣмъ я, уже наполняетъ и меня всего безмѣрнымъ усиленіемъ и славою, о, кто-бы я ни былъ, что-бы ни сдѣлалъ! Человѣку гораздо необходимѣе собственнаго счастья знать и каждое мгновеніе вѣрять въ то, что есть гдѣ-то уже совершенное и спокойное счастье, для всѣхъ и для всего... Весь законъ бытія человѣческаго лишь въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ. Если лишитъ людей безмѣрно-великаго, то не стануть они и жить и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и безконечное такъ же необходимо человѣку, какъ и эта малая планета, на которой онъ обитаетъ... Друзья мои, всѣ, всѣ: да здравствуетъ Великая Мысль! Вѣчная, безмѣрная Мысль! Всякому человѣку, кто-бы онъ ни былъ, необходимо преклониться предъ тѣмъ, что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человѣку необходимо хотя-бы нѣчто великое!..“.

Мы уже вступаемъ теперь въ царство свѣта, гармоніи. Безсмертная рѣчь Степана Трофимовича Верховенскаго есть дверь въ это чудное царство, подобнаго которому вы не найдете во всей прочей всемірной литературѣ.

¹⁾ Вспомнитъ *Кириллова*.

ЧАСТЬ V-я.

„ЦАРСТВО БОЖІЕ НА ЗЕМЛѢ“.

„Высочайшая русская мысль — это все-
примиреніе всѣхъ прочихъ идей“.

„Подростокъ“.

Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Макаръ Ивановичъ (ром. „Подростокъ“).

Однажды, во время своихъ блужданій заграницей и именно по Итали, мнѣ пришлось спуститься въ мрачныя подземныя тюрьмы палаца Дожей, что въ Венеци. Я съ интересомъ началъ осматривать эти тюрьмы, слоняясь по узенькимъ низкимъ корридорамъ и ходамъ, входя въ отдѣльныя камеры, гдѣ трудно было стоять во весь ростъ. Масса историческихъ воспоминаній охватывала меня на каждомъ шагѣ, давая поводъ къ самымъ разнообразнымъ мыслямъ и настроеніямъ. Однако, пробывъ въ подземельяхъ около часу, я почувствовалъ вдругъ какое-то „духовное“ утомленіе. Удушливый воздухъ, полнѣйшее отсутствіе свѣта, если не считать вонючихъ маленькихъ керосиновыхъ лампочекъ, визгъ мышей, нахально бѣгающихъ подъ ногами, самыя, наконецъ, воспоминанія, получавшія чрезвычайно реальную форму вслѣдствіе непосредственнаго созерцанія мѣстъ, связанныхъ съ ними: все это, вмѣстѣ взятое, и производило то „духовное“ утомленіе, о которомъ я только что говорилъ. Пронадавалъ интересъ къ окружающему, хотѣлось лишь одного: поскорѣе избратъся на свѣжій воздухъ гля-

нуть на чудное лазоревое море, голубое небо, однимъ словомъ, страстно вдругъ захогѣлось приобщиться той безконечной радости о жизни, которая разлита тамъ, подъ ласковымъ горячимъ солнцемъ, и, казалось, совершенно вытравлена человѣкомъ здѣсь, въ этихъ подземельяхъ.

Нѣчто подобное мы испытываемъ теперь, когда изъ чловѣческаго „подполья“, доселѣ изслѣдуемаго нами, выбираемся на Божій свѣтъ. Безусловно интересно оно, это „подполье“, мучительно интересно!... Но, если, съ одной стороны, хочется безъ конца углубляться въ него, и съ какимъ-то странно-болѣзненнымъ наслажденіемъ изслѣдовать „закоулки“ его, то съ другой, — стремишься также и „на верхъ“, туда, гдѣ ближе къ Богу и къ свѣту... И, право, ужасна и страшна была-бы по истинѣ вся литературная дѣятельность Достоевскаго, если бы онъ не оставилъ въ концѣ концовъ такъ любимаго имъ „подполья“ и не выбрался на Божій свѣтъ! Кто знаетъ, сумѣли бы ли мы, собственными своими силами, рѣшить всѣ великіе „подпольные вопросы“?... Но нашъ писатель показалъ читателю своему и настоящій Божій свѣтъ, къ разсмотрѣнію котораго мы съ большою радостью и переходимъ теперь.

Вотъ предъ нами дивный образъ Макара Ивановича, этого прототипа старца Зосимы. „Охъ, худо больному старику, слышимъ мы тихій благолѣпный голосъ Макара Ивановича, бесѣдующаго съ Подросткомъ, за что, кажись, только душа зацѣпилась, а все держится, а все свѣту рада; и, кажись, если-бъ всю-то жизнь опять сызнова начинать, и того-бы, пожалуй, не убоялась душа; хотя, можетъ, и грѣховна такая мысль“. — Почему грѣховна? — „Мечта она, эта мысль, а старцу надо отходить благолѣпно. Опять оно, если съ ронотомъ, али съ недовольствомъ встрѣчаешь смерть, то сіе есть великій грѣхъ. Ну, а если отъ веселія духовнаго жизнь возлюбилъ, то, полагаю, и Богъ проститъ, хотя-бы и старику. Трудно чловѣку знать про всякій грѣхъ, что грѣшно, а что нѣтъ: тайна тутъ, превосходящая умъ чловѣческій... Старецъ же долженъ быть доволенъ во всякое время, а умирать долженъ въ полномъ цвѣтѣ ума своего... восполнивши тайну свою“. — Вы все говорите „тайну“; что такое „восполнивши тайну свою“?.. — „Тайна что?“

Все есть тайна, другъ, во всемъ тайна Божія. Въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ эта самая тайна заключена. Птичка-ли малая поетъ, али звѣзды всѣмъ сонмомъ на небѣ блещутъ въ ночи — все одна эта тайна, одинаковая. А всѣхъ большая тайна—въ томъ, что душу человѣка на томъ свѣтѣ ожидаетъ“.. „И вотъ что еще скажу, самъ казнить себя человѣкъ. Обходи ты людей, потому и не досаждай имъ... а передъ ночнымъ сномъ поминай ихъ на молитвѣ .. Ты молишься-ли передъ сномъ? — Нѣтъ, считаю это пустою обрядностью. — „Напрасно, другъ, не молишься; хорошо оно, сердцу весело, и предъ сномъ, и оставъ отъ сна, и пробудясь въ ночи. Это я тебѣ скажу. Лѣтомъ-же, въ июлѣ мѣсяцѣ, поспѣшали мы въ Богородскій монастырь къ празднику... Заночевали, брате, мы въ полѣ, и проснулся я заутра рано, еще всѣ спали и даже солнышко изъ-за лѣса не выглянуло. Восклонился я, милый, головой, обвелъ кругомъ взоръ и вздохнулъ! Красота вездѣ неизрѣченная! Тихо все, воздухъ легкій; травка растетъ — расти травка Божія, птичка поетъ—ной птичка Божія, ребенокъ на рукахъ пискнулъ — Господь съ тобой, маленькій человѣчекъ, расти на счастье, младенчикъ! И вотъ точно я въ первый разъ тогда, въ самой жизни моей, все сіе въ себѣ заключалъ... Склонился я опять, заснулъ таково легко. Хорошо на свѣтѣ, милый!.. А что тайна, то оно тѣмъ даже и лучше; страшно оно сердцу и дивно; и страхъ сей къ веселію сердца: „*Все въ тебѣ Господи. и я самъ въ Тебѣ, и прими меня*“... Не ропщи, व्यюпошъ: тѣмъ еще прекраснѣй оно, что тайна, —прибавилъ онъ умиленно...— Знаешь-ли ты, что... предѣлъ памяти человѣку положенъ лишь во сто лѣтъ. Потомъ заростетъ его могилка и забудутъ его люди — ну и пусть! И пусть забудутъ, милые, а я васъ и изъ могилки люблю. Слышу, дѣточки, голоса ваши веселые, слышу шаги ваши на родныхъ отчихъ могилкахъ въ родительскій день; живите пока на солнышкѣ, радуйтесь, а я за васъ Бога помолю, въ сонномъ видѣніи къ вамъ сойду... все равно — *и по смерти любовь*“...

Не останавливаясь въ частности на характеристикѣ Макара Ивановича, представляющаго изъ себя въ сущности толь-

ко слабые мазки той „картины“, которую мы видимъ въ Зосимѣ, переходимъ теперь къ этому послѣднему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старецъ Зосима
(ром. „Братья Карамазовы“).

Еще въ 1870 г., въ письмѣ къ Ап. Н. Майкову отъ 25 марта, Достоевскій—читаемъ у Розанова ¹⁾ — писалъ между прочимъ, о замыслѣ большого романа, который онъ обдумывалъ въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ и теперь хотѣлъ бы написать, пользуясь свободнымъ временемъ. „Это будетъ мой *последній романъ*, говорилъ онъ въ письмѣ. *Объемомъ* въ Войну и Миръ, и идею вы бы похвалили, сколько я, по крайней мѣрѣ, соображаюсъ съ нашими прежними разговорами съ вами. Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ романа — тотъ самый, которымъ я *мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь—существованіе Бога*. Герой въ продолженіи жизни—то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. Вторая повѣсть (отдѣлъ) будетъ происходить въ монастырѣ. (Вамъ одному исповѣдуюсь, Ашполонъ Николаевичъ: хочу выставить во 2-ой повѣсти *главною фигурою Тихона Задонскаго*, конечно, подъ другимъ именемъ). 13-лѣтній *мальчикъ*, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, развитой и развращенный (*я этотъ типъ знаю*), будущій герой всего романа... *Главное—Тихонъ и мальчикъ*. Ради Бога, не передавайте никому содержания этой второй части... Я вамъ исповѣдуюсь. Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня — сокровище. Не говорите же про Тихона. Я написалъ Страхову о монастырѣ, но про Тихона не писалъ. Авось, выведу величавую, *положительную* (курсивъ Достоевскаго), свягую фигуру ²⁾).

¹⁾ „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“, стр. 4.

²⁾ „Почемъ мы знаемъ: можетъ быть именно Тихонъ — то и составляетъ нашъ русскій *положительный типъ*, который ищетъ наша литература“... (Прим. Достоевскаго).

Это письмо Достоевскаго важно для насъ въ томъ отноше-
ніи, что *типъ*, въ которомъ писатель видитъ „положительную
фигуру“, не придуманъ имъ, а взятъ изъ близкой къ нему дѣй-
ствительной жизни¹⁾. Такимъ образомъ, та личность, которая
завершаетъ собою длинный рядъ разнообразныхъ „ликовъ“
„русскаго Фауста“, которая въ самой себѣ показываетъ и от-
крываетъ дорогу къ столь необходимой человѣку гармоніи ду-
ха, эта личность вполне *реальна*, она уже *есть*...

Мы, конечно, разумѣемъ „двойную“ (и здѣсь *двойникъ*)
личность Тихона, раздѣленную, какъ вполне правильно замѣ-
чаетъ и Розановъ²⁾, на два другъ друга дополняющихъ лица:
Зосимы и Алеши. Оставляя характеристику послѣдняго къ слѣ-
дующей части нашего „опыта“, именно къ той, гдѣ мы будемъ
подводить итогъ всему доселѣ сказанному, остановимся теперь
лишь на болѣе подробномъ выясненіи основныхъ и характер-
нѣйшихъ чертъ образа самого старца Зосимы.

„*О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ
инымъ*“, такъ гласитъ заглавіе одного изъ наиболѣе важныхъ
поученій Зосимы. Приводимъ поученіе это почти цѣликомъ,
ибо оно даетъ самое полное и окончательное представленіе
о томъ лицѣ, въ душевной гармоніи котораго Достоевскій стре-
мился разрѣшить всѣ мучающія его мысли.

„Юноша, не забывай молитвы. Каждый разъ въ молитвѣ
твоей, если искренна, мелькнетъ новое чувство, а въ немъ и
новая мысль, которую ты прежде не зналъ, и которая вновь
ободритъ тебя, и поймешь, что молитва есть воспитаніе. За-
помни еще на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про
себя: „Господи, помилуй всѣхъ днесъ предъ тобою представ-
шихъ. Ибо въ каждый часъ и каждое мгновеніе тысячи людей
покидаютъ жизнь свою на сей землѣ и души ихъ становятся
предъ Господомъ, — и сколь многіе изъ нихъ разстались съ
землею отъединенно, никому невѣдомо, въ грусти и тоскѣ, что
никто-то не пожалѣетъ о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе:

¹⁾ Если Тихонъ — „прообразъ“ Зосимы, то старецъ Амвросій, современ-
никъ Достоевскаго, есть уже *прямой* „образъ“, давшій напому писателю нѣсколь-
ко *положительныхъ* чертъ (см. Розановъ. *Ibid.*, стр. 7).

²⁾ *Ibid.*, стр. 5.

жили-ль они, или нѣтъ. И вотъ, можетъ быть, съ другого конца земли вознесется къ Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не зналъ его вовсе, а онъ тебя. Сколь умиленно душѣ его, ставшей въ страхъ предъ Господомъ, почувствовать въ тотъ мигъ, что есть и за него молещикъ, что осталось на землѣ человѣческое существо и его любящее. Да и Богъ милостивѣе возрится на обоихъ васъ, ибо если уже ты столь пожалѣлъ его, то колыми паче пожалѣетъ Онъ, безконечно болѣе милосердный и любезный, чѣмъ ты. И простить его тебя ради. Братья, *не бойтесь грѣха людей, любите человека и во грѣхъ его*, ибо *сѣ* ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешъ въ вещахъ. Постигнешъ однажды и уже неустанно начнешъ ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью... Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи; особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: „взять-ли силой, али смиренною любовью?“ Всегда рѣшай: „возьму смиренною любовью“. Рѣшишь-ся такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить можешь. Смиреніе любовное — страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего... Братья, любовь учительница, но нужно умѣть ее приобрѣсти, ибо она трудно приобрѣтается, дорого покупается, долгой работой и черезъ долгій срокъ, ибо не на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. А случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злодѣй полюбить... Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: „силень грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію“. Бѣгите, дѣти, сего унынія! ...Награды-же никогда не ищи, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: духовная радость твоя, которую лишь праведный обрѣта-

етъ. Не бойся ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда благолѣпенъ. Знай мѣру, знай сроки, научись сему. Въ уединеніи-же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызай ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, *всѣхъ* люби, *все* люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои!...”

Вся жизнь Зосимы, какъ мы можемъ наблюдать ее въ самомъ романѣ, служить яркой иллюстраціей къ только что приведенному поученію.

„*Все хорошо!*“ говоритъ Кирилловъ. „Нужно только, чтобъ человѣкъ понялъ свое счастье, понялъ то, что онъ счастливъ... Я всему молюсь... *Листъ хорошъ...*“ Эта любовь Кириллова сходится съ любовью Ивана Карамазова къ „весеннимъ клейкимъ листочкамъ“, къ „голубому небу“, „любовь прежде логики“, „любовь чревомъ“. „Все позволено!“ говоритъ этотъ великій „умственникъ“. А, почему „позволено?...“ Почему „все хорошо?...“ Ни Карамазовъ Иванъ, ни Кирилловъ въ сущности вещей не дали отвѣта на этотъ вопросъ. „*Все хорошо* и великолѣпно, говоритъ въ одномъ мѣстѣ романа старецъ Зосима, потому *все истина*. Все созданіе и вся тварь, *каждый листикъ* устремляется къ Слову, Богу славу поеть!...” Замѣчательно!... Какое совпаденіе одинаковыхъ мыслей! Развитие до *крайнихъ* предѣловъ *воли, ума*, присоединимъ сюда еще — и *сердца* въ образѣ Дмитрія Карамазова, приводитъ къ одному: „*все хорошо!*...” Кирилловъ, Иванъ Карамазовъ, старшій братъ послѣдняго — всѣ они, идущіе по *своимъ* дорогамъ въ изумленіи постигаютъ, что „все хорошо“ и, постигнувъ, погибаютъ, какъ бы понявъ, что величайшій этотъ принципъ въ основѣ своей остался для нихъ *скрытымъ*, что онъ показался имъ лишь *одною* своею частью. Зосима не погибаетъ, наоборотъ! Онъ постигнулъ, почему, „все хорошо“... *Все истина*, все подъ Богомъ, въ Богѣ и для Бога... а потомъ и *все тайна!*...

Глубочайшею сущностью міровой жизни въ самыхъ разнообразнѣйшихъ ея проявленіяхъ нужно, безъ сомнѣнія, признать *любовь*. Любовь — это внутренняя, такъ сказать, духовная сторона великаго закона, „*всемирнаго тяготѣнія*“. Не будь послѣдняго закона, наша вселенная разлетѣлась бы на миллионы

миллионовъ кусковъ... Отымите теперь вдругъ у этой вселенной любви, лишите, хотя бы на одинъ часъ, весь міръ людей, животныхъ, растений этого чувства любви другъ къ другу и посмотрите, что будетъ?... Страшно и подумать, и вообразить!... Выше любви нѣтъ ничего. По слову апостола, „все пройдетъ, любви же нѣтъ“, ибо „Богъ есть любовь...“

Если же міру, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, дасть гармонію, „благолѣпіе“ любовь, „взаимное тяготѣніе“, т.-е. „поддержка...“; если этотъ міръ стоитъ на любви, въ ней примирая всѣ „уклоны“ свои, то весьма понятно, что и каждый человѣкъ долженъ и можетъ „примирить самого себя съ самимъ собою“ лишь въ области идей, чувствъ и желаній, объединенныхъ любовью. Эта любовь даетъ ему прежде всего „всепрощеніе“. Я все долженъ простить, ибо все любовь есть, все Богъ есть. Ну, а, если разумъ мой противится этому прощенію?... — „Разумъ твой тогда только не понимаетъ, слышимъ мы голосъ Зосимы, и забываетъ, что „все тайна“.

„Все хорошо“, потому что „все истина“, истина въ высочайшемъ метафизическомъ смыслѣ, недоступномъ человѣку. Все Богъ заложилъ, *всѣмъ* Онъ управляетъ, *все* Онъ куда-то („тайно“) ведетъ, поэтому, „если кто и дѣвочку обезчеститъ“, то и *это хорошо* и *это* можетъ привести къ чему-то „божественному“, скрытому, „тайному“ для насъ. „Все хорошо“, и вотъ *это* преступленіе надъ дѣвочкой также *хорошо* не потому, что оно позволяетъ тебѣ продѣлать то же самое, а потому, что сердце твое, постигнувшее, что *все любовь* есть, прощаетъ и не осуждаетъ человѣка за такое „преступленіе“. А потомъ, какъ ты, напримѣръ, самъ можешь сдѣлать нѣчто подобное, ты, понявший, на чемъ міръ держится?..

Все сошлось у Достоевскаго въ его дивномъ образѣ старца Зосимы. Начавши „подпольнымъ человѣкомъ“, кончить Зосимой, объединявшимъ и заключающимъ въ себѣ *всѣмъ* героевъ, созданныхъ нашимъ великимъ писателемъ!... Самыя разнообразныя, противорѣчивыя идеи дали чудный аккордъ въ личности старца Зосимы, который *есть* среди насъ, а не выдуманъ, не сочиненъ...“

Къ сожалѣнію, въ родной литературѣ въ сущности нѣтъ

опредѣленнаго представленія о старцѣ Зосимѣ, если не считать взглядъ на него Мережковскаго, который слишкомъ мудрено посмотрѣлъ на Зосиму, увидѣвъ въ немъ не смиреннаго инока, а какого-то реставратора религіи красоты, правда, въ высшемъ значеніи этого слова. Волынскій „шатается“ въ своей характеристикѣ личности старца Зосимы. Такъ, въ книгѣ „Царство Карамазовыхъ“ (стр. 168) онъ пишетъ: „Въ старцѣ Зосимѣ мы видимъ не иконописный образъ, въ его застывшемъ, церковно-византійскомъ типѣ, не условный символъ богословской идеи, а живое лицо. Зосима полонъ безоблачныхъ восторговъ, и восторги эти выражаютъ радость живого общенія съ міромъ... Онъ является настоящимъ хранителемъ „божьей правды“, ибо эта божья правда — вѣчная и неизмѣнная въ схемахъ жизни — не для всякаго видна въ самой жизни, въ ея случайныхъ проявленіяхъ, въ мелочахъ, въ судьбахъ отдѣльныхъ маленькикъ людей ¹⁾... Онъ одинъ смотритъ на расплескавшееся передъ нимъ море грубыхъ страстей съ истинной высоты, оттуда, гдѣ душа живо касается божества, преобразуется въ немъ и проникается его свѣтомъ... Зосима весь виденъ въ непосредственности своей простой цѣльной жизни“. „Страницы²⁾ ром. „Братья Карамазовы“, читаемъ мы у того же критика въ его недавно вышедшемъ трудѣ „Книга великаго гнѣва“, успокаиваютъ лишь однако на самое короткое время, свободный духъ (критика Волынскаго, очевидно) улавливаетъ какія-то насилія надъ нимъ, какія-то оковы тяжести. Въ образѣ старца Зосимы чувствуется напряженіе въ чемъ-то (это уже не „критика“, если самъ „критикъ“ *чувствуетъ что-то*), напряженіе несвободное и тяжелое. Художникъ все время символизировать (*sic!*) чрезъ него сложную систему своихъ идей — не современныхъ и даже не вполне русскихъ идей. Эти идеи — идеи византійскія...“ (LXVII).

Такія непозволительныя противорѣчія Волынскаго самому себѣ еще болѣе бросаются въ глаза, если мы сравнимъ, напри- мѣръ, слѣдующія „подробности“ разновременныхъ сужденій

¹⁾ Наша мысль, только темновато у г. Волынскаго выраженная.

²⁾ Разумѣются именно тѣ страницы, гдѣ говорится о Зосимѣ.

критика. Въ „Книгѣ великаго гнѣва“ г. В-ій пишетъ (LVII): „во всемъ существѣ Зосимы, во всей его жизни, въ преднамѣренныхъ поклонахъ будущему страданію Карамазова Дмитрія чувствуется *напряженіе* великое, идейное, но въ чемъ-то не-свободное и тяжелое“, т.-е., придерживаясь терминологіи Волынскаго, не русское, византійское. Въ „Царствѣ Карамазовыхъ“ мы, къ своему удивленію, находимъ совсѣмъ другое. „Черезъ все поведеніе Зосимы проходитъ смиреніе: несмотря на свою немощь, онъ постоянно склоняется передъ людьми въ низкомъ, глубокомъ поклонѣ... (172). Этимъ поклономъ — низкимъ русскимъ поклономъ, онъ привѣтствуетъ всякое человеческое обращеніе къ нему... (173). Въ своемъ поклонѣ предъ Димитріемъ, Зосима кланяется такъ, какъ кланяются живой иконѣ, созданной нечеловѣческими силами... Черезъ эту живую икону Зосима какъ-бы созерцаетъ вѣчный прообразъ ея, видитъ его красоту и благочестиво падаетъ предъ нимъ до земли (174)... „...Есть что-то очаровательное“, восклицаетъ, наконецъ, Волынскій, „въ той философіи поклоновъ, которая чувствуется въ романѣ, дѣлая его — казалось бы, въ столь незначительномъ пунктѣ типично-русскимъ произведеніемъ... Глубокій, поясной или земной поклонъ—это чисто русскій поклонъ, съ самобытно русской психологіей смиренія и самоуменьшенія передъ людьми, какъ передъ символомъ воплощеннаго въ нихъ божества. Эта черта особенно многозначительно является въ обрисовкѣ Зосимы, который корнями своего обновленнаго существа врастаетъ въ народную почву“ (175 с.).

Право, даже смѣшно было переписывать эти „критическія страницы“. И хотъ-бы чѣмъ-нибудь были оправданы подобныя противорѣчія!.. Впрочемъ, требовать отъ гг. Волынскихъ толковаго отношенія къ *русской* дѣйствительности нельзя, вѣдь они сами прежде всего *не* русскіе...

ЧАСТЬ VI-я.

**НѢМЕЦКІЙ и РУССКІЙ
„ФАУСТЫ“.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
„Ф а у с т ь“ Гете.

„...Не проникнуть ты Христомъ...“
Гёте.

„Фаустъ“ — драма религіозная, своего рода мистерія, изображающая судьбу, подвергнутого испытанію человѣка, его паденіе и, наконецъ, примиреніе съ Богомъ, примиреніе, купленное цѣной страданія и возвышенныхъ стремленій¹⁾. „Идея „Фауста“ есть противорѣчіе и борьба двухъ свойственныхъ человѣческой природѣ сторонъ: духовно-нравственной и чувственно-хотящей“²⁾. „Поэма Гёте вообще неясна и сбивчива, что является слѣдствіемъ несовершеннаго развитія мысли ея творца... Чего хочетъ Фаустъ? Этого онъ и самъ не знаетъ... Обширные комментаріи къ поэмѣ представляютъ всегда поэтому изъ себя нѣчто смѣшное, не говоря о томъ, что обыкновенно они выходятъ совершенно безцвѣтными и недостаточными... По словамъ самого Гёте, его поэма есть не что иное, какъ „стремленіе къ истинѣ и наслажденіе обманомъ“³⁾.

„Вопросъ о двойственности человѣческой личности, объ антагонизмѣ духа и матеріи — это вопросъ, *ложно* поставленный метафизикой и потому научно неразрѣшимый. Наука знаетъ только явленія... Для нея человѣкъ *единъ*; всѣ стороны его бытія, всѣ отправления его (подраздѣляемыя на умственные,

¹⁾ Н. Котляревскій, „Міровая скорбь“, стр. 81.

²⁾ Фр. Паульсенъ, „Шопенъ, Гамл., Мефистофель“, стр. 145.

³⁾ Е. Дюрингъ, „Великіе люди въ литературѣ“, стр. 129.

нравственныя и физическія) — *научно* могутъ разсматриваться только съ одной точки зрѣнія, какъ явленія, какъ объекты опыта и наблюденія. Если предполагать въ человѣкѣ еще другое начало, не подлежащее законамъ явленій, то оно не подлежитъ и наукѣ; о немъ нечего пытаться *разсуждать*. Предоставимъ его *вѣрть*...

На такихъ-то схоластическихъ задачахъ мучится Фаустъ, еще не выбравшійся изъ метафизическаго мрака на вольный свѣтъ реализма. „Я—божество“, восклицаетъ Фаустъ, и тотчасъ же переходитъ къ противоположному: „я—червь“. — Ты—ни то, ни другое, можетъ сказать ему Мефистофель: „ты—просто человѣкъ!“ Фаустъ еще не стоитъ на точкѣ зрѣнія Мефистофеля и въ то же время уже далеко ушелъ отъ старины, отъ дѣтства, для котораго нѣтъ вопросовъ, все ясно, просто и разрѣшимо. Онъ чувствуетъ раздвоеніе метафизики, видитъ ея несообразности, но еще не въ силахъ выкарабкаться изъ омута накопленныхъ вѣками противорѣчій. Съ одной стороны отрицается старина, ниспровергаются ея идолы и кумиры, заявляется грозный протестъ традиціи, съ другой — новое не прочно, не выдохся запахъ преданія. Оглядываешься назадъ—жалко стараго; и не вѣрится въ него, да и разстаться съ нимъ трудно... Такъ воплощается въ Фаустѣ *унаследованныя отъ прошедшаго стремленія къ абсолютному въ борьбѣ съ критической мыслью*. Это его господствующая идея¹⁾.

Мы привели здѣсь нѣсколько разнородныхъ сужденій новѣйшей русской и иностранной критики объ основной идеѣ поэмы Гёте. Къ нимъ возможно подвести и всѣ почти мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ всемірной литературѣ. По нашему мнѣнію, взглядъ А. Шахова на основную идею „Фауста“ наиболее глубокъ и заслуживаетъ вниманія, требуя однако нѣкотораго поясненія и дополненія. „Въ европейской цивилизаціи есть какое-то странное искривленіе: будучи столь правильной *въ частяхъ*, она заключаетъ что-то ложное *въ своемъ цѣломъ*, — и то, надъ чѣмъ трудилось столько поколѣній и съ такими надеждами, вовсе не достигаетъ цѣли, ради кото-

¹⁾ А. Шаховъ, „Гёте и его время“, стр. 190—1.

рой надъ нимъ трудились... Поэтому, чѣмъ глубже входимъ мы въ духовный міръ Европы и чѣмъ тѣснѣе сливаемся съ нимъ, тѣмъ сильнѣе поднимается въ насъ чувство странной неудовлетворительности, необыкновенной душевной усталости; и что особенно замѣчательно—эта неудовлетворенность и усталость испытывается и самими европейцами, именно тѣми изъ нихъ, которые являются глубочайшими и послѣдними выразителями ея началъ, движущихъ ею идей... Отсюда какая-то неудовлетворенность на вершинахъ европейской цивилизаціи. Что можетъ быть выше, нежели „Фаустъ“? а сколько невысказанной грусти залегло въ это чудное созданіе“¹⁾?

Откуда такой характеръ европейской цивилизаціи? Что придало ей подобной отгѣнокъ? Если „Фаустъ“ есть вершина этой цивилизаціи, то онъ можетъ дать намъ нужный отвѣтъ. Ни въ одномъ изъ великихъ западно-европейскихъ художественно-литературныхъ произведеній не сказалась съ такою силою характерная черта всей культурной европейской жизни, какъ именно въ „Фаустѣ“... Мы разумѣемъ излишнюю ея „умственность“.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей сознательной жизни западный человѣкъ началъ ко всему относиться „умственно“ началъ строить свою жизнь почти исключительно на „умственныхъ“ началахъ. Его религія, наука, политическій и общественный строй жизни, искусство и литература были, въ сущности говоря, — прежде всего разумны, правильнѣе сказать, „умственны“. Этою „умственностью“ онъ руководился во всѣхъ случаяхъ своей личной и общественной жизни, съ этою „умственностью“ онъ живетъ и теперь, только въ этой опять-таки „умственности“ нужно видѣть причину „скорби“, разлитой по всей европейской цивилизаціи, и вытекающей изъ „безсознательнаго сознанія“ собственной односторонности послѣдней, а также и причину современнаго „декаданса“, который потому *вполнѣ* умѣстенъ въ Европѣ и *совершенно* смѣшонъ и нелѣпъ у насъ. Если мы присмотримся теперь къ великому творенію Гёте, то безъ особеннаго труда увидимъ, что главный герой его, т.-е., Фаустъ, прежде всего „умствененъ“ и что, слѣдова-

¹⁾ В. Розановъ, „Литер. очерки“, стр. 76—5.

тельно, вся поэма Гёте, принимая во вниманіе разрѣшающіяся въ ничто „настроенія“ самого Фауста, можетъ быть, вполне независимо и отъ творца ея (это бываетъ), есть не что иное, какъ ядовитѣйшая насмѣшка надъ всею „европейскою умственностью“, какъ свидѣтельство о полнѣйшемъ пораженіи ея, объ ея совершенной непригодности для *настоящей* человѣческой жизни... И *въ этомъ*, по нашему мнѣнію, заключается основная идея поэмы Гёте.

Прослѣдимъ теперь въ краткихъ чертахъ развитіе указанной идеи. Уже въ первомъ монологѣ Фауста ярко выступаетъ „идея его“, ради осуществленія которой онъ вошелъ въ связь съ Мефистофелемъ и надѣлалъ, по выраженію Дюринга, столько глупостей въ своей „подрумянившейся жизни“.

„И вижу все-жъ, что не дано намъ знанья.

Изныла грудь отъ жгучаго страданья...“

Вся предыдущая жизнь Фауста (а мы въ началѣ поэмы видимъ ужъ совершеннымъ старикомъ) была посвящена исключительно *одному* знанію. Жизнь, какъ она разливалась вокругъ, возбуждала у него въ сущности мало интереса; онъ, что называется, проглядѣлъ ее, отдавши самого себя только познанію „глубинъ бытія“, о которыхъ, въ концѣ концовъ, онъ ничего существеннаго и не узналъ.

„И лишь узналъ одно я изъ опытовъ моихъ,

Что знанье чловѣку невозможно...“

Отсюда его скорбь. Фаустъ скорбитъ не о томъ, что онъ ничего почти не сдѣлалъ для жизни, что онъ не осуществилъ никакого нравственнаго идеала, нѣтъ, — его угнетаетъ мысль, что „знанье чловѣку невозможно“. Поэтому

„Хочу я магіи предаться,
Хочу съ духами сочтаться,
Я ихъ на помощь призову;
Быть можетъ *тайны бытія*
Тогда отъ нихъ услышу я.
Загадки мудрости узнаю...
Быть можетъ силы бытія
Тогда понять успѣю я;
Узнаю вѣчное начало,
Причину тайную міровъ...“

Итакъ, Фаустъ стремится войти въ связь съ духами лишь для того, чтобы удовлетворить *нѣтливостъ своего ума*. „Онъ ищетъ абсолютнаго, безусловнаго, онъ жаждаетъ безграничнаго вѣдѣнія“¹⁾).

Будучи чуждъ всякой вѣры — „невозвратима вѣра мнѣ живая“, строя свою жизнь исключительно на началахъ разума, Фаустъ во второмъ своемъ монологѣ буквально „не знаетъ, что думать о самомъ себѣ.

„Богамъ не равенъ я!...
Я равенъ червяку!..“

И это онъ говоритъ вскорѣ послѣ гордаго сознанія, что его положеніе чуть-ли не равно божескому. Если бы Фаустъ вѣрилъ, слѣдовательно, если бы у него на первомъ мѣстѣ стояло осуществленіе нравственныхъ идеаловъ, то онъ не приближалъ бы себя къ „червяку“ и „богу“, не смѣялся бы надъ наукой, не отрицалъ бы ея, такъ какъ зналъ бы границы и задачи послѣдней. Но у Фауста всегда на первомъ мѣстѣ разумъ. Увидѣвъ *его* банкротство, онъ увидалъ также банкротство и *всей* своей жизни, а потому рѣшилъ болѣе не жить.

„Мила мнѣ смерть, — постыла жизнь моя...“

Онъ хочетъ отравиться, хочетъ покончить съ собой, оставивъ жизнь, о которой, повторяемъ, во всемъ ея объемѣ не имѣлъ должнаго понятія. Такимъ образомъ, одностороннее развитіе личности приводитъ къ ея „жизненному вырожденію“.

Намъ могутъ замѣтить, что Фаустъ жилъ не только одною теоретическою жизнью, наприимѣръ, его помощь народу во время чумы... Затѣмъ, у Фауста не все и къ одному уму сводилось. Народу онъ говоритъ: „не меня благодарите,

...Вы передъ тѣмъ склонитесь, Кто съ высотъ
И учить помогать, и помощь шлеть...“

Наконецъ, въ тиши ночной Фаустъ заявляетъ:

„Полны любви мы *человѣчной*,
Любовью къ *Богу* мы полны...“

Помощь Фауста народу была, если хотите, только „своеобразное“ примѣненіе науки, осужденное имъ же самимъ. Что

¹⁾ А. Шаховъ, стр. 162.

же касается призыва къ поклоненію предъ Богомъ (въ Котораго Фаустъ не вѣрилъ) и довольно жалкихъ словъ о любви, то на это нужно смотрѣть, только какъ на черемѣну настроенія, совершавшуюся подъ влияніемъ чисто-внѣшнихъ причинъ, въ послѣднемъ случаѣ, напримѣръ, ночного времени. У того челоѣка, который, дѣйствительно вѣруетъ въ Бога, сердце котораго горитъ святою любовью, у этого не вырвется изъ устъ:

„Клянѹ любви живой успѣхъ!

Надежду, вѣру, а терпѣнье

Клянѹ я первымъ изо всѣхъ!..“

Переходимъ теперь къ „общенію Фауста съ Мефистофелемъ“, слѣдя въ то же время и за дальнѣйшимъ развитіемъ основной идеи произведенія Гёте.

Что такое Мефистофель?

Мы не согласны съ тѣми разнородными опредѣленіями сущности этой интересной личности поэмы Гёте, съ которыми приходилось намъ встрѣчаться въ различныхъ комментаріяхъ, и позволяемъ себѣ въ данномъ случаѣ высказать собственное сужденіе. По нашему мнѣнію, въ своемъ Мефистофелѣ Гёте съ необыкновенною яркостью высказалъ взглядъ всего средне-вѣковаго времени на умъ челоѣка, взятый самъ по себѣ, т.-е. на умъ безъ всякой связи его съ сердцемъ и „мыслью“ послѣдняго — вѣрой. „Критикъ“ въ христіанствѣ вообще и въ особенности въ средне-вѣковомъ христіанствѣ безусловно осуждался, какъ челоѣкъ, одержимый дьяволомъ или даже приходившійся сродни послѣднему. Въ образѣ Мефистофеля это воззрѣніе на критическій умъ челоѣка и суммировано, такъ сказать, до послѣдней степени. Вотъ почему этотъ образъ производитъ по временамъ то впечатлѣніе удивительнѣйшей реальности, заставляющей однихъ комментаторовъ поэмы Гёте видѣть въ Мефистофелѣ вполне самостоятельное лицо ¹⁾, совершенной абстрактности, принуждающее другихъ — усматривать въ немъ или своеобразный двойникъ самого Фауста ²⁾, или же только извѣстный *принципъ* ³⁾. Между тѣмъ, Мефистофель ни то, ни

¹⁾ А. Шаховъ, Паульсенъ.

²⁾ Куно Фишеръ.

³⁾ Паульсенъ, противорѣчащій въ данномъ случаѣ самому себѣ.

другое, ни третье, а все вмѣстѣ взятое: онъ и „принципъ“, и двойникъ Фауста, и вполне реальное лицо съ *своей* душой, вдунутой въ него великимъ поэтомъ, правда, съ душой, „сдѣланной“, такъ сказать, изъ средневѣковыхъ христіанскихъ воззрѣній на критическій умъ человѣка. *Такой* умъ, по понятіямъ средневѣковья, къ добру не приведетъ, и вотъ Мефистофель съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности выступаетъ предъ нами только, какъ злое и любящее все „злое—нехорошее“ существо.

Какъ же теперь смотрѣть на союзъ Фауста съ Мефистофелемъ?

Фаустъ и до этого союза жилъ, какъ мы уже замѣтили, преимущественно „умственной“ жизнью, однако разумъ его распространялъ свое вліяніе сравнительно на небольшую сферу, а именно — сферу чисто-умозрительно-метафизическаго характера; область религіозно-нравственная была ему почти совершенно чужда. Такимъ образомъ, разумъ Фауста былъ настоящій схоластическій умъ, находившійся, незамѣтно для самаго обладателя его въ извѣстномъ услуженіи религіи, поэтому, пессимизмъ первыхъ монологовъ Фауста, какъ это вполне правильно замѣчаетъ и А. Шаховъ¹⁾, „есть слѣдствіе невольнаго сознанія своей связи съ старой схоластикой и *неполнаго* проникновенія началами новой критики“, распространяющей свое вліяніе, добавимъ мы, на всѣ области духовной жизни человѣка. Но вотъ Фаустъ запродастъ себя Мефистофелю. Въ этой „запродажѣ“, по нашему мнѣнію, должно видѣть своеобразный символъ распространенія господства критической мысли буквально на *всѣ* области духовной жизни. Но, развѣ можно въ достаточной степени использовать и узнать силу этой мысли, когда одной ногой стоишь уже въ гробу?... Отсюда вновь возвратившаяся молодость Фауста, дающая ему полную возможность окунуться съ головой въ *ту* жизнь, которой онъ до сихъ поръ совершенно не зналъ... Если въ первобытныхъ сагахъ о докторѣ Фаустѣ послѣдній въ концѣ концовъ попадаетъ въ руки сатаны, то въ *этомъ* сказывается лишь бла-

¹⁾ „Гѣте и его время“, стр. 166—172.

гочестіе среднихъ вѣковъ, наказывающее человѣка за его излишнее „умствование“. Весьма понятно, что Гёте, стремившійся создать *полнаго* человѣка, не могъ такъ поступить: преданіе Фауста въ руки Мефистофеля означало бы тогда не столько наказаніе перваго, сколько вообще утвержденіе „умственности“, какъ основного принципа жизни. Поэтому Гёте „спасаетъ“ своего героя, поставляя такое условіе, которое, въ сущности говоря, *никогда* для человѣка не выполнимо, а именно; *окончательное самоудовлетвореніе известнымъ моментомъ*. Но Фаустъ все-таки находитъ это „самоудовлетвореніе“ и въ то же время избавляется отъ Мефистофеля, т.-е., убиваетъ сразу двухъ зайцевъ...

Просмотримъ же теперь вкратцѣ путь героя Гётевской поэмы къ ей, по нашему мнѣнію, удивительно-выдуманному заключенію. Вотъ предъ нами романъ Фауста съ Гретхень. Только что увидѣвъ дѣвушку, онъ загорѣлся вдругъ желаніемъ обладать ею сейчасъ же, во что бы то ни стало.

„Коль ты (говорить Ф. М.) не въ силахъ мнѣ помочь
Ее обнять сегодня въ ночь, —
Съ тобою въ полночь мы чужіе...“

Прежде, во время изысканія тайнъ бытія, у нашего героя явилось бы такое желаніе? Никогда, ибо онъ лишь *теперь* — въ союзѣ съ грѣшнымъ началомъ человѣческаго духа, *вскри-тивающей* мыслью, Мефистофелемъ. Руководясь только этою мыслью, Фаустъ игнорируетъ всякіе нравственные принципы, какъ основу дѣятельности; они для него не существуютъ въ настоящій моментъ. Онъ любитъ Гретхень, но его любовь не имѣетъ нравственной подкладки, не знаетъ *будущаго* времени, столь необходимаго для освященія и укрѣпленія любви: нѣтъ! и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи Фаустъ стремится упиться только *моментомъ* и, сдѣлавъ пакостный поступокъ, скрывается. Узнавъ о мученіяхъ Гретхень, заключенной въ темницу, Фаустъ страдаетъ и чуть ли не силою принуждаетъ Мефистофеля летѣть къ несчастной женщинѣ. (Символь пробуждающейся совѣсти въ человѣкѣ, которая уже не подчиняется, а наоборотъ — господствуетъ надъ мыслью). Тотъ съ трудомъ соглашается и вотъ они у порога тюрьмы. Ме-

фистофель почти забытъ. Фаустъ до того затронуть въ своей душѣ, что, при видѣ Гретхенъ, чувствуетъ страданія *всего* міра.

„Давно забытый страхъ владѣть мною;
Всемірнымъ я страданьемъ потрясенъ...“¹⁾

Какая-то иронія сквозитъ здѣсь. Фаустъ опять „путається“ съ мировыми вопросами; онъ „потрясенъ всемірнымъ страданьемъ“ и не видитъ всего ужаса страданія, причиной котораго *онъ* самъ былъ... Разумъ не позволяетъ ему раздѣлить страданія Гретхенъ и онъ убѣгаетъ съ Мефистофелемъ, т.-е., опять подчиняется все осмѣивающей критико-отрицательной мысли. Не даромъ первая часть поэмы кончается призывомъ Мефистофеля: „за мной!..“

Такимъ образомъ, романъ Фауста съ Гретхенъ есть въ сущности не что иное, какъ первая проба примѣненія къ жизни мефистофелевскихъ принциповъ. Этотъ романъ въ глубинѣ своей только „умствененъ“.

Переходимъ теперь прямо къ концу поэмы. Въ трехъ различныхъ мѣстахъ произведенія Гёте Фаустъ заявляетъ: „Лишь подвигъ все!..“ Этимъ „подвигомъ“, какъ извѣстно, заканчиваетъ онъ и свою жизнь. Но можно-ли назвать дѣйствительнымъ подвигомъ то, что сдѣлалъ Фаустъ? Никогда! Смерть Филемона и Бавкиды, погибшихъ вслѣдствіе желанія Фауста, безцѣльное въ сущности осушеніе части моря, на что онъ *самъ* и пальцемъ *не* двинулъ, — это не подвигъ, а вымученное исканіе Гёте такого „мѣста“ своему герою, гдѣ послѣдній могъ бы сказать: „я доволенъ!“ Чѣмъ спрашивается? Неизвѣстно... Мефистофель *дѣйствительно* не имѣлъ никакого права на Фауста, ибо тотъ умиралъ удовлетвореннымъ лишь по желанію Гёте, сохраняя до конца свою „умственность“, отрицая безсмертіе, небо и Того, Кто на немъ. На спасеніе же Фауста отъ адovýchъ огней *въ силу заслугъ* вѣчно-женственного начала нужно смотрѣть какъ на удивительное схоластико-католическое „Deus ex machina...“

¹⁾ Единственныя строки во всей поэмѣ, гдѣ Фаустъ думаетъ о „мировомъ страданіи“, а не только о своихъ собственныхъ. Эти строки какъ-то диссонируютъ съ прочимъ содержаніемъ поэмы.

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны замѣтить слѣдующее: Фаустъ Гёте — это прежде всего индивидуалистъ съ головы до ногъ, занятый лишь своимъ собственнымъ спокойствіемъ. Вся его дѣятельность до и послѣ союза съ Мефистофелемъ проникнута только одною „умственностью“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Область сердечныхъ чувствованій съ главной функціей ихъ, вѣрой, почти совершенно чужда ему въ своемъ *чистомъ* видѣ. Его ученіе о Богѣ, высказываемое имъ въ знаменитомъ монологѣ:

„Кто въ правѣ въ цѣломъ свѣтѣ,
Я въ Бога вѣрую сказать?..“

есть въ сущности преклоненіе предъ тѣми идеалами, которые онъ *самъ* создалъ, т.-е., преклоненіе предъ самимъ собою. Всѣ стремленія, исканія Фауста затрогиваютъ только его. Онъ „продѣлываетъ подвигъ“ *для себя*, хотя и говоритъ о пользѣ его „подвига“ для другихъ людей, къ которымъ не питаетъ никакой любви...

Постоянная неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, томленіе духа ко всему высокому, стремленіе такъ или иначе разрѣшить прежде всего „проклятые вопросы“, отчаяніе при видѣ своего безсилія, скорбь о себѣ самомъ — это общечеловѣческія черты Фауста Гёте. Эгоистичность, не замѣчаемая тѣмъ, кто ею живетъ, излишній рационализмъ, низводящій Бога къ „понятію“, находящемуся въ полномъ распоряженіи того, кто его выдумалъ; узкость и ограниченность чисто сердечной жизни, уснокоеніе „маленькимъ дѣломъ“, въ столь же малой степеніи полезнымъ для прочихъ, наслажденіе „процентами“ этого дѣла, наконецъ, какая-то „порядочность“ и „аккуратность“ — это чисто нѣмецкія — мѣстныя черты, пріобщенныя Фаусту, можетъ быть, независимо и отъ творца его, который на закатѣ своей жизни также „аккуратно“ „продѣлывалъ свой подвигъ“ въ должности министра...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

„Фаустъ“ Достоевскаго.

„Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходиль, благословляя...“

Т ю т ч е в ъ.

„Меня всю жизнь Богъ мучилъ“, пишетъ Достоевскій Майкову. Иванъ Карамазовъ, Кирилловъ, Дмитрій Карамазовъ, наконецъ князь Мышкинъ и Степанъ Верховенскій, однимъ словомъ — всѣ вышеохарактеризованные „лики“, „выраженія“ одного колоссальнаго лица представляютъ изъ себя не что иное, какъ только своеобразныя жертвы, „мучителемъ“ которыхъ должно назвать Самого Бога.

Что это значитъ: „всю жизнь Богъ меня мучилъ?...“ Нами уже была указана характернѣйшая черта русской народной личности: разумѣемъ стремленіе послѣдней посмотрѣть на всякое дѣло, даже мысль прежде всего съ нравственной точки зрѣнія, т.-е., прежде всего оцѣнить степень приложимости этого дѣла, этой мысли къ нравственному облику человѣка. Отсюда ни у одного народа не движется такъ жизнь между полюсами „хорошо“ „нехорошо“, какъ именно у народа русскаго. Этими „полюсами“ и опредѣляется весь ходъ его исторіи, весь ея „колоритъ“; эти же полюсы свѣтятся и въ каждомъ отдѣльномъ русско-народномъ лицѣ. Отсюда ни одинъ народъ не даетъ намъ примѣровъ такого „богохульствованія“ („въ Европѣ не было такой силы атеизма, какъ у меня“, говоритъ Д-ій), какъ именно народъ нашъ, и опять таки нигдѣ вы не найдете такого „подвижничества“ во имя нравственнаго идеала, какъ только у насъ. Въ „Дневникѣ Писателя“ за 1873 г.¹⁾ Достоевскій отъ лица одного старца рассказываетъ „удивительную повѣсть изъ народнаго быта“. „Вижу“, говоритъ этотъ старецъ, „вползаетъ ко мнѣ разъ мужикъ на кодѣняхъ. Я еще изъ окна видѣлъ, какъ онъ ползъ по землѣ. Первымъ словомъ ко мнѣ: „Нѣтъ

¹⁾ V гл. „Власть“.

мнѣ спасенія, проклять! И что-бы ты ни сказаль — все одно проклять!“ Я его кое-какъ успокоилъ; вижу, за страданіями приползъ человекъ; издалека... „Собрались мы въ деревнѣ нѣсколько парней, началъ онъ говорить, и стали промежду себя спорить: „кто кого дерзостнѣе сдѣлаеть?“ Я по гордости вызвался предъ всѣми. Другой царень отвелъ меня и говорить мнѣ съ глазу на глазъ: „Это никакъ невозможно тебѣ, чтобы ты сдѣлаль такъ, какъ говоришь. Хвастаешь!“ Я ему сталъ клятву давать. „Нѣтъ, стой, поклянись, говорить, своимъ спасеніемъ на томъ свѣтѣ, что все сдѣлаешь, какъ я тебѣ укажу“. Поклялся. „Теперь скоро постъ, говорить, стань говѣть. Когда пойдешь къ причастію — причастіе прими, но не проглоти. Отойдешь — вынь рукой и сохрани. А тамъ я тебѣ укажу“. Такъ и сдѣлаль. Прямо изъ церкви повелъ меня въ огородъ. Взялъ жердь, воткнулъ въ землю и говорить: „положи!“ Я положилъ на жердь. „Теперь“, говорить, „принеси ружье“. — Я принесъ. — „Заряди“. Зарядилъ. „Подыми и выстрѣли“. Я поднялъ руку и намѣтился. И вотъ только бы выстрѣлить, вдругъ предо мною какъ есть крестъ, а на немъ Распятый. Тутъ я и упалъ съ ружіемъ въ безчувствіи“...

„Здѣсь, говорить Достоевскій, являются передъ нами два народные типа, въ высшей степени изображающіе намъ весь русскій народъ въ его цѣломъ. Это, прежде всего, забвеніе всякой мѣрки во всемъ... Это—потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣситься въ нее наполовину, заглянуть въ самую бездну и, — въ частныхъ случаяхъ, но весьма нерѣдкихъ, броситься въ нее, какъ ошалѣлому, внизъ головой. Это—потребность отрицанія въ человекѣ, иногда самомъ неотрицающемъ и благовѣющемъ, отрицаніе всего, самой главной святыни сердца своего, самаго полного идеала своего, всей народной святыни во всей полнотѣ ея, передъ которой сейчасъ лишь благовѣль, и которая какъ будто бы стала ему невыносимымъ какимъ-то бременемъ. Особенно поражаетъ та торопливость, стремительность, съ которою русскій человекъ спѣшитъ иногда заявить себя, въ инныя характерныя минуты своей или народной жизни, заявить въ хорошемъ или поганомъ. Иногда тутъ просто нѣтъ удержау. Любовь-ли,

вино-ли, разгуль, самолюбіе, зависть—тутъ иной русскій человекъ отдается почти беззавѣтно, готовъ порвать все, отречься отъ всего: отъ семьи, обычая, Бога. Иной добрыйшій человекъ какъ-то вдругъ можетъ сдѣлаться омерзительнымъ, безобразнымъ и преступникомъ, — стоитъ только попасть ему въ этотъ вихрь, роковой для него круговоротъ судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенія, такъ свойственный русскому народному характеру въ инныя роковыя минуты его жизни... „Я, конечно, народень, замѣчаетъ Достоевскій въ своихъ предсмертныхъ запискахъ, ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго.“

Вотъ предъ нами одинъ изъ „полюсовъ“ русской нравственности. Другой — ищите въ тѣхъ „Власахъ“, которые и доселѣ шагаютъ по необъятному лицу земли русской, налагая на себя непосильныя мученія и наказанія. И первые и вторые—мученики Бога. И на первыхъ и на вторыхъ Онъ показываетъ Свое величіе, Свою славу, Свою для всего сущаго необходимость. И тѣ и другіе не оставляются Имъ въ моментъ самыхъ безобразныхъ отрицаній Его Личности, и разумѣется, въ минуты наибольшаго просвѣтленія Имъ... *Такое* отношеніе къ Божеству возможно лишь у народа, проникнутаго этимъ Божествомъ отъ конца до конца,“ другими словами, представляющаго изъ себя въ высшей степени благодарную почву именно для божескихъ вѣяній, привходящихъ въ сердце даже тогда, когда, повидимому, сердце это прикрыто непроницаемой броней разныхъ „самоизмышлений“. Отсюда „русскій Фаустъ“ въ глубинѣ своего духа представляетъ собою коренную противоположность нѣмецкому. Если послѣдній въ сущности своей умственный эгоистъ“, то первый „нравственный альтруистъ“, нравственный даже тогда, когда говоритъ: „хорошо и дѣвочку обезчестить“, альтруистъ тогда, когда заявляетъ, что „любовь ко всѣмъ — это нѣчто *нестественное* и противное природѣ человека“.

Когда Богъ перестаетъ мучить человека? Тогда, когда послѣдній „постигнетъ“, что „все хорошо“, ибо *все* истина, такъ какъ *все подѣ* Богомъ, надъ *всѣмъ* Богъ и *все* въ концѣ концовъ устремляется только къ Богу. Другими словами, „мученіе“

уйдетъ тогда, когда человѣкъ пойметъ высшимъ разумомъ, такъ сказать, *прозрѣетъ*, что единственно, чѣмъ онъ „живъ быти можетъ“, — это только безконечнымъ углубленіемъ своего *нравственнаго сознанія*. „Только *этимъ!*...“ какъ-бы хотеть сказать Достоевскій, и создаетъ цѣлый рядъ личностей, на которыхъ „отрицательнымъ путемъ“ показываетъ всю неодолимую мощь и силу великаго принципа. Углубленіе до крайнихъ предѣловъ разума (Иванъ Карамазовъ), воли (Кирилловъ), сердца (Дмитрій Карамазовъ) обнаружило всю несостоятельность послѣднихъ въ качествѣ руководителей жизни, берущихъ „руководство“ изъ самихъ же себя. Живя *только* разумомъ, или волей, или сердцемъ; слушааясь и повинуюясь заповѣдямъ, „придуманнѣмъ“ этими свойствами духа своего, не проникнутыми и не слитыми взаимностью, человѣкъ никогда не достигаетъ столь нужнаго ему самоудовлетворенія, никогда не приходитъ къ душевной гармоніи, ибо конечный путь его при такихъ условіяхъ кончается всегда „каменной стѣной“, о которую онъ начинаетъ биться головой, крича: „каменная стѣна—не успокоеніе!..“

Зосима не закончилъ „каменной стѣной“, — почему — мы это знаемъ. Не закончилъ ею и Алеша, въ которомъ мы и видимъ символизированное „прекрасное мгновеніе“... Этому „мгновенію“ Достоевскій сказалъ: „остановись!“.. „Пребывай въ мірѣ“, — завѣщаль ему умирающій Зосима.

Душевной гармоніей, цѣльностью духовнаго лица, сильнымъ умомъ, входящимъ во всякую мелочь сердцемъ, твердой, не стѣсняющей ни кого волей, однимъ словомъ, какою-то *удивительнаго жизненностию* вѣетъ отъ чуднаго образа Алеши. Онъ не вѣритъ, что Богъ есть, нѣтъ, — онъ *знаетъ*, что Этотъ Богъ есть. Поистинѣ гениальное проникновеніе въ сущность русскаго народнаго духа!.. Нашъ крестьянинъ именно *знаетъ*, что Богъ есть и того, кто отрицаетъ бытіе Божіе, смѣется надъ всѣмъ „Божескимъ установленіемъ“, на примѣръ, храмомъ, этого онъ называетъ *глупымъ*, т. е. „незнающимъ“ чего-то самаго главнаго, самаго необходимаго... И не даромъ Алешѣ, стоящему на молитвѣ у гроба старца Зосимы, вдругъ дается прозрѣніе въ формѣ страннаго, таинственнаго видѣнія, прозрѣніе въ какую-то глубь, сущность человѣческой жизни, которая до

сихъ поръ шла по столь кривому руслу. „И въ третій день, — слышитъ дремавшій Алеша голосъ отца Паисія, читающаго евангеліе надъ умершимъ старцемъ, — бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй, и бѣ Мати Исусова ту. Званъ-же бысть Исусъ и ученицы его на бракъ... ..И не доставшу вино, глагола Мати Исусова къ Нему: вина не имуть... Бракъ?.. Что это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умѣ Алеши... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея... А?.. что читають?.. Это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ, это чудо, ахъ, это милое чудо!.. Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ... „Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ“... Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ его мыслей была... Безъ радости жить нельзя, говоритъ Митя... Да, Митя. . Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощенія, — это опять-таки онъ говорилъ... Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ, да... вѣдь это бракъ, свадьба... да... конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ, и веселая толпа... Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидаль меня, идетъ сюда... Господи!... Да, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичекъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющийся. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ, стало-быть, тоже на пирѣ, тоже званный на бракъ въ Канѣ Галилейской... — Также милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ — Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ. Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ. — Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичекъ, — пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей?.. Чего дивишься на меня? Я луковку подаль, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только малой луковкѣ... Что наши дѣла?.. И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!... А видишь-ли Солнце наше, видишь-ли

ты Его? „Боюсь... не смѣю глядѣть...“ прошепталъ Алеша.— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви утѣдился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, что-бы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ непрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вотъ и вино несутъ новое, видишь, посуды несутъ... Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило ея вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся. . Онъ всталъ и вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи. Алеша не остановился на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ необозримо опрокинулся небесный куполь, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цаловать ее, цаловать ее всю, но онъ цаловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изстуженно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои“... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и „не стыдился изстуженія сего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не о себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просить“, прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ-бы осязательно, какъ что-то твердое и неизблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ-бы идея воцарилась

въ умѣ его — и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Паль онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ, и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты... Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца, повелѣвшаго ему „пробывать въ міру...“

Если мы бросимъ теперь общій взглядъ на ту „своеобразную поэму о русскомъ Фаустѣ“, которую далъ намъ Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ, то безъ всякаго труда замѣтимъ, отчасти уже указанную нами, характернѣйшую черту этого Фауста. Въ противоположность нѣмецкому онъ всегда „проникнуть Христомъ“, т.-е. не только одними евангельскими началами, какъ извѣстнымъ эпическимъ ученіемъ, но именно личностью Самого Христа. Проникновеніе образомъ Христа, стремленіе къ этому идеалу — это задача, важность которой доказать поставилъ себѣ Достоевскій, сдѣлавъ ее *идеей* своей „поэмы о Фаустѣ“. Такою *идеєю* русскій Фаустъ горѣлъ въ минуты самага большаго своего отрицанія ея... Эта идея, *идея утѣдобенія Христу* (конечно, въ степени возможной и доступной человѣку), разъ зажегшись искрой въ сердцѣ его, не сразу разгорѣлась въ согрѣвающій всѣхъ и вся огонь, т.-е., не сразу подпустила избранника своего къ жертвеннику, откуда она слетѣла, но сначала обратила взоръ его на „внутренняя“ собственной его духовной природы, показала ему всѣ „бездны“, послѣдней, освѣтила всѣ самыя сокровенныя „тайны“ ея, убѣдила этого „избранника“ въ его полной невозможности безъ помощи „Небеснаго Жертвенника“ перейти „каменную стѣну“ законовъ, или же, пришедъ къ послѣдней, найти *успокоеніе* въ „своихъ идеяхъ“. — и лишь тогда, когда онъ, этотъ избранникъ, перенесши муки отрицанія, отчаянія, сознавая свою слабость, припалъ рыдая къ землѣ, только тогда „искорка“ разгорѣлась въ сердцѣ его въ „веселый огонь“, только тогда онъ *постылилъ*, т.-е. понялъ и почувствовалъ въ одно и то же время, что гармонія духа („проникновеніе Христомъ“) наступаетъ для человѣка въ моментъ проникновенія его смысломъ земли, т.-е. смысломъ земного человѣческаго существованія, заключающагося

въ любви ко всему, въ прощеніи всего, въ радости о всемъ, буквально о всемъ!.. — „*Все хорошо, ибо все истина есть!*“..

„Прекрасно ты, *мгновенье!*..“ сказалъ нѣмецкій Фаустъ минутъ, очень скудной по содержанию, сказалъ и умеръ..

„Прекрасна ты, *жизнь!*..“ сказалъ Алеша — „русскій Фаустъ,“ — и.. всталъ, полный невыразимой любви даже къ „маленькой козявкѣ,“ полный желанія помочь всему, простить все, забывая самого себя... Всталъ и „предалъ себя міру“.

Какой чудный символъ для всего великаго славянскаго міра!..

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введение	3—13
<i>Часть I-я.</i> „Подполье“. Глава первая: Забитый человекъ. Глава вторая: Герой повѣсти „Записки изъ подполья“ .	14—27
<i>Часть II-я.</i> „Умственники“. Глава первая: Раскольниковъ (ром. „Преступленіе и наказаніе“). Глава вторая: Ста- врогинъ и Петръ Верховенскій (ром. „Бѣсы“). Глава третья: Версильевъ (ром. „Подростокъ“). Глава четвер- тая: Иванъ Карамазовъ и Смердяковъ (ром. „Братья Карамазовы“)	29—71
<i>Часть III-я.</i> „Идеи безпочвенной воли“. Глава первая: Ге- рой романа „Подростокъ“. Глава вторая: Ипполитъ (ром. „Идіотъ“). Глава третья: Кирилловъ (ром. „Бѣ- сы“)	73—88
<i>Часть IV-я.</i> „Мученики сердца своего“. Глава первая: Князь Мышкинъ (ром. „Идіотъ“). Глава вторая: Дми- трій Карамазовъ (ром. „Братья Карамазовы“). Глава третья: Степанъ Трофимовичъ Верховенскій (ром. „Бѣ- сы“)	89—111
<i>Часть V-я.</i> „Царство Божіе на землѣ“. Глава первая: Ма- каръ Дѣвушкинъ (ром. „Подростокъ“). Глава вторая: Зосима (ром. „Братья Карамазовы“)	113—124
<i>Часть VI-я.</i> „Русскій и нѣмецкій Фаусты“. Первая глава: „Фаустъ“ Гёте. Вторая глава: „Фаустъ“ Достоевскаго“.	125—144

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 4. *вм. принадлежит надо — принадлежит.*

„ 13. напечатано: „Весь трагизм... далеко *ниже* его дарований, — надо ... *выше* его дарований.
